Лев Венедиктов

Памяти противостоявшим
нацистской агрессии –
посвящается…

Керченский мост

(320 фронтовых дней
города–крепости Керчь)

г. Славянск-на-Кубани
2018 г.

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 821.161.1

В предлагаемой Вам книге рассказывается об истории вооруженной борьбы за восточный Крым и морские коммуникации, которые связывали полуостров с Кавказским побережьем Кубани в годы фашистского нашествия на нашу страну.

В основе книги – собранные автором подлинные воспоминания участников и свидетелей тех боевых действий, в документальной форме хранимые в фондах Восточно-Крымского (Керчь) историко-археологического музея заповедника

Данная книга предназначена для широкого круга читателей и является продолжением творческой исследовательской работы членов Крымского местного отделения Краснодарского краевого отделения общероссийской общественной организации «Российского общества историков-архивистов».

Лев Венедиктов. **Керченский мост**
ООО фирма “АЛЕВ” г.Славянск-на-Кубани 2018г. 432с. илл.

Венедиктов
Лев Александрович

Слово об авторе

Лев Венедиктов знаком крымчанам уже более 10 лет по его литературно-публицистической и общественной работе С тех пор, как он переехал на жительство в Крымск из Республики Крым. Здесь, в Городе-Герое Керчь до последнего времени, несмотря на почтенный возраст, он продолжал трудиться в должности старшего научного сотрудника отдела истории Великой Отечественной войны Керченского Государственного историко-культурного заповедника.

Родился Лев Александрович 24 сентября 1932 года в городе Томске в семье учителя-историка. Здесь прошло его детство и отрочество.

Еще мальчишкой, в годы Великой Отечественнои войны Лев Александрович надел погоны, став воспитанником Тамбовского военного Суворовского училища. В 1952 году окончил Кавказское Краснознаменное Суворовское офицерское училище (город Владикавказ), в 1969 году - академию имени Ф.Э.Дзержинского. Профессиональный военный, подполковник в отставке, является ветераном спецслужб Российской Федерации, ветеран Великой Отечественной войны. С 2009 года - член Союза журналистов РФ.

Поэтому в его литературно-журналистском творчестве особую тему, близкую и профессионально знакомую ему, занимает тема боевого и трудового подвига советского народа в Великой Отечественной войне, военно-патриотическая проблематика.

Уволившись в запас после 32 лет военной службы и профессионально занявшись научно-исследовательской работой, Лев Александрович около 20 лет активно сотрудничал и регулярно публиковался во многих печатных СМИ республики Крым.

Во многом, благодаря исследовательскому и литературно-пропагандистскому труду Л.А.Венедиктова, смог состояться такой значительный проект, как создание в 1989-1994 годах и выход к 50-летию Великой Победы в свет Керченской «Книги Памяти». Его перу принадлежат книги «50 лет ТбСВУ. 1944-1960», «На Керченском плацдарме», «Керчь военная» (две последние в соавторстве), многие страницы в книге «Война на земле Героев». Л.А. Венедиктов опубликовал сотни своих работ в различных газетных жанрах - очерка, мемуаристики, исторического эссе, зарисовки, интервью и т.д. – они красноречиво говорят о характере и содержании его публикаций.

Их герои - ветераны войны: и ныне живущие среди нас, и павшие на поле боя, и ушедшие из жизни в мирные годы от возраста, ран и болезней, - скромные труженики тыла, современные моряки, саперы, водолазы - люди героических профессий.

Многие статьи Л.А.Венедиктова были опубликованы в научных и литературно-исторических сборниках. Он отмечен наградами - «Почетный знак города-Героя Керчь» и нагрудным знаком «Почетная грамота Керченского городского Совета».

Переехав на жительство на Кубань, в город Крымск, Л.А.Венедиктов активно сотрудничает с районными газетами, опубликовав в «Электрон-ТВ» и «Призыв» более 60 статей и очерков. Лев Александрович

ведет большую общественную работу - В 2009-2011 годах являлся членом штаба Крымского районного офицерского Собрания, с 2006 года состоит членом Комиссии райгорсовета ветеранов по военно-патриотическому и нравственному воспитанию молодого поколения. Он руководитель «Школы молодого патриота» КИСТ. С 2009 года - заместитель председателя Крымского отделения Общества историков-архивистов РФ.

Лев Александрович женат, имеет двух сыновей, трижды дедушка и прадедушка.

За образцовое выполнение возложенных обязанностей в период несения военной службы награжден медалью «За боевые заслуги». Кавалер медали «За воинскую доблесть» в ознаменование 100-летия В.И.Ленина. Имеет медаль «За доблестный труд в период ВОВ 1941-1945 г.г.» и другие 18 государственных наград в честь знаменательных дат и событий.

Начальник архивного отдела
администрации муниципального
образования Крымский район
С.В.Клименко

Дорогой читатель!

На берегах Черного и Азовского морей раскинулся утопающий в зелени город Керчь, существующий 26 столетий! История распорядилась быть ему столицей Боспорского государства (Пантикапей), входить в Тьмутараканское княжество, стать консульством Генуи и опорным пунктом турецкого господства в Крыму, а по Кучук-Кайнарджийскому миру с 1774 года войти в состав Российской империи.

Во время Крымской войны (1853-1856) в 1855 году город был разграблен и разрушен английским десантом, а в годы Гражданской войны (1918-1920) оккупирован австро-германскими войсками, а затем и англо-французскими интервентами.

Но, пожалуй, самые суровые испытания его жителям выпали в 1941-1945 годы – в годы Великой Отечественной войны.

Керчь - индустриальный город с крупным портом, был дважды оккупирован фашистами (16 ноября 1941 г. и 19 мая 1942 г.) и дважды, в ходе Керченско-Феодосийской десантной операции 30 декабря 1941 года и вторично - в ходе Крымской операции 11 апреля 1944 года, был освобожден советскими войсками.

Население города участвовало в народном ополчении, мужественно сражалось с врагами в составе Красной Армии, в Крымской военизированной флотилии рыбаков, в подполье и партизанских отрядах, базирующихся в Керченских каменоломнях.

Более 15 тысяч граждан города было убито во время оккупации, более 14 тысяч угнано в Германию. Но

фашистам не удалось сломить высокий моральный дух и самоотверженность защитников города.

На горе Митридат высится обелиск Славы и горит Вечный огонь в память о павших и в честь живых, кто в суровые годы войны отстаивал свободу и независимость своей страны, кто защищал свой город. 14 сентября 1973 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Керчи присвоено почетное звание «Город-Герой».

Эта книга о тех, кто воевал, кто боролся за свободу, защищал город, о тех, кто любил свои семьи и свою землю, ценил жизнь, кто был предан Родине.

Автор этой книги, Лев Александрович Венедиктов, ветеран Великой Отечественной войны, подполковник в отставке, член Союза журналистов Российской Федерации, после завершения службы в Вооруженных Силах СССР, в 1983 году вместе с семьей переехал в Керчь и навсегда полюбил этот необыкновенный город. Работал в военкомате, научным сотрудником в Керченском государственном историко-археологическом музее-заповеднике, несколько лет посвятил созданию городской Книги Памяти, кропотливо изучал архивные документы, написал множество научных статей, опубликованных в научных сборниках «Крымский архив», «Историческое наследие Крыма» и др., издал несколько книг. Главная тема его исследований - Великая Отечественная война.

И все эти годы он встречался с участниками и очевидцами тех страшных и героических событий. Ни одна встреча не прошла бесследно: записаны мельчайшие подробности воспоминаний, изучены

тысячи документов. Многих из тех, кто вел свои повествования, теперь уже нет в живых, но их рассказы, бережно записанные Львом Александровичем, сохранились. Как они нужны нашим современникам!

В настоящее время Л.А.Венедиктов живет в городе Крымске Краснодарского края. Он ведет большую общественную деятельность: активно работает в районном совете ветеранов войны, Вооруженных Сил и труда, заместитель председателя местного отделения Российского общества историков-архивистов, неутомимый пропагандист военно-патриотических знаний среди молодежи.

Здесь, на Кубани, он написал несколько книг «Самое дорогое наследие», «Дневник солдата», «Защитим нашу Победу» …

Строительство моста между Таманским полуостровом и Крымом стало толчком для его новой творческой работы - книги о защитниках Города-героя Керчь, материалы для которой были собраны им в 80 - 90-е годы XX столетия.

Книга адресована взрослым и школьникам, всем, кому дорого прошлое нашей страны, кто интересуется историей Великой Отечественной войны. А кто-то здесь найдет строки о своих родных или знакомых, которые были участниками тех далеких исторических событий.

Л.Ф.Терновская, заслуженный учитель РФ,
председатель местной организации Крымского района Краснодарского краевого отделения российского общества историков – архивистов

От автора

«Не только люди делают дела,
Но и дела делают людей».
Екатерина Великая.

«Крым, Севастополь, Керчь»… Как часто, именно теперь, в последние четыре года мы то и дело слышим через СМИ звучание этих названий! Это земля древнейшей цивилизации. А здешние – Керчь, Феодосия, Судак! Им давно уже 26 веков.

Какие только народы ни заселяли эту землю! Здесь жили греки, скифы, римляне, готы, гунны, аланы, хазары, византийцы, венецианцы, генуэзцы, славяне. От обитавших здесь когда-то тавров осталось историческое название – Таврида.

А десять веков назад восточный Крым, - Керченский полуостров – принадлежал славянской Тмутаракани – княжеству, простиравшемуся по обоим берегам Керченского пролива и Таманскому полуострову.

И море Черное в древних арабских рукописях именовалось «Русским морем».

Здесь, в Крыму, Византия – этот греческий осколок Римской империи, - более тысячи лет назад передала свое христианское мировоззрение как религию славянству, чем положила начало православию.

В середине XV века в Крыму осели потомки татарских орд, создав здесь Крымское ханство. И вот настали времена, когда «верхушка» этого ханства превратилась в вассалов Османской империи и стала

особенно досаждать Московскому царству. Войны с Турцией следовали одна за другой. Турки мешали торговле, подбивали крымских ханов к враждебной политике по отношению к Московии. А всей этой возней руководили заклятые «друзья» российского государства Англия и Франция. Причина обычная – конкуренция в мировой торговле – основе любой экономики.

Турция во второй половине 18 века владела Балканами, Молдавией, вплоть до польских границ. И вот началась полоса войн Оттоманской империи с Россией.

В 1768 году Турция предъявила ультиматум – закрыла флотом проход русских судов в Черное море и, далее через пролив Босфор, в Средиземное. Это грозило ослаблением торговли. Конечно, оставалось Балтийское море. Здесь со времен Петра Великого русский флот чувствовал себя как дома. Особенно после разгрома шведского флота у Гангута (ныне это остров Ханко). Карл XII, шведский король, тогда же отказался в пользу России на вечные времена от Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии (это нынешние прибалтийские республики) и части Карелии.

После взятия Азова – крепости на Азовском море – Петр I вынашивал планы при первой возможности овладеть Крымским полуостровом, чтобы иметь выход к Средиземному морю.

Когда Екатерина II узнала об агрессии со стороны турок, она послала Балтийскую эскадру в обход Европы к Греческому архипелагу. Здесь в Чесменской бухте

26 июня 1770 года турецкий флот был разгромлен в прах. Турки запросили мира.

10 июля 1774 года был подписан в местечке Кучук-Кайнарджи мирный договор. К этому историческому моменту русский флот перенес свои действия в Черное море и обеспечивал плавание торговых судов через проливы в Средиземное море. Турки же имели свои базы в Керчи, крепости Еникале, Анапе, Судаке.

Позиции нашего флота еще более укрепились здесь после Синопского сражения флотов в ноябре 1853 года под командованием П.С.Нахимова. С тех пор на флотском воротнике были учреждены три синие полосы на белом фоне: память о великих победах русского флота при Гангуте, Чесме и Синопе.

Но это все пришло позднее. А тогда, по договору 1774 года Крым и находящиеся рядом «татарские» области (так назывались все народы-иноверцы северного Причерноморья) признавались вольными и независимыми от всякой посторонней власти. Турция отказывалась от своих прав на Крым и Приазовье, передав их России. Манифест же о присоединении Крыма, Таманского полуострова и прибрежной Кубани был подписан матушкой Екатериной только 8 апреля 1783 года.

Что к этому привело? Мелкие военные действия продолжались даже после установленного согласно договора уже нового статуса Крымского ханства. Драчки и междоусобица внутри татарской знати не прекращались, особенно между сторонниками и противниками сближения с Россией.

Одним из таких сторонников был брат тогдашнего

Крымского хана – Шагин-Гирей, командующий войсками ногайской орды (татары в Крыму разделялись на приморских – выходцев из Турции и степных – потомков ногайских племен). Для поддержания мира, по мнению наместника царицы в Крыму Светлейшего князя Григория Александровича Потемкина, здесь нужен был русский командующий войсками с твердым, дипломатичным, гибким характером, способным привлечь к себе симпатии татарских мурз и этим поддерживать мир. Выбор пал на Александра Васильевича Суворова.

Из-под Коломны, что под Москвой, генерал-аншеф был вызван в Крым вместе с его дивизией. Весной 1778 года он принимает командование Крымским корпусом. Тотчас проводит рекогносцировку всех укреплений, объезжает бухты. С Шагин-Гиреем, ставшим ханом, устанавливает дружеские отношения. (Тот был избран ханом в 1777 году).

В этот период Турция вновь стала устраивать всякие козни против пребывания русских в Крыму. У его берегов появились три эскадры турок, вошедших в Ахтиарскую бухту. Суворов узнал об этом. Он пригласил Шагин-Гирея на прогулку и с ним в окружении свиты проехался вдоль всей гавани на виду у турок. А в ту же ночь приказал трем батальонам с артиллерией провести земляные укрепительные работы в тех местах, которые Суворов наметил еще во время прогулки с ханом.

Утром командующий турецким флотом вдруг обнаружил, что позади его эскадр выросли батареи и они нацелены на его суда, а выход в море из бухты оказался под контролем русских. Запросили турки

Суворова – в чем дело, на что получили ответ: «Сами виноваты, не туда зашли. Не обессудьте». Так, без единого выстрела, вежливо (помните четырехгодичной давности события в Крыму и появление «вежливых людей») Суворов выпроводил турок из Ахтиарской бухты, а укрепления вдоль его берегов положили начало созданию здесь крепости Севастополь.

Россия начала сосредотачиваться. Чтобы проучить все же ненадежного крымского правителя, сделав его зависимым от России, а также самим освоить ненаселенную пустынную Новороссийскую, Азовскую и Таганрогскую губернии, Светлейший князь поручил Суворову провести переселение из Крыма всех мастеровых христиан (греков, армян, других народов из числа гончаров, торговцев, садоводов, земледельцев). Такие трудолюбивые люди веками платили хану, его мурзам изрядную дань, а лишившись же их, хан терял немалые доходы.

Суворов операцию готовил тайно, чтобы не раздразнить раньше времени Шагин-Гирея. Для эвакуации потребовалось 6 тысяч воловьих подвод, надо было выкупить у переселенцев их недвижимость, выбрать на новых местах пригодные земли.

В середине сентября 1778 года переселение было завершено: 31 098 «душ» обоего пола осели в Азовской губернии. Греки основали в междуречии города Мариуполь и Мелитополь. Армяне на Дону, у крепости святого Дмитрия основали город Нахичевань - район нынешнего Ростова-на-Дону.

Потемкин на юге заложил новые крепости в устье Днепра, выстроил укрепления: Ставрополь, Александров, Георгиевск. Среди 240 городов,

основанных указами Екатерины II, Херсон был важнейшим и стал столицей и резиденцией Григория Александровича – наместника Тавриды.

Весной 1783 года манифестом от 8 апреля царица признавала себя свободной от принятых ранее обязательств о независимости Крыма. Причиной стали постоянные провокации татарских мурз Крымского ханства, портивших отношения России с Турцией. Россия окончательно провозгласила присоединение Крыма, Тамани и Кубанского края к империи. Вместе с Кубанью Крым был переименован в Тавриду.

28 декабря 1783 года Турция подписала акт об отказе от притязаний на Крым и признала землю Кубани, Тамани подданством российской императрицы. Вопрос исторической справедливости был решен без военных действий, «вежливо», отныне и навсегда. Россия сосредотачивалась.

За усердие Потемкин получил титул «Таврический», а Суворов – именную табакерку с бриллиантами.

Славная история форпоста России – Севастополя была еще впереди.

На месте турецкой крепости Хаджибей, чуть позже Севастополя, в 1795 году был основан порт и город Одесса.

Еще в 1772 году турки на входе в Керченский пролив из Азовского моря поставили по итальянскому проекту и с помощью их же инженеров крепость Еникале. Правда, после мирного договора 1783 года это укрепление потеряло всякое значение.

Зато Керчь, как торговый город, построенный много веков назад и привлекавший сюда разные народы,

- город и порт, расположенные на берегу удобной бухты, - стала приобретать на восточной оконечности Крымского полуострова все большее и большее значение, а в середине XIX века стала городом – крепостью, получив на мысе Ак-Бурну первоклассные укрепления, позволяющие контролировать под артиллерийским прицелом фарватер Керченского пролива: крепость построили русские инженеры и солдаты гарнизона после 1854 года.

Грифон - символ Керчи

Герб Керчи

Начиная с XVIII-XIX веков и до конца XX века Керчь была рыбной столицей на Черном и Азовском морях.

Здесь с древних веков добывался камень-ракушечник и камень-известняк, незаменимый строительный материал, широко востребованный на всем пространстве полуострова и на Таманском побережье Керченского пролива и Черного моря.

С конца XIX века на базе здешнего месторождения интенсивно развивалась металлургическая промышленность.

Керчи за всю свою историю пришлось не единожды пройти испытания огнем и мечом. Тут поразбойничали османы, потом цивилизованная Европа – Англия, Франция с их союзниками; последними «европейцами» начала XX века были кайзеровские войска, их сменили белогвардейцы Врангеля.

И вот - снова Европа, на сей раз натравившая не без участия Америки носителей «нового порядка» - гитлеровцев, рискнувших в начале 40-х годов XX века проверить на прочность тогдашнюю страну Советов.

История этого нашествия и его закономерного окончания должна была бы стать для некоторой неугомонной части человечества уроком на многие столетия вперед. Ан, нет! Как говорится, «Черти снова мутят воду». Видит Бог, нечистая сила подтолкнула под локоть Б.Н.Ельцина: «Подмахни дарственную на Крым и Севастополь бедной Украине»…

Даже Никита Хрущев не додумался до того, чтобы просить в 1940 году отдать ему – тогдашнему первому лицу на Украине, - город Севастополь, да заодно с Крымом – курортом, который Н.С. вознамерился подарить то ли своей Нине Петровне, то ли украинскому народу, перед коим он замаливал грехи за свои «деяния» в период составления расстрельных списков 1938 года. (Отметим, что главная база ЧФ – город Севастополь в Советском Союзе никогда не входил в состав Крымской АССР, а подчинялся напрямую столице РСФСР - Москве.

В 1954 году Хрущев все же использовал свое служебное положение, придя к власти в стране, и под «шумок» протолкнул свой старый план по Крыму). В результате сомнительной «прихватизации» Украиной Крыма в 1991 г. наступили «новые порядки», которые с течением времени оказались несовместимыми с традициями и верой «русского мира», сформировавшимися и укрепившимися здесь еще с эпохи расцвета на полуострове эллинской цивилизации и славянской культуры и языка. Притяжение Крымской земли, ее Керченского полуострова к Таманскому побережью было неодолимо. Надо было сделать всего один шаг через пролив, чтобы случилось чудо. Помните, как в Евангелии: – «По морю аки по суху». Нужен был мост.

Флаг Боспорского царя Митридата и нынешней Керчи (на белом фоне четыре алых полосы)

Идея о нем витала в воздухе с античных времен. Были проекты и в начале прошлого века. В годы фашистского нашествия на Крым в 1943 году гитлеровцы вознамерились соединить Керченский полуостров с Таманским металлическим мостовым переходом. Но удалась только подвесная канатная дорога.

Временный мост здесь построили воины Красной Армии из числа инженерных частей. Он был заменен в 50-е годы паромной переправой.

Знаки города-героя Керчь

В октябре 2004 г. в присутствии двух президентов – Путина В.В. и Кучмы Л.Д. была открыта вновь железнодорожная паромная переправа (в дополнение к действующей пассажирской) и даже заложен монумент в честь «соглашения о намерении» построить соединенными усилиями России и Украины железнодорожный мост через Керченский пролив. Прошло целое десятилетие.

Указ в честь Керчи

И вот, наконец-то, древняя Керчь вновь приобрела стратегическое и хозяйственное значение.

Началом этого, поистине политического, возвышения Города-Героя стала реализация многовековой мечты народов Крыма – соединение с российской землей многофункциональным мостовым переходом. Работы начались еще летом 2014 года. Имя Керчи вновь засверкало отблеском трудовых героических свершений на обоих берегах Керченского пролива – того Боспора Киммерийского, который ныне окончательно соединил собою воедино историю древнего города-крепости Керчь с современной историей матушки-России.

Поэтому-то нам хочется воскресить в памяти старшего поколения россиян и раскрыть перед глазами молодого поколения страницы героической и, одновременно, трагической военной истории этого города на берегах трех морей – Черного, Азовского и Киммерийского, - страницы о днях, неделях, месяцах сражений на подступах к Керчи в кровавые сороковые. Сражений, уникальных по своей напряженности, жертвенности и вместе с тем – поражающих воображение взлетом человеческого духа.

Вот об этом-то наша Книга. И, наконец, почему я, как автор, дал ей название - «Керченский мост»? Только ли в честь исторического события, связанного с нынешним присоединением политически и географически Крыма к России? Хотя и здесь есть своя логическая связка. А именно.

Существующее уже многие десятилетия фирменное название транспортного перехода через пролив

– «Керченская паромная переправа», казалось бы, должно подвигнуть всех нас к восприятию наименования ныне возводимого нового путепровода как «Керченский мост». Однако в СМИ все же чаще звучит имя новостройки – «Крымский мост». Что можно сказать по этому поводу?

Выставка в музее г. Керчь (фото автора)

Ведь один Крымский мост уже давно существует, да ни где-нибудь, а в Москве, он на слуху и стал частью истории всей страны.

И далее – вопрос: что теперь будет связывать метрополию – Российскую Федерацию с территорией автономной республики Крым? Ответ: мост через Керченский (подчеркиваю - Керченский!) пролив - «Керченский мост», многоцелевой путепровод, начало которого опирается на жилые кварталы Города-Героя Керчь.

К слову, в Крыму есть и другой мост – Чонгарский, связывающий (вернее связывавший) Крымский полуостров в северной его части с материком – пограничьем Украины. Что, это – уже третий Крымский мост?!

Но не в этом главное. Я, как военный историк и архивист хочу вернуть читателям из числа молодого поколения россиян и, особенно, керчан, жителей Крыма и Кубани - поколения, рожденного в лихие 90-е, - вернуть им уникальные страницы забытого героического прошлого, каким является история борьбы жителей Керчи, ее молодежи, воинов армии и флота с фашистским нашествием и его последствиями. И этим как-бы проложить исторический – Керченский – мост между двумя эпохами. Пусть это и будет символом всего повествования – шагом из прошлого в будущее.

Вместо предисловия

Сегодня раннее утро вторника, 22 июня 2016 года. Рассвет еще не пришел на кубанскую землю. Мы, группа ветеранов г. Крымска к четырем часам собрались у Мемориала «Вечный огонь».

Здесь уже образовалась плотная масса людей, много молодежи. Все в ожидании начала движения к месту скорбного митинга в память о неисчислимых жертвах войны – жертвах, понесенных нашим народом в годы фашистского нашествия на Советскую страну. Именно в этот утренний час, ровно семьдесят пять лет назад, враг захватил первую пядь нашей земли.

Колонна участников с горящими свечами в руках в молчании двинулась вдоль прилегающей аллеи к «Вечному огню». У пылающего пламени почетный караул из ребят-молодогвардейцев. Горят свечи, звучат взволнованные слова о том, что наш народ больше никогда не позволит чужакам вторгнуться на родные просторы, что память о всех, кто был унесен той войной, будет сохраняться вечно. Возлагаются венки и цветы на мраморные плиты. Внутри себя ощущаю какой-то холодок, дрожь от восприятия происходящего. Может быть, это от того, что вдруг осознаю: ведь это подлинное моральное единение разных поколений, участников митинга!

А в памяти, как ни странно, в эти мгновения возникла другая картина: многотысячное традиционное поминальное факельное шествие по ночной Керчи к «Вечному огню» на горе Митридат.

Традиция эта вошла в жизнь еще в год двадцати-

летия нашей Победы в Великой Отечественной войне. С тех пор каждый год в ночь с 8-го на 9 мая керчане всех возрастов – при этом молодежь составляет основу колонны, - с самодельными факелами в руках по каменным ступеням митридатской лестницы восходят к вершине горы, где горит «Вечный огонь» и розовеет подсвеченный прожекторами Обелиск Славы.

В сумраке наползающей ночи эти трепещущие огни факелов на протяжении всех 420 ступеней, что выводят на высоту в 98 метров, - завораживают и потрясают. Митингом на вершине завершается ритуал, творимый в память о понесенных ненапрасных жертвах и в честь наступающего 9 мая победного Дня, завершившего уничтожение гитлеризма.

И вот ныне, стоя у «Вечного огня» на земле кубанского городка Крымск, сначала удивившись неожиданно возникшей ассоциации из прошлого, вдруг подумал, а вернее - осознал: вот ведь что роднит между собой два эти несхожие события – реквием по павшим и триумф победителей!

Тут и там – их полное духовное и нравственное сходство, как момент истины: одно явление совершенно естественно перекликается с другим, а в основе – единомыслие самих участников. Ведь мы же недаром приняли всей душой слова из песни о Дне Победы: «Это – праздник со слезами на глазах»…

Знаю твердо: керчан не нужно агитировать за мир, за единение – настолько здесь сильна генетическая память о молохе войны. Она четырежды прокатывалась по городу, по его домам, по его населению и по каждой семье в отдельности. То были годы фашистского вторжения в Крым: 1941, 1942-1944. Многострадальная Керчь тогда понесла

самые страшные жертвы. Знаю это не понаслышке, а из подлинных документов, записанных воспоминаний и свидетельств, что наполнили фонды и архив Керченского историко-археологического музея-заповедника. К этому приложил руку и ваш покорный слуга, мой дорогой читатель.

Керчь – город принявший меня и мою семью в свои теплые ладони, давший жилье и уют, уверенность в завтрашнем дне и возможность трудиться на научно-историческом поприще. Этот город дорог мне. Здесь в Керчи, в свое время (это были 80-90 годы прошлого века и начало 21 века), я тринадцать лет проработал старшим научным сотрудником отдела истории Великой Отечественной войны местного музея. Много писал научных, газетных и журнальных статей, делал теле- и радиопередачи, участвовал как автор в издании книг и Сборников о войне, катком не единожды прошедшейся по восточному Крыму и, конечно же, по Керчи.

Сейчас Крым оказался в центре международных политический баталий и стал вроде игральной карты в руках разномастных деятелей, в том числе политических шулеров в нашей стране. И в этой связи мне недавно вдруг вспомнилась одна короткая встреча двадцатилетней давности, когда я только начал трудиться на поприще исторической науки.

Тогда, в пятидесятую годовщину Победы, в городском автобусе я услышал фразу, которая в тот момент поразила своей циничностью и которую до нынешних времен забыть не могу. Так и слышится: «Победили бы нас немцы – может баварское пиво пили бы от души». Разглагольствовал пассажир лет 50, на вид вполне нормальный и благополучный.

Этому «попутчику» я не успел ответить – он шмыгнул к выходу и исчез. А очень хотелось. Делаю это теперь в расчете на то, что «заблудшие овцы» и затесавшиеся в «попутчики» болтуны вовремя поймут – не на тот маршрут попали, не туда их гонят «добренькие» зарубежные пастухи.

А тому земляку из числа «попутчиков» хочу открыть глаза и уши: победи тогда, в 1941 году, нас немцы – его матушка, беременная им, скинула бы плод преждевременно от непосильной работы на оккупантов, и не родился бы этот «говорун». А в лучшем случае – разрешилась бы от бремени в каком-нибудь хлеву у немецкого бауэра, освоившего землю «Готленда» (по-немецки – Крыма). Желая напомнить и просветить неразумного болтуна, объективности ради, буду оперировать только документальными источниками, так сказать, из первых «рук» почерпнутыми у тех, кто мечтал «освоить» нашу землю. Сейчас, со времени возвращения Крымского полуострова в состав Российской федерации, – особенно оскорбительно звучат и воспринимаются как плевок в душу нашего народа сентенции о вторжении русских в «украинский» Крым, об его оккупации. Полно! О чем вы, господа?! Напоминаю об истинной оккупации этой территории и о противостоянии ей простых крымчан, вступивших вместе со своей Красной Армией в жесточайшую схватку с германской военщиной. Делаю это на примере борьбы за Восточный Крым, в частности – за Керчь. Об этом моя книга. Ее первые строки родились 22 июня 2016 года. Хотелось бы, чтобы молодой читатель увидел мой труд к 1 ноября 2018 года – 75-летию начала освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков.

Глава I

И был суд народов

Фашистские специалисты разработали перед войной генеральный план «Ост» («Восток»). Его направленность и цель - освоение территории советских республик вплоть до Волги. Подверглась оккупации та часть нашей страны, где проживало 88 млн. План предусматривал переселение отсюда не менее 31 млн. человек ненемецкого происхождения. Территория эта подлежала онемечиванию, и здесь должно было остаться 14 млн. Теперь вдумайся, дорогой мой молодой читатель: простая арифметика – 31 плюс 14 равняется 45. Значит остальные 43 млн. людей подлежали уничтожению. Практически – каждый второй.

В Крым по проекту генерального комиссара Франу-энфельда должны были переселяться немцы из Южного Тироля. На совещании 16 июля 1941 года Гитлер провозгласил: «Крым должен быть освобожден от всех чужаков и заселен немцами».

Их ученые-антропологи видели только две возможности решения проблемы: полное уничтожение русского народа или онемечивание той его части, которая имеет признаки нордической расы». (Русскими, западные деятели, в том числе заправилы гитлеровской Германии, как известно, называли все восточно-славянские народы и другие народности, населявшие Советский Союз).

В документе «К вопросу о будущем обращении с русским населением» есть такое: «Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе». (Что-то до боли знакомое из времен холодной войны и из установок Аллена Даллеса – главного идеологического диверсанта периода 50-60-х гг.).

Маловато документов-приговоров? Вот еще.

Это – «Общие основы экономической политики в оккупированных восточных областях», (8.11.1941 г.) «Параграф VI. Об обеспечении населения продуктами не может быть и речи. Наоборот, все тенденции повышения общего жизненного уровня должны заранее подавляться самыми жестокими средствами… Поставленная на длительный срок задача онемечивания Остланда не должна привести к общему повышению жизненного уровня всех проживающих там народностей…»

Эти установки керчане испытали на себе с первых дней оккупации.

Приказ №1: - «О сдаче в комендатуру всего продовольствия». За обнаружение в семье запасов – расстрел.

№2 – «О регистрации всех домашних животных и птицы и запрещении использования птицы для своих нужд». Снова – за невыполнение расстрел.

Вот так – или голодная смерть, или фашистская пуля. Что-то «баварским пивом» тут не попахивает, господин «попутчик» из 1995 года.

Чтобы при осуществлении этого способа «освоения территории» не возникали какие-нибудь сомнения,

уполномоченный рейха по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретарь Бакке издал инструкцию для должностных лиц (1.06.1941 г.): «Не разговаривайте, а действуйте. Русского вам никогда не переговорить и не убедить словами. Говорить он умеет лучше, чем вы, он прирожденный диалектик и унаследовал склонность к философии. Меньше слов и дебатов. Главное – действовать». (Вот сейчас заерзал в своей могиле – если она у него есть – тот людоед Бакке!). И они начали.

Через несколько дней после вторжения в Керчь оккупанты организовали городскую управу. Вытащили на свет старого проходимца – 60-летнего бывшего городским головой еще при захвате немцами Керчи в 1918 году – некоего Токарева. С его помощью укомплектовали аппарат полиции исключительно из уголовников.

Гестаповцы с полицаями приступили к повальным обыскам и арестам во исполнение приказов № 1 и № 2. Руководил акциями по «освобождению территории от чужаков» начальник отдела гестапо Фельдман, 27 лет. Он учился в свое время в советском ВУЗе, скрывал свое немецкое происхождение. Этот зверь и его подручные (в том числе 121 полицай) в первые месяцы, уничтожили многие тысячи мирных жителей, немало было отправлено в Германию в рабство.

Когда немцы спешно оставляли в декабре 1941 года город Керчь, не помогло предателям стремление «приобрести признание нордической расы». Хозяева прикончили всех своих холуев.

Токарева в начале января 1942 года схватили

жители в его же квартире и передали советским властям (об этом эпизоде у меня было свидетельское показание участника, ниже будет отдельная глава в моем повествовании).

А потом пришел День Победы. И был Нюрнбергский процесс – суд народов над фашизмом, над гитлеровскими людоедами. Не удалось им превратить нас в рабов и в удобрения на поля немецких бауэров. Вот что рассказал бы я тому оратору в автобусе. И подкрепляю свои аргументы этой моей книгой.

Триста двадцать фронтовых дней Керчи

За годы Великой Отечественной войны керчанам пришлось пережить оккупацию дважды: с 16 ноября 1941 по 30 декабря 1941 года, и с 16 мая 1942 по 11 апреля 1944 года. А всего 748 дней и ночей. Из них 320 суток Керчь оказывалась прифронтовым городом. Через город-крепость Керчь боевые действия прокатывались четырежды. Это значит, что без малого год этот город и жители его оказывались под беспрерывным огнем, бомбежками, среди мин и взрывоопасных «сюрпризов», в крови и ужасе от ожидания смерти: от немецкой, а то и своей, родной, взрывчатки. Кто будет разбираться тут – бой есть бой, штурм есть штурм!? Пуля ведь дура, а снаряд – тупой… Окинем беглым взглядом – как все было.

Октябрьские бои на юге страны в 1941 г. закончились прорывом германской 11-й армии в восточный Крым. В помощь ослабленной предыдущими боями

51-й Армии Закавказского фронта выступили трудящиеся Керчи: народное ополчение, рыбацкие экипажи Крымской военизированной флотилии, рабочие оборонных предприятий города.

Силы были неравные. 16 ноября 1941 года Керчь пришлось оставить противнику. Но сопротивление продолжили партизаны двух городских отрядов, развертывалось организованное подпольное движение. В конце декабря 1941 г. двойным ударом через бушующий Керченский пролив войска Закавказского фронта выбили немецко-румынскую группировку с Керченского полуострова и освободили Керчь, Феодосию, оттянув на себя часть дивизий противника от осажденного Севастополя. Однако последующие неудачные наступательные операции советских войск на Крымском фронте привели к вторичному оставлению города-крепости Керчь.

Враг торжествовал победу. Но борьба с ним не окончилась, ее продолжили воины подземной крепости – Аджимушкайских каменоломен, патриоты и патриотки из поселка завода им. Войкова, молодежь из городских кварталов, партизаны из нескольких инициативно созданных отрядов. В стане врага весь 1942-1943 гг. действовали разведгруппы Северо-Кавказского фронта, опиравшиеся на помощь населения.

К концу 1943 г. назрела обстановка для разгрома немецкой группировки в Крыму. В начале ноября 1943 г. войска двух общевойсковых армий Северо-Кавказского фронта броском через пролив овладели плацдармом южнее Керчи – у поселка Эльтиген и северо-

восточнее города. Ожесточенное сопротивление противника потребовало самопожертвования и массового героизма десантников, моряков и летчиков из войск, участвовавших в окончательном освобождении Керчи.

За участие в боях под Керчью в 1941-1944 г.г. стали героями Советского Союза 146 воинов. Почетное наименование «Керченская» было присвоено 21 частям и соединениям. В честь этих героев в Керчи названо 40 улиц. Имена освободителей города и земляков, отличившихся в боях за Родину, увековечены в названиях 100 улиц и переулков. Как память о тех

Обелиск Славы на горе Митридат

жертвах, что были принесены в уплату за освобождение города-крепости Керчь, создано 24 мемориала.

В 1944 году на горе Митридат был открыт Обелиск Славы павшим воинам-освободителям. 9 мая 1959 года здесь зажжен Вечный огонь.

Уходят годы, отделяющие нас от событий той войны. Эта война стала частью всемирной истории. А историю нельзя ни ухудшить, ни улучшить. О Керчи в годы Великой Отечественной войны и после нее написано немало. Многие старались рассказать о том, что было. Но ведь новому поколению, тебе – мой молодой читатель, интересно узнать: как и почему это было так.

Митридатская лестница (вид снизу)

Митридатская лестница с грифонами (вид сверху)

Мне, взявшему на себя труд (и не просто труд, но и груз ответственности!) приблизить тебя, дорогой читатель, к тем самым суровым годам, к тем трагическим событиям и этим воздать должное памяти о подвиге, сотворенном твоими предками и их современниками в 1941-45 годах, - мне предстоит вновь воскресить в этой книге давно забытое, но живое и трепещущее в ожидании встречи с тобой, мой будущий читатель. Это повествование участников о себе, о пережитом; откровения в документах, несущих горькую правду о войне; рассказанное о многих людях, свершивших, казалось бы, невозможное; воздание должного тем патриотам, кто так и не был оценен по достоинству.

Весь этот исторически бесценный материал в свое

время прошел через мои руки, и в начале 21 века, после ряда публикаций среди трудов моих коллег в научных сборниках Керчи, лег на вечное хранение в Керченском музее-заповеднике. Настало время напомнить о нем, сделать его достоянием нынешних современников и их потомков. В этом я вижу свой долг военного историка и журналиста. А теперь подробнее, - как и почему именно так, а не как-нибудь иначе, - сложились те 320 фронтовых дней Керчи?

Глава II

Керчь в военной гимнастерке

22 июня 1941 года вошло в историю нашей страны как самая зловещая дата. Уже 25 июня три керченских военкомата (по районному делению города: Кировский, Ленинский - впоследствии Сталинский, и Орджоникидзевский) сформировали воинские команды из резервистов первой очереди – тех, кто до войны прошел срочную службу или лагерные сборы и был зачислен в запас. В августовско-сентябрьские дни 1941 г. в создаваемую в Восточном Крыму 320-ю стрелковую дивизию (а всего таких дивизий в эти сроки на полуострове было развернуто четыре, составившие 51-ю Отдельную Армию) были включены все мужчины, способные держать в руках оружие. Это были рыбаки, металлурги керченских предприятий, колхозники близлежащих сельских

районов, интеллигенты, а в дальнейшем - ополченцы из числа невоеннообязанных и пожилых граждан, добровольцы – вчерашние школьники и выпускницы фельдшерско-акушерской школы в г. Керчь.

Этот город отдал фронту все, что мог, без остатка. Перед войной в Керчи проживало 110 тысяч человек. По подсчетам послевоенных историков за четыре этапа мобилизации 1941, 1942 и 1944г.г. Керчь отдала фронту почти 15% населения города. А теперь – внимание, мой молодой читатель!

По мнению ученых, если государство поставит «под ружье» более 8% от общей численности населения, оно подвергнется опасности подорвать свою жизнеспособность: некому будет растить хлеб, снабжать армию и обеспечить народ всем необходимым. Известно в научном плане, что Германия потерпела крах в I-й и II-й Мировых войнах, ибо ее вооруженные силы составили, соответственно, 19,5 и более 16 % от общего числа населения. И это при наличии ее сателлитов и союзников в те времена! Не берусь судить об исторически корректных параллелях, но не сомневаюсь, как военный историк-керчанин: город положил на Алтарь Победы все силы, без остатка.

Призванные досрочно

Работая над этой темой, еще в 1998 году мне пришлось столкнуться с рядом противоречивых фактов, относящихся к стремлению тогдашней предвоенной молодежи добровольцем вступить в Вооруженные Силы.

В поисках материалов для пополнения летописи Великой Отечественной войны, втянувшей в свой водоворот сотни и тысячи мальчишек из керченских кварталов и крымских поселков, я тогда заговорил с одним из тех, кто в июле 1941 года, будучи шестнадцатилетним матросом местного водоема, упросил призывное начальство направить его в армию. На мой вопрос, как получилось, что его взяли на фронт еще мальчишкой, ветеран с горечью изрек: «Дураком был, вот и рвался на войну». У человека полное разочарование в нынешней жизни (напомню: это был 1998 год) и прожитых боевых годах. А ведь он должен был быть горд: брал Берлин, имеет два ордена Красной Звезды, прошел всю (подчеркиваю – всю!) войну и трижды ранен. Тяжелый случай…

Но ведь, действительно, воевали на фронте семнадцатилетние наши земляки, еще до войны рвались в военные училища, на фронт, будучи еще «салагами» (как говорят моряки), а по большому счету – патриотами и романтиками. Да и власти обеспечивали пополнение запасных стрелковых полков за счет мобилизации несовершеннолетних «желторотиков», когда другого контингента негде было взять. Вот об этих двух сторонах «одной медали» поведу дальнейший рассказ.

В 1938 году окончил 9 классов пригородного поселка Чурбаш под Керчью Костя Захарченко. По газетам узнал, что в Феодосии в железнодорожном техникуме можно получить специальность. Для колхозного трудяги это было «голубой мечтой». Проучился там два года, а тут однокурсник, курсант местного аэроклуба, стал подбивать: давай в авиацию перейдем. Косте с детства хотелось быть таким же бравым и красивым,

какими выглядели военлеты – летчики ВВС. Разве это не стимул для избрания новой дороги в жизни – стать профессиональным военным? Образование ребята имели подходящее – 9 классов, что и требовалось для учебы в штурманском училище. Хлопцы самостоятельно приехали в Кременчуг и в свои 18 лет стали курсантами училища ВВС. Заканчивался 1940 год.

Все изменила начавшаяся через полгода война с Германией. Не стало хватать пехотных офицеров, слишком часто они выходили из строя по ранению или гибли на передовой. По мнению Константина Дмитриевича Захарченко – взводный в пехоте держался в строю не более одного месяца: его или убивали, или раненным он попадал в госпиталь.

Курсантов-авиаторов доучивали уже в Узбекистане по программе пехотного училища. Так и вышел Константин лейтенантом-общевойсковиком, командиром взвода автоматчиков. Хотя и не сбылась подлинно голубая мечта керченского паренька покорить небо и бить врага в воздушных боях, все же он был горд, что брал Берлин, командуя ротой автоматчиков-истребителей «фаустников». Именно по ним фрицы вели в уличных боях самый интенсивный огонь. Отсюда и три ранения у майора Захарченко. Константин Дмитриевич всегда считал, что не зря прожил жизнь и пролил кровь на полях сражений за свою Отчизну.

Конечно, не всегда несовершеннолетним патриотам и романтикам удавалось уговорить работников военкомата и те шли им навстречу. Осуществить свое намерение чаще удавалось тем, кто стремился в военное училище. Тогда призыв восемнадцатилетнего

был правомерен. Но бывали и исключения, о которых нельзя не рассказать.

Козлов Н.В. (в центре). 1945 год.

В этом же 1998 году мне довелось встретиться с керчанином Козловым Владимиром Николаевичем. Его рассказ о себе мною был тогда же записан и вскоре опубликован в газете «Вечерняя Керчь».

В Красную Армию Владимир Николаевич вступил необычно, в возрасте шестнадцати с половиной лет. А было так. Еще летом 1941 г., когда уже началась война, написал он обращение к тогдашнему командующему Черноморским флотом адмиралу Октябрьскому с просьбой зачислить его в военно-морской флот. Такое же письмо послал в Москву на имя И.В. Сталина. И другие парни его возраста добивались направления в вооруженные силы досрочно. Известия приходили из обоих адресов на рассмотрение местных начальников. Военкоматские работники успокаивали: «Ребята, сейчас призываем 1922 год, рано вам еще».

Во вторую оккупацию Керчи, не желая попасть к немцам, Володя и его сверстники решили на баркасе уйти на Кубанскую сторону. 15 мая 1942 года они из

поселка Капканы (нынешний микрорайон Керчи), откуда были родом, переправились на Тамань. После нескольких дней скитаний без документов, по пути в Мариуполь, где жил дядька В.Н.Козлова, парень оказался в станице Славянской. В местах скопления и отдыха местной молодежи военные патрули из полевого военкомата делали проческу станицы. Всех ребят старшего возраста, а заодно – и шестнадцатилетних – уводили с собой в сельсовет. Попал в их число и Володя. Здесь формировались команды для движения пешим порядком в сторону Ростова-на-Дону. Офицеры объявили о призыве всех в Красную Армию и о следовании в 9-й запасный стрелковый полк. Как оказалось, он дислоцировался в районе г. Таганрога.

Так началась для Владимира Николаевича солдатская жизнь. В нашей беседе он объяснил, что мобилизация молодых ребят, не достигших совершеннолетия и призывного возраста, была рассчитанным ходом нашего руководства: к июню 1942 года ожидался рывок немцев на Ростов и далее на Кубань и Северный Кавказ, не исключалась потеря этой территории. Поэтому, чтобы не дать немцам возможность привлечь молодежь допризывного возраста к вооруженной борьбе против Красной Армии, полевые военкоматы вывели какую-то часть молодых ребят с этой территории, и тем самым определили их дальнейшую судьбу.

После нескольких месяцев обучения и боевой подготовки в запасном полку, пополнение распределили по соединениям. Володя попал в истребительно-противотанковую батарею 1 батальона 1 гвардейского

полка 2-й гвардейской стрелковой дивизии. После освобождения Крыма в 1944 году дивизия громила немцев в Прибалтике. Под Каунасом Владимир Николаевич был ранен во время дуэли с немецкой минометной батареей. Вылечился, снова вернулся в строй. День Победы встретил под Одессой. Боевая награда – медаль «За отвагу».

Наша встреча с ним произошла в его домике на улице Войкова в Керчи, где он тогда проживал с супругой. Трудно ему было: жена совсем плоха, инвалид, сам – инвалид I группы, здоровья нет, нашпигован осколками, они «гуляли» в грудной клетке, в руке и ноге. Надо было платить сиделке за уход за женой (у самого уже сил не было, а от Собеса и «Красного Креста» патронажа даже и не предвиделось). Но держался гвардеец, вернувшийся в родную Керчь с ноябрьским, 1943 года нашим десантом в Подмаячный поселок на северо-восточной оконечности Крыма. С десантом, прошедшим сквозь свинцовый ливень со своим легендарным комбатом Анатолием Пушкаренко, ставшим Героем Советского Союза и увековечившим свое имя на мраморных плитах Мемориала на главной площади Керчи. О прошлом Владимир Николаевич вспоминал со светлым чувством и ни о чем не сожалел.

Свой день рождения – семнадцатилетие – Виктор Николаевич Кокалов встретил на косе Чушка, вдающейся в Керченский пролив со стороны Кубани. Сюда он попал 6 ноября 1943 года вместе с артиллерийским дивизионом, переброшенным для десантирования в Крым. К этому времени Виктор уже

полгода как состоял на действительной военной службе, имел звание «ефрейтор», был телефонистом при НП командира дивизиона 122-мм гаубиц. А в Армию он попал не случайно. Как семью бывшего красного партизана, председателя одного из райисполкомов Крыма и убитого в 1934 году кулачьем, - в сентябре 1941 года их эвакуировали на Кубань. Здесь Витя Кокалов вместе с другими 15-16-летними одноклассниками вступил в истребительный батальон по очистке освобожденной из-под оккупации территории Удобненского района от скрывавшихся полицаев и немецких пособников.

Ребята были вооружены винтовками, действовали успешно. Но большинство рвалось на фронт. Они писали заявления в военкомат о зачислении в кавалерию, в корпус генерала Кириченко. Виктор тоже не отставал от своих сверстников. 23 апреля 1943 года повесткой его призвали в армию. Попал в артиллерию. К сентябрю 1943 года закончил учебу в запасном полку в г. Чирчик и прибыл на Тамань. Будучи телефонистом на плацдарме возле крымского поселка Глейки, обеспечивал устойчивую связь и управление стрельбой дивизиона гаубиц с Кубанского берега по окопавшимся на побережье Керченского пролива оккупантам. Когда надо было, под огнем немецких минометов и снайперов ползал в поисках обрыва телефонного провода. 11 апреля 1944 года вошел в родимую Керчь невредимым. А при штурме фрицевских позиций под Севастополем 9 мая 1944 года получил ранение – осколок снаряда застрял в голове. Так и попал в медсанбат с торчащим из темени куском металла. Свою боевую награду связист получил

2 мая 1944 года – медаль «За отвагу».

Виктор Николаевич также отважно боролся с навалившимися с годами болезнями и бытовыми неурядицами. И всегда оставался патриотом и настоящим бойцом.

Уход на фронт из Керчи в июне 1941 г. первых резервистов открыл отсчет ушедших в безвестность. В горячие дни четырех этапов мобилизации 1941-1942 и 1944 г.г. ушло на фронт более 15 тысяч керчан. Не вернулось почти 9 тысяч. Из них более половины до сих пор значатся пропавшими без вести.

Из сохраненных мною и включенных в фонды Керченского музея-заповедника двух Книг призыва по Сталинскому райвоенкомату Керчи мы можем воскресить фамилии тех защитников Родины, кто был отправлен на фронт уже 25 июня 1941 года. Это Леонид Семенович Александров, Иван Назарович Бондаренко, Демьян Андреевич Ганзюк, Григорий Федорович Кондратьев, Михаил Дмитриевич Клименко, Василий Иванович Куприяненко, Корней Васильевич Кравчук, Петр Павлович Левченко, Захар Иванович Лохматов, Николай Андреевич Лубяницкий, Алексей Иванович Лазарев, Константин Иванович Мисак, Василий Андреевич Морозов, Захар Ерофеевич Пикалов, Андрей Матвеевич Попов, Дмитрий Макарович Солдатенко, Федор Данилович Токмаков.

Как сложилась их судьба? Пропал без вести в октябре 1941 года красноармеец Морозов. 24 июля 1942 года бесследно оборвалась жизнь рядового Клименко. Пропал без вести 3 июля 1942 года под Севастополем старшина I статьи Куприяненко. Погиб

в феврале 1945 г. в Литве рядовой Токмаков. Сколько из этого списка дожили до Дня победы?

Пока жива память людская – вроде бы живы и те, кто навсегда ушел от нас, оставив после себя добрые дела, либо новое поколение жителей планеты Земля, а то и просто скромный свой образ на фотографии.

Иногда, правда, и этого не случается обнаружить, когда ведешь поиск сведений о павших на войне. Такая участь постигла, вероятно, многих наших земляков, ушедших на фронт в 1941 году и не вернувшихся, оставшихся безвестными…

Не всем было даже восемнадцать…

В апреле 1998 г. в газете «Керченский рабочий» был мною опубликован групповой снимок школьников из довоенного поселка Самострой, что располагался в Камыш-Буруне (Орджоникидзевский район города Керчь). Пошли отклики. Мне принесли другую фотографию ребят из этого поселка, которые перед самой войной окончили 9 классов. На снимке трое парней, а на самом деле в выпуске их было больше! Почти все они ушли в Харьковское бронетанковое училище в самом начале войны. Было ли им по 18 лет? Закончили курс обучения в городе Чирчик (Средняя Азия), куда эвакуировалось училище. Оттуда все убыли на фронт. Вот их фамилии, относящиеся к фотографиям: Леви, Зинченко Андрей, Харчевников Василий, Немчин Андрей, Петров Михаил, Гайдабура Николай, Караянов Юрий. А вот что известно об их судьбах.

Харчевникова Васю немцы расстреляли в Багеровском рву под Керчью вместе с тремястами заложников из числа мужчин и юношей поселка Самострой за то, что здесь выстрелом с крыши дома был убит немецкий офицер.

Слева направо: М.Петров, М.Чернявская, Н.Гайдабура, З.Альшевская, А.Зинченко. 1941 год.

Немчин Андрюша, будучи танкистом, погиб на фронте. Миша Петров погиб на передовой в танковых войсках. Гайдабура Коля тоже танкистом погиб в бою. Все они были рождения 1923 года, - года, ровесников которого после окончания войны можно было встретить как величайшую редкость…

Во второй половине Великой Отечественной Войны попали под призыв ребята 1927 года рождения.

По Сталинскому району Керчи их мобилизовали в два этапа: 18-22 декабря 1944 г. и 5-15 января 1945 г. Декабрьским призывом укомплектовали команду в 40 человек. Большинство из них поначалу было направлено в 52-й запасный стрелковый полк в город Богодухов Харьковской области. Потом их пути-дороги разошлись. Часть ребят попала на 1-й Белорусский фронт под город Бреслау (Вроцлав).

Инвалид войны керчанин Михаил Петрович Радченко в 2000 году рассказал мне: «Я до декабря 1944 года был рыбаком в бригаде в пос. Юркино. 26 ноября 1944 г. мне исполнилось 17 лет, а 19 ноября я попал на военную медкомиссию. Призвали в армию. Когда из Симферополя нашу группу привезли в распределительный пункт в г. Богодухов, ребята стали болеть: стояли страшные морозы, а казармой была бывшая тюрьма, кругом камень и железо. Через несколько дней я вместе с другими попал в 53 запасный полк в Харькове. Здесь нас

М.П. Радченко. 1947 год.

переобмундировали, выдали новенькие шинели из английского сукна цвета «хаки». После обучения группа была отправлена на укомплектование 90-й отдельной роты ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение и связь) армейского подчинения. Впереди был оккупированный немцами польский город Бреслау. Мы наводили наших летчиков на немецкие самолеты, рыскавшие в небе, с помощью черно-белой полосатой стрелы, длиной метров 10, хорошо заметной с воздуха. Несколько бойцов держали ее над головой и указывали летчикам направление полета. Когда наши взяли Бреслау, роту перебросили под Берлин. Здесь я и встретил День Победы. Демобилизовался в октябре 1945 года из госпиталя в связи с потерей зрения».

Попадали в действующую армию и совсем еще мальчишки. Такую школу жизни прошел керчанин Борис Александрович Белоусов. Вот его история, которую он поведал мне при встрече в 2002 году. На страницы истории военной поры некоторые события в его семье должны быть вписаны особо.

Б.А.Белоусов. 1979 год.

Глава семьи Александр Васильевич в Керчь перебрался из

Феодосии, где родился в 1903 году. После окончания двух классов Рабфака при металлургическом заводе им. Войкова работал преподавателем ФЗУ (фабрично-заводское училище). Перед войной прошел армейскую подготовку и был аттестован на офицерское звание – «младший воентехник».

А.В.Белоусов. 1928 год.

У них с Надеждой Петровной было пятеро детей – три дочери и два сына: Георгий и Борис.

В июле 1941 года Александра Васильевича призвали на фронт. В последних числах октября 1941 г. он служил начальником боепитания полка 156 стрелковой дивизии крымской 51-й Армии. По распоряжению командования в районе Карасу-Базара (нынешний город Белогорск) в начале ноября 1941 г. он собрал оставшиеся от военной части автобензоцистерны, и в этот момент, оказавшись отрезанными от своих отступающих войск, был захвачен немцами вместе с небольшой группой бойцов.

Из временного лагеря военнопленных в г. Джанкой ему удалось бежать. С 9 по 19 ноября 1941 г. пробирался к линии фронта. К 22 ноября, когда немцы уже хозяйничали в Керчи, артиллеристу Белоусову

посчастливилось: он оказался в своем керченском доме на улице Аджимушкайской. Для того, чтобы не попасться в руки фашистам, они вдвоем с женой в сарайчике, где содержалась корова, выкопали яму-схрон, прикрытый досками и соломой. В ней Александр Васильевич находился до прихода в Керчь войск Красной Армии в начале января 1942 года. Он сразу же явился в военкомат, где его определили в лагерь на госпроверку, как находившегося в плену.

Лагерь размещался в клубе Строителей на заводе им. Войкова. Здесь находилось несколько тысяч наших военнослужащих. Фильтрация проходила в жесточайших условиях. Допросы по ночам: «Почему не застрелился?». Днем – работа на строительстве нефтебазы, возле нынешней «бочарки» (тарного завода). Кормежки почти никакой. Охранники (большей частью – выходцы из среднеазиатских республик) могли ударить прикладом.

Белоусову немного повезло: как офицера и керчанина его через некоторое время стали отпускать домой на ночлег. На одном из допросов оказался одновременно вызванный сослуживец по полку – Михаил Кличман. Он подтвердил следователям все злоключения Александра Васильевича и его военные заслуги в период службы. Так офицер был очищен от подозрений и вернулся в строй в свою часть.

В составе частей 51-й Армии техник-лейтенант Белоусов воевал под Сталинградом, а потом, уже в апреле 1944 года освобождал Крым.

В те дни его семья жила в поселке Старый Крым. Младшие Белоусовы – Георгий и Борис – ухитрились

подрабатывать тем, что ходили по домам в поселке, где размещались немецкие подразделения, и чистили выставленные в коридоре солдатские и офицерские сапоги. Старший из братьев – Жора, которому тогда, в 1943-44 г.г. было 14 лет, точно знал, сколько немцев и румын стоит на постое в каждой хате и чем вооружены. Младший Борис и не подозревал, что брат обо всем замеченном сообщал связному из Старо-Крымского партизанского отряда.

Г.А.Белоусов. 1945 год.

Когда их мать узнала о пребывании мужа в освобожденном Симферополе, она на попутной автомашине поехала к нему для долгожданной встречи. Но этой встрече тогда не суждено было состояться. По пути военный шофер не справился с управлением и на большой скорости машина перевернулась. Надежда Петровна оказалась придавленной колесом. Вместе с погибшими, ее бесчувственную, с поломанным позвоночником и раздавленной грудной клеткой отвезли в Симферополь. Очнулась она в морге. И надо же было такому случиться, что Александр Васильевич в то же самое время устремился в Старый Крым, и с женой разминулся.

До демобилизации в 1947 году он свою жену не видел, хотя до него дошло известие, что она осталась жива и вернулась домой после шести месяцев лечения. А тогда, весной 1944 года отец раздал своих дочерей по родственникам в Старом Крыму, а парней забрал с собой в армию. Борис попал в полевой армейский артсклад, где был поставлен на все виды довольствия, как связной штаба части. Он был обмундирован по полной форме, выполнял задания командования как солдат в свои неполных 10 лет.

Георгий по решению командования попал в центральные артиллерийские ремонтные мастерские армии. Вместе с частью дошел от Крыма до Кенигсберга.

Когда Жора получил медаль «За победу над Германией», было ему всего 15 лет. После армии и учебы в школе он поступил в Краснодарское авиационное училище, проучился год. И тут семью постиг новый удар - Жора заболел скоротечным туберкулезом и через год его не стало.

За те месяцы, что прошли от расставания в Крыму до завершения освобождения Прибалтики, Борис с отцом виделись только один раз. 10 января 1945 года мальчик был уволен из Действующей армии и направлен в Керчь. Десятилетний фронтовик тоже был отмечен медалью «За победу над Германией». Через несколько лет окончил железнодорожное ремесленное училище, потом техникум и Севастопольский приборостротельный институт.

Когда решено было дать Крыму днепровскую воду, Борис Александрович включился в строительство Северо-Крымского канала.

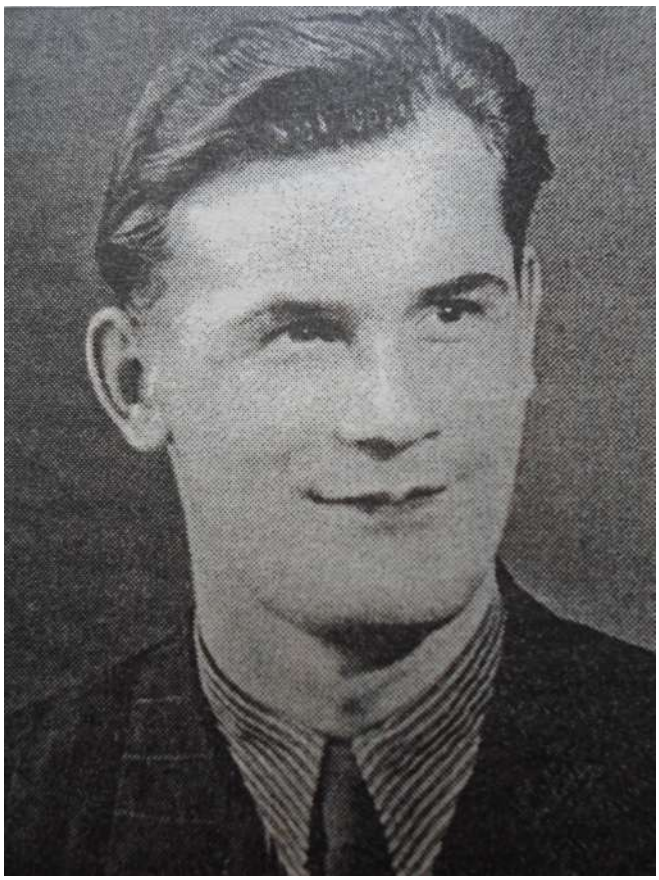
Супруги Белоусовы. 1981 год.

Глава семьи Александр Васильевич прожил 97 лет. Многие годы он проработал преподавателем в местном профтехучилище. В 2000 году был похоронен рядом с могилой своей жены, подарившей ему двух сыновей с такой необычной судьбой…

Характерно, что с боевым путем, - дважды оставлявшей Керчь, но и освободившей ее от захватчиков, - 51-й Армии связаны были судьбы многих фронтовиков-керчан, в том числе – малолетних в годы войны защитников Родины. Поведаю еще об одной истории юного бойца, в 1944 году участвовавшего в освобождении Крымской земли, а с начала пятидесятых годов прошлого века, проживавшего в пригородном керченском поселке Аджимушкай.

Крымская наступательная операция, в начале которой Керчь была освобождена 11 апреля 1944 г.,

готовилась загодя. Еще в октябре 1943 г. наши части 51-й Армии вышли к Сивашу и закрепились на северном побережье залива. Теперь важно было накопить силы, нащупать слабые места в гитлеровской обороне, изучив хорошо противника, чтобы бить его наверняка. Судьбе угодно было повернуть жизнь нашего земляка-керчанина Василия Филипповича Калиниченко, а тогда – в 1943 году – шестнадцатилетнего Василька, в неожиданном для всей семьи направлении.



Калиниченко В.Ф. 1955 год.

Вот что рассказал мне в 2002 году сам ветеран: «Моя семья до войны проживала в селе Ново-Уржино Красноперекопского района Крымской автономной республики, где я родился 1 января 1927 года. Кроме меня у отца с матерью было еще три сына и три дочери. С нашествием фашистских войск мы все оказались в деревне Ашхадановка. Здесь вскоре установилась передовая линия, куда советские войска вышли в октябре 1943 года, перейдя Сиваш. Укреплений никаких еще не было, при немецкой бомбежке наши укрывались кто где мог. Во время очередного немецкого авианалета возле нашей усадьбы (хата и дворик с наружным погребом) остановилась военная

автомашина типа «Виллис». Из нее вышел какой-то командир без знаков различия. В этот момент над нашими головами завизжали бомбы, и я едва успел затащить этого военного в наш погреб. Грохнуло рядом со страшной силой. Когда налет кончился, мы все вылезли, осмотрелись, и оказалось, что стоящий рядом наш дом превратился в груду развалин. Подошла испуганная мама. Военный сказал: «Я из вашего мальчика сделаю настоящего офицера. Он спас мне жизнь».

Позже я узнал, что это был командующий 4-м Украинским фронтом генерал армии Толбухин.

Когда через несколько дней к нам приехали военные и предложили мне определиться воспитанником в войсковую часть, мы согласились. Так я стал военным в 17 лет.

Служить меня определили в 321 артполк 51-й Армии. Дежурил первое время на коммутаторе. Бойцы звали меня Васильком. Через некоторое время офицеры спросили меня, знаю ли я местность. Когда узнали, что я здесь вырос, разведчики полка стали готовить меня к переходу линии нашей и немецкой передовой для сбора сведений о батареях противника. Сначала проверили по разложенной карте, узнаю ли заметные ориентиры, соображаю ли – как подойти к определенным местам на немецких позициях. Потом стали давать задания: перейти линию фронта, на той стороне пройти 5-6 километров, не попадаться на глаза патрулям, на обратном пути фиксировать и запоминать расположение немецких артиллерийских позиций, состав батарей, тип орудий. Переходил линию фронта всегда ночью, движение начинал из

определенного места расположения нашей пехоты. Туда же возвращался, используя известный мне цифровой пароль. Здесь меня всегда ждали, хотя я мог находиться за линией фронта 3-4 дня.

Я успел до марта 1944 года сделать ходок 15 за линию фронта. На этой стороне от местного населения не прятался, но мне рекомендовали иметь дело чаще со старыми людьми, которые более доверчивы, менее любопытны, при случае с ними можно было общаться в присутствии посторонних, употребляя обращение – «дедушка», «бабушка». Полицаев на той стороне ни разу не встречал. Хутора были небольшими, в 7-8 дворов.

Окопы у немцев были добротные, с накатом. Артпозиции хорошо замаскировывались. Когда возвращался к своим, докладывал все по памяти (записей никаких не делал). На карте отыскивал нужные ориентиры, указывал расположение батарей. Разведчики-артиллеристы сопоставляли данные, уточняли, добиваясь, чтобы не было ошибок.

26 марта 1944 г. при разрыве немецкого снаряда я получил осколочное ранение и контузию. Попал в санчасть нашего полка. 8 апреля началось наступление. Через 1,5 месяца, уже в Симферополе, меня нашла мать.

Окончил школу, поступил в Симферополе в ремесленное училище. Стал монтером-настройщиком станционной связи. Практику проходил в Керчи. В 1953 году меня приняли в Керченскую горконтору связи кабельщиком. Потом была заочная учеба во Всесоюзном техникуме связи, а затем – во Всесоюзном

электротехническом институте связи. До 1986 г. работал начальником районных узлов связи».

Что еще добавить к биографии бывшего бойца? В 1999-2000 г.г. Василий Филиппович с помощью бывших солдат 321 артполка 91 стрелковой дивизии 51-й Армии был утвержден в статусе ветерана Великой Отечественной войны. В 2001 году ему было вручено удостоверение участника боевых действий.

В заключении этой главы хочу сказать вот о чем. Конечно, негуманно было вовлекать несовершеннолетних мальчишек в смертельное противостояние агрессорам – немецко-фашистским войскам. И никакими Боевыми и Полевыми уставами, Инструкциями по разведке и т.д. не предусмотрено использовать юношеский труд во фронтовых условиях (впрочем, как и женский, но об этом у нас, дорогой читатель, разговор в следующей главе). Но ведь, возложив на хрупкие, еще не окрепшие плечи несовершеннолетних воинов обязанности взрослых бойцов – связистов, телефонистов, посыльных, ездовых, разведчиков и т.д., – разве этим самым ни высвобождали отцы-командиры, ни замещали многие тысячи должностей в боевом строю для взрослых мужчин - подлинных участников штыковых атак и исполнителей тяжелой фронтовой работы?! Безусловно, так.

Поэтому, упомянув в этой книге хотя бы о нескольких таких персонажах, я – как бывший военный воспитанник набора 1944 года, - снимаю кивер в глубоком поклоне в знак признательности и благодарности несовершеннолетним добровольцам и воспитанникам полков за их фронтовой труд во имя Победы.

Глава III

Служили Родине керченские девчата

Работая над Керченской Книгой Памяти в первой половине 90-х годов прошлого века, я столкнулся с историческим феноменом: в учетах тогдашних керченских военкоматов нет никаких документов и записей, свидетельствующих о призыве на фронт представительниц нашего «слабого пола», оказавшегося в действительности сильным. Не встречал среди сотен и сотен корешков о вручении извещений о гибели воинов – так называемых «похоронок», - ни одной фамилии женского рода, как будто они и не гибли…

Мы до сих пор не знаем и, вероятно, никогда не узнаем точно, сколько керчанок, девчат из поселков им. Войкова, Камыш-Бурун, Капканы, из старых кварталов – Солонцы, Литвинка, Горка, Корецкий и других местечек города ушло на фронт Великой Отечественной войны и не вернулось.

На передовую линию наша стотысячная Керчь смогла послать 15 тысяч мужиков, это был весь ресурс военнообязанных, другого резерва просто не оказалось.

Но мы теперь уже хорошо знаем, что не одна сотня представителей «сильного пола» из этого числа по своей воле, «выпала» из состава войск в дни отступления Красной Армии, а ко дню освобождения Керчи – 11 апреля 1944 года и в последующие месяцы

– повторно, а то и в третий раз, была возвращена в действующую армию. Только по Сталинскому району в марте-ноябре 1944 г. было отправлено на фронт более 400 мужчин (не считая, примерно, 200-250 «подросших» за войну новобранцев). Многие из этих лиц попали в «штрафники» под Севастополь. Стыдно об этом писать, но так было…

А в поредевших шеренгах защитников Отечества в 1941 и 1942 годах, наверное, взамен нестойких мужчин, место заняли их сестры, дочери, соседки или несостоявшиеся невесты.

Мне хочется вновь воздать должное тем воительницам, кто несмотря на юный возраст и неопытность в жизни, тем не менее, проявили решимость выступить навстречу врагу и тем самым отдать себя без остатка своей Отчизне.

Ушла на фронт Чучуева Мария Михайловна, 1918 г. рождения, фельдшер. Погибла она в Крыму 27 февраля 1942 года.

Чуть раньше в этом же сражении за наш полуостров пала сержант Митюрина Анна Петровна, 25 лет.

Восемнадцатилетней девочкой отдала жизнь за Родину Бирюкова Любовь Гавриловна, сраженная осколком бомбы 26 декабря 1941 г. на побережье Керченского пролива. 15 мая 1942 года оборвалась жизнь бойца Тины Александровны Анпилоговой. Было ей только 18 лет.

В Севастополе на теплоходе «Грузия» под вражескими бомбами погибла летом 1942 г. военфельдшер Войцеховская Ксения Сергеевна. В самом кровавом – 1943 году – пали на фронте: на Кубани

– старшина Будянская Елизавета Львовна, 1916 г. рождения; в Ставрополье – военфельдшер Хромова Матрена Фроловна; рядовая Усова Анна Федоровна, 20 лет, оставшаяся навсегда в Ростовской области.

Но еще больше наших керченских девчонок полегло в боях и пропало без вести в уже победные 1944-1945 годы. При освобождении Крыма 24 января 1944 г. погибла старшина медслужбы Шульженко Мария Ефимовна; в Белоруссии в братской могиле лежит старшина санитарной службы девятнадцатилетняя Щербакова Анна Дмитриевна, погибшая 16 июня 1944 г.; в Кировоградской области пала в том же году рядовая Скрипниченко Екатерина Федоровна, 25 лет. В ноябре 1944 г. в Карпатах погибла сержант Савченко Нина Яковлевна, 20 лет от роду. Умерла после болезни боец Бондарева Анна Алексеевна, похороненная 2 июля 1945 г. в Болгарии.

На чужбине осталась лежать в солдатской могиле старшина Гапонова Анна Григорьевна. Восемнадцать лет ей было всего, когда в сражении за Польшу погибла она 19 января 1945 г. В те же дни здесь погибла старший сержант Мартынова Антонина Евгеньевна, ей не исполнилось и 22 лет. Освобождала Литву гвардии младший сержант медслужбы Королева Лидия Валентиновна и погибла там же 23 июля 1944 г.

Немного не дожила до Дня Победы девятнадцатилетняя радистка-разведчица Гончарова Таисия Павловна, 1926 г. рождения. Она погибла в Берлине 2 мая 1945 г.

А сколько их, девчат-фронтовичек, умерло от ран, когда отгремели уже бои с фашистскими захватчиками. Настигла смерть от ран в Крымске на Кубани 10

мая 1945 г. ефрейтора Лазаренко Анну Ильиничну, 20 лет. Умерла в госпитале в Германии 6 ноября 1945 г. старший лейтенант медслужбы Осетинская Екатерина Абрамовна. Медсестры, фельдшеры, санитарки, связистки, разведчицы, снайпера… Не ставшие известными – героини и жертвы войны.

При выполнении своих обязанностей на фронте пали другие керчанки: рядовая Безкорсова Елена Тимофеевна, старший сержант Бобкова Раиса Ивановна, рядовая Бондарева Анна Алексеевна, старший военфельдшер Войцеховская Валентина Сергеевна, медсестры Иванова Наталья Петровна, Каневская Зинаида Израилевна, капитан медслужбы Матвеева Нина Андреевна, медсестра Радченко Юлия Тимофеевна, рядовая Толстова Вера Федоровна, старшина 2 статьи Щетинина Любовь Захаровна, сержант Дьяченко Надежда Артемовна, рядовая Кокорина Анастасия Ивановна, медсестра Яровая Людмила Григорьевна.

Большинство из них – не старше 20-25 лет, а значит недолюбившие, не продолжившие свой род, не успевшие познать свое предназначение в жизни. Они просто керченские патриотки.

В преддверии годовщины освобождения нашего города вспомните о них, павших во имя жизни будущих поколений. Пусть им это и будет наградой. Посмертной.

В 45-ю такую же годовщину, через редакцию газеты «Вечерняя Керчь» было опубликовано мое обращение к горожанам о сборе материалов о женщинах-воительницах, павших на фронте. Первыми о своей родственнице – Марии Михайловне Чучуевой

откликнулась ее сестра Надежда. Она передала в фонды нашего музея комплекс документов о ней, сохраненных с военного времени.

Вот документ из Ивановского сельсовета Днепропетровской области о том, что в семье Глущенко Михаила Ефимовича и Евдокии Трофимовны 21 ноября 1918 года родилась дочь Мария.

М.М.Чучуева. 1940 г.

В конце 1933 года семья переехала в Керчь. Муся (так звали в семье Машу) поступила в ФЗУ при металлургическом заводе им. Войкова. В 1937 году ей выдали свидетельство о приобретении специальности модельщицы. В 1938 году Муся познакомилась со слесарем их завода Сергеем Чучуевым. Были они одногодки. В том же году его призвали на военную службу на Дальний Восток. Она поехала к нему в город Свободный Амурской области, где стоял его 18 стрелковый полк. Здесь они поженились. К этому времени без отрыва от производства Муся закончила керченские курсы медсестер, а потом фельдшерско-акушерскую школу. В Свободном работала медсестрой в железнодорожном санатории при больнице.

М.М.Чучуева. 1941г.

В сентябре 1940 г. Сергея Ивановича перевели на сверхсрочную службу в г. Новый Оскол под Белгородом. Диплом об окончании медучилища и присвоении звания «фельдшер» Муся получила 28 июля 1941 года. В ведомости экзаменов и зачетов только отличные оценки. В конце августа 1941 г. Муся сфотографировалась на память. На снимке она в белом берете, светлой кофточке. А уже в сентябре 1941 г. родные получили ее фотографию: она в военной гимнастерке с лейтенантскими «кубарями» в петлицах, на голове – черный армейский берет. А улыбка все та же, что и на первом фото – мечтательная.

В составе 384 стрелкового полка 151 стрелковой дивизии 44-й армии военфельдшер Чучуева в январе 1942 г. была переброшена с Кубани на керченский полуостров. Здесь ей удалось повидать свою семью. Из Камыш-Буруна ее часть ушла под Феодосию.

При наступлении под селением Харсыз-Шибань (теперь это Холмогорка Ленинского района республики Крым) 27 февраля 1942 г. полк понес большие

потери. В братской могиле здесь значатся 760 похороненных воинов. Среди них – Мария Чучуева.

Об этом мать получила извещение от командира 384 стрелкового полка 12 марта 1942 г. Пенсию же свою за павшую на фронте дочь Евдокия Трофимовна стала получать только в октябре 1960 г. По суду! Матери было тогда 63 года. Вот такая документальная история, мои молодые читатели.

В Летопись Великой Отечественной войны должна быть вписана еще одна страничка – о жизни и гибели на фронте керчанки Шульженко Марии Ефимовны. О ней поделилась своими воспоминаниями сестра – Фиалковская Екатерина Ефимовна. Вот ее рассказ.

«Наша семья переехала в Керчь из Полтавской области. Родились мы – шестеро детей – в селе Бырловка Черкасской области. Старшей была Маша, 1920

М.Е.Шульженко (сидит слева). 1939 г.

г. рождения, потом я – Екатерина, младше на 5 лет, и Ольга – в 1927 году. Было трое братьев.

Отец крестьянствовал, раньше был батраком у попа. В революцию и Гражданскую войну сражался за Советскую власть. В голодном 1932 году перебрался под Керчь в поселок Юргаков-Кут (ныне Юркино), работал возчиком рыбы – возил ее из местного рыбцеха на консервный завод. Маша ходила в школу в деревне Баксы (Глазовка), здесь окончила 7 классов. Она была энергичная, вскоре перебралась в саму Керчь, снимала угол у хозяйки, нянчила ее ребенка, чем и прирабатывала на жизнь. Она узнала о Керченской медицинской школе и поступила туда учиться. Это было в 1937 году. Через два года стала работать медсестрой в детских яслях. Жила на частной квартире, куда перетянула и нас, двух сестер.

Маша хотела дальше учиться. Решила стать металлургом и поступила на Рабфак (рабочий факультет). Он был при металлургическом техникуме. Началась война с Германией. Старший брат с 1935 года служил в армии на Дальнем Востоке. Маня (так в семье называли Машу) в июне 1941 г. была призвана в армию. С братом она переписывалась, и он рассказывал потом, что Маша служила в эвакогоспитале.

В октябре 1941 г. она появилась у родных в Керчи. Тогда их воинская часть стояла в Колонке (окраина города) в готовности переправиться на Тамань. Маша была в шинели, пилотке, с ремнем, в звании старшины медслужбы. Пробыла дома всего несколько часов. После января 1942 г. от нее получили единственное письмо: «Должна идти с госпиталем к вам» (*30 декабря 1941 г. части 51-й Армии с Кубанского*

берега десантировались на Керченский полуостров, примечание Л.В.).

В 1943 году немцы нас выгнали в Биюк-Онларский район, деревня Битень. Там отец умер от болезни. Вернулись в Керчь лишь к лету 1944 года. А в августе от командира части, полевая почта 3301 – «Т» пришло письмо: «Сообщаю, что ваша дочь, Шульженко Мария Ефимовна, 1920 г. рождения, состояла в нашей части с августа 1943 г. Она была отважной девушкой и за свою работу награждена правительственной наградой – орденом Красной Звезды. 5 января 1944 г. при налете вражеской авиации была убита осколком в голову и грудь. Похоронена на братском кладбище в Крыму, у Сивашей, недалеко от ст. Тархан. 18 августа 1944 г.».

Маня больше была похожа на отца. Росла она очень доброй, заботливой, с любовью относилась к нам, младшим. Все подружки ее любили. Она стремилась к знаниям, была патриоткой, успешно сдавала нормы на значок «Ворошиловский стрелок». С начала учебы в медшколе была комсомолкой. На групповом снимке, сделанном перед уходом на фронт, Маша – слева вторая (справа первая Екатерина, слева первая Ольга). Ничего исключительного и героического в ее лице нет. Просто дивчина». Вот какой оказалась Маня Шульженко.

В статуте к ордену Красной Звезды записано: «Награждение производится за личное мужество и отвагу в боях, проявленные при исполнении воинского долга в условиях, сопряженных с риском для жизни». Прах Марии Ефимовны Шульженко покоится в Крымской земле, которую она освобождала со своими

боевыми товарищами. Пусть эта земля будет всем им пухом!

…Всего несколько десятков фамилий защитниц нашего Отечества со скупыми данными об их судьбах; всего две, взятые мною, как простой пример, их бесхитростные биографии… Что - в нашем сегодняшнем понимании, - их объединяет и заставляет задуматься о судьбах Родины?

То было поколение энтузиастов и творцов, людей раскрепощенного труда, молодежи, наполненной стремлением к знаниям и чистой любви, к семейному счастью, к мирной жизни, но в каждую минуту готовых встать на защиту этой жизни. Они не пощадили себя во имя счастья будущих поколений, при этом большинство так и не успело оставить после себя потомство, познав радость материнства.

Вдумайся, дорогой читатель, какого генофонда лишилась наша страна в те роковые годы! Что ж, но ведь к кому-то военная судьба все же оказалась благосклонной, и они, пройдя сквозь тот ад, остались живыми, хотя и пролили свою кровь на полях сражений.

В семье экспедитора Камыш-Бурунского комбината Александра Степановича Карналь, коренного керчанина, и Анастасии Моисеевны, имевшей родовые корни на Кубани, 16 октября 1923 года появилась на свет вторая дочка. Назвали ее Женей. Девочка прилежно училась в школе, была боевой, с характером. День окончания школы совпал с началом Великой Отечественной войны. Отца призвали на фронт, мать уехала в эвакуацию под Саратов, а Женя осталась в Керчи, где до конца сентября дежурила в

комсомольском штабе, участвовала в уборке урожая на колхозных полях. Ближе к осени самостоятельно добралась до г. Вольска, где уже находились старшая сестра и мать. Здесь, работая на заводе стройматериалов, изготавливала бетонные корпуса противотанковых мин. Одновременно училась на курсах медсестер. Через три месяца занятий их выпуск целиком попал под Сталинград в 38-ю стрелковую дивизию.

Е.А.Башарина. 80-е годы.

К зиме 1942 года дивизия занимала позиции под поселком Бекетовка. Санинструктор стрелковой роты 214 стрелкового полка сержант Евгения Карналь делала под огнем противника свое святое дело: в маскхалате выносила с поля боя раненых и контуженных, перевязывала воинов в траншеях и среди развалин Сталинграда, передвигалась в боевых порядках своей наступающей роты под визг пуль и шипение раскаленных осколков, вонзающихся в снег. Один их них пробил бедро Евгении. Случилось это 10 января 1943 года. Осколок врачи

извлекли только в июле 1943 г. Их дивизия за участие в разгроме немецкого «котла» под Сталинградом стала именоваться 73-й гвардейской.

Е.А.Башарина (1-я справа). 90-е годы.

В составе 64-й Армии соединение перебросили под Курск. К лету того же года Евгения оказалась в районе села Пенцово Белгородской обл. Здесь ей довелось оказывать медпомощь в общей сложности 89 раненым воинам. За участие в тех боях Евгения Александровна была награждена медалью «За боевые заслуги». Под Прохоровкой была контужена и получила травму колена. Из госпиталя сбежала в свой батальон.

Завершив бои на Харьковщине, дивизия вышла к Днепру. Евгения несколько раз форсировала реку.

Это были последние дни ее участия в боях действующей армии. В июле 1944 г. Евгения была демобилизована, уехала в Керчь и вскоре, в сентябре 1946 г., вышла замуж за Сергея Башарина. Работала по специальности в поликлинике «Водник», 15 лет была смотрителем в Керченском историко-археологическом музее. С 1992 г. на общественных началах трудилась делопроизводителем в Керченской секции ветеранов Великой Отечественной войны.

На парадном жакете, кроме гвардейского значка у нее сияет орден Отечественной войны 1 ст., медали «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», нагрудный знак «Почетная грамота городского совета Керчи» и другие знаки отличия.

Е.А.Башарина (в центре) и её муж С.В.Башарин (второй справа).

Своему мужу она подарила двух сыновей – Александра и Владимира. В Керченском активе Совета ветеранов один только был такой фронтовик, который участвовал и в Сталинградской битве, и в сражении на Курской дуге

и прорыве через Днепр – все это выпало на долю Евгении Александровны Башариной…

…22 июня 1941 года. Эта дата заставляет сжиматься сердце от воспоминаний о пережитом у старшего поколения. С этой даты начинался отсчет другого времени, особых километров на жизненном пути, у каждого – неповторимо своих.

Такой дорогой войны довелось пройти керчанке Вере Ивановне Дроновой. Наш рассказ - о рядовой медслужбы, сестричке Вере, воспитаннице Керченской фельдшерской школы и жительнице одного из довоенных переулков на Митридате. И этим рассказом воздадим должное выпускницам керченских медшкол, всем тем керчанкам, кто в июне-августе 1941 г. и в другие этапы мобилизации уходил в армию, и своим участием и в боевых действиях, и в госпиталях, положил на Алтарь Отечества молодость и здоровье во имя Победы.

В.И.Дронова. 40-е годы

К началу войны Верочке было всего 17 лет. После 7 класса она проучилась год в школе медсестер, а с открытием в 1938 г. керченской фельдшерско-акушерской школы стала ее учащейся! Уже в августе 1941 г. в здании школы расположился военный госпиталь, куда с фронта стали поступать раненые. Школа же была перемещена в здание бывшего до этого Управления «Югрыбпоиска» на ул. Козлова. Здесь в октябре 1941г. выпускники по ускоренной программе закончили обучение.

26 июля 1941 г. над городом был замечен немецкий разведывательный самолет. Начались воздушные тревоги: сначала - учебные, а потом - боевые. Молодые медики дежурили на своих постах, в том числе на крышах. С получением аттестатов выпускницы школы (ребята ушли по мобилизации) в октябрьские дни 1941 г. стали помогать медперсоналу госпиталя: занимали место в носилочной группе, стояли у перевязочного стола, делали гипс, в палатах выполняли внутривенные процедуры.

Немцы бомбили центр города и порт, было много раненых. По городу громыхали зенитки. Одна из батарей разместилась вблизи дома по переулку 2-й Нагорный (он соединяет ул. Нагорную и Эспланадную), где Вера жила с родителями – отцом Иваном Тимофеевичем и матерью Марией Афанасьевной. Этот дом из камня на две комнаты с кухней отец построил перед войной, в 1938 году.

20 августа 1941 г. Иван Тимофеевич был призван на фронт. Провожали его на вокзале «Керчь-2» всей семьей. Вера Ивановна вспоминала: «Стоя у вагона, папа мне тихо сказал: «Дочь, не плачь, береги

братишку. Я не вернусь. Я это чувствую».

Рядовой Дронов, 40 лет, пропал без вести в октябре 1941 г., будучи бойцом на бронепоезде «Войковец-2», который сражался на северных перешейках Крыма. Вера Ивановна с горечью говорила о том, что не знает, где могила отца, и что такая судьба была уготована всем мужчинам четырнадцати семейств, что жили в их переулке.

После первого освобождения и изгнания фашистов из Керчи, в начале февраля 1942 г. военкомат направил Веру в госпиталь, который развернулся в бывшей школе. Работала девушка палатной сестрой, потом перевели в перевязочную. 12 мая 1942 г. госпиталь, входивший в 51-ю Армию, приступил к эвакуации раненых, на автомашинах медики перевозили их к переправам в район поселков Капканы – Еникале. Приказа об эвакуации самого медперсонала не было до 15 мая. В этот день начальник госпиталя майор Денисенко отпустил керчанок попрощаться с семьями. Вера Ивановна вспоминала: «Я успела добежать до нашего переулка, когда началась страшная бомбежка. Мама с братом четырех лет и бабушкой прятались в соседних каменоломнях. Под бомбами я успела только прокричать: «До свидания, мама!» и не увиделась с ней. Дом нашей семьи был полностью разрушен».

Они добрались до переправы. Настоящей организации по переброске раненых не было: кто в чем и как попало пытался пересечь пролив, даже в засолочных чанах отплывали от берега. Таких смельчаков течением относило к Старой Крепости, иногда плавающих поднимали на борт проходившие катера.

Вера Ивановна рассказала: «Переправляться мы уже и не пытались, оказывали помощь раненым. Руководил нами хирург – старший врач Белоусов. Мы тяжелораненых стаскивали в укрытие, в подвалы строений поселка Еникале. Бомбежки не прекращались, падали зажигательные бомбы. На мне загорелась одежда. Кто-то бросился на меня, повалил, потушил огонь. Потом осколок бомбы впился мне в ягодицу, достав до кости. Ходила я, приволакивая ногу.

К 17 мая поступил приказ: всем легкораненым занять оборону для прикрытия подходов к переправе. Город горел. Суда к берегу не подходили, капитаны боялись перегруза. Ночью в 150-200 м от берега появилось какое-то судно. Комиссар госпиталя старший политрук Дывалин приказал нам добираться до него вплавь. Кое-как, в одежде, с раненой ногой я добралась до этого мотобота. Нас с другой девчонкой кто-то подбросил из воды через борт на настил. Уже на той стороне все

В.И.Дронова. 1979 год

мы, обессиленные, попадали на песок и воду, лежали до утра. На переправе наших, госпитальных, погибло трое.

Госпиталь развернулся вновь в станице Фанталовской. Отсюда мы – фельдшеры – сопровождали своих раненых в Темрюк, в эвакогоспиталь. Здесь мне передали, что разнесся слух о моей гибели под бомбежкой. Мама после 17 мая 1942 г. все искала меня на берегу, где лежали тысячи погибших. Потом я служила в госпиталях Закавказского фронта. Запомнились кучи человеческих конечностей – рук, ног, ампутированных в операционных, запах крови и гноя. Эти видения не отпускают, хотя прошла целая жизнь!»

Вера Ивановна Дронова (в браке – Плецельман) награждена была орденами «Отечественной войны», и «За мужество», медалью «За оборону Кавказа». Может быть от той купели в весенних водах Керченского пролива у нее рано развился ревматизм. Но ясный ум и неотвязные воспоминания о войне требовали иногда выхода чувств в поэтических строках. И это было выстрадано, но от души:

«Помню, бой шел жестокий
Здесь, на горе Митридата.
Все горело, взрывалось,
Догорала на небе заря.
А в бою умирали солдаты,
Принимая их в вечность,
Содрогалась, стонала Земля.
Ну, а к ночи утихло –
Вечным сном целый взвод
Здесь остался лежать.

Вдруг явилась из ночи,
Обезумев от горя,
Молодая и совсем,
И совсем поседевшая мать.
Она сына искала,
На коленях пред каждым стояла,
Ища сына с коптилкой в руках.
Но средь тех, кто лежал здесь,
Не нашла своего, и под утро
Спустилась на берег морской.
То, что здесь увидала,
Передать невозможно словами –
И вода была красной
От пролитой крови людской.
Сколько их там лежало!
Молодых и совсем еще юных.
Среди них не нашла своего.
И забившись в рыданьях,
Мать упала на землю
И никто не делил с ней
Безутешное горе ее…»

Глава IV

Женщина и война

Кажется, совсем недавно мы отмечали 70-ю годовщину Победы. И вот уже страна готовится к грядущей встрече с ее семидесятипятилетием.

Как быстро летит время! Стали глубокими старика-ми те, кому в 45-м было не более двадцати лет и кому суждено было дожить до сегодняшнего дня. Как мало их осталось! Они все еще полны воспоминаниями, всполохи боев так же возникают перед их мысленны-ми взорами, а ночами одни и те же сны преследуют почти всех фронтовиков и фронтовичек. Боевых по-друг военных лет и сейчас немало среди живущих. Ведь женщины всегда были крепче и выносливей.

Когда встречаешься с ветеранами, часто разговор заходит о том, какими причинами объяснить необ-ходимость вовлечения женской части населения в боевые действия. Разве у нас в многомиллионной семье народов, не хватало сильного пола для того, чтобы заполнить вакансии в зенитных расчетах, командах снайперов, экипажах радиостанций и авиационных вооруженцев на аэродромах? А ведь каждый двадцатый боец в действующей армии была женщина! О женской специальности медика и санитарки и говорить не приходится – их участие в войне явилось продолжением российской традиции еще со времен русско-турецких баталий.

У ветерана Великой Отечественной войны, кавалера ордена Славы III степени Раисы Федоровны Солдатовой храниться снимок, на котором она в числе бывших воинов 172-й стрелковой дивизии запечатлена рядом с крымчанкой Надеждой Домрачевой и подполковником-связистом в парадной форме. Раиса Федоровна при нашей с ней встрече в 2005 году вспоминала, как в октябрьские дни 1941 года, после жестокого артобстрела наших позиций на перешейке под Перекопом, она – тогдашний военфельдшер из 172-й СД (бывшей 3-й Крымской дивизии) вместе с военврачом Н.Домрачевой обходили поле боя, оказывая первую медицинскую помощь раненым.

**Р.Ф.Солдатова (слева - 3-я в первом ряду),
На переднем плане, спасённый ею в 1941 году молодой боец, ныне подполковник и Н.Домрачева (1-я справа).**

Одного молоденького бойца осколок поразил в живот, он истек кровью и переносить в тыл раненого в таком состоянии было бессмысленно – скончался бы в пути. Врач приняла решение сделать переливание крови немедленно. Легла рядом с солдатом, а Раиса Федоровна, выполняя ее приказ, смонтировала аппаратуру, которая нашлась у врача в санитарной сумке. Невероятно, но как рассказывает сама Р.Ф.Солдатова, процедуру удалось провести благополучно. (Я опросил несколько опытных хирургов в разных городах, где пришлось потом уточнять о методике подобной процедуры в полевых условиях. И вы знаете, дорогой читатель, мнения были разные, но не категорически отрицательные!). И вот спустя 35 лет, на встрече в Севастополе Надежда Домрачева знакомит Раису Федоровну с бравым подполковником-отставником, оказавшимся тем самым солдатиком, которому она спасла жизнь на поле боя. Фантастическая история, но она вполне в духе событий той войны.

Милосердие – вот что несла женщина на фронте. С этим никто не поспорит. Но доставалось оно высокой ценой самопожертвования. Автору приходилось не раз слышать откровенные рассказы фронтовичек о своем солдатском быте и тяготах, которые испытала на себе каждая из них, тех, кому довелось побывать на переднем крае в годы войны 1941-1945 г.г. Они тогда не жаловались, не роптали, понимая свой долг. Они так были воспитаны в рядах комсомола, во взводах Осоавиахима, в командах «Ворошилоских стрелков», на курсах медсестер и парашютисток. Такое было суровое время – быть готовой выполнить любой приказ и без присяги.

Не просто себе представить, что женщина на фронте обмундировывалась точно так же, как и мужчины: гимнастерка, шаровары, обмотки, рубаха и кальсоны на завязках (только в 1942 году в некоторых родах войск появились нижнее белье, юбки и прочее для женских надобностей), и все приблизительного размера!

Кругом мужчины: под кустик не всегда присядешь. Умные взводные в движении колонны приказывали на остановках строя солдатам поворачиваться «кругом»… Женщины постарше на все это смотрели проще. А каково было девчонкам восемнадцати-двадцати годов от роду. Под Севастополем немецкие снайперы забавлялись, используя мощную оптику своих винтовок, - заставали в интересном положении такую девочку где-нибудь в низине, пулями взрыхляли почву у самых ног, не убивая… Санитарки и медсестры всегда рисковали получить на поле боя ранение в нижнюю часть тела или ноги. (Статистика войны исчисляет такую вероятность в 40%). Это особенно страшило незамужних фронтовичек. О тяжестях, которые приходилось переносить и перетаскивать в условиях боя, говорить не приходится: женский организм для этого мало приспособлен.

Страх попадания в плен всегда преследовал фронтовичек, особенно девушек, не познавших мужчины. Тягостные эмоции вызывают воспоминания о войне у тех, кто был ввергнут в ее круговерть, будучи несмышленой девчонкой. Прожита большая жизнь, полная тревог и лишений, надежд и разочарований, драматических событий и даже схваток со смертью.

В начале этой главы я воспроизвел воспоминания

керчанки Раисы Федоровны Солдатовой (по мужу). Ее судьба поражает своим драматизмом. Вот ее рассказ.

В годы политических репрессий еще девчонкой лишилась отца Федоренко Федора Федоровича. После окончания керченской школы им. Желябова (пришлось ограничиться семилеткой) Рая поступила в фельдшерско-акушерскую школу по специальности «операционная сестра». Через четыре дня после начала войны она сдала последний экзамен, а еще через день вместе с десятью подругами добровольцами ушли на фронт. Попала Раиса сначала в авиационную воинскую часть, которая в сентябре 1941 года под Геническом понесла большие потери под бомбежками.

В Симферополе медсестра Федоренко получила назначение в 224-й медсанбат 172 СД. Соединение с боями от перешейков отходило к Севастополю. Потом были Инкерманские штольни, приходилось выносить бойцов из-под огня под прикрытием бронепоезда. В здании бывшей авиашколы в Севастополе развернули медсанчасть. При бомбежке Раю ударило о двери и контузило. Как оказалась на 35-й береговой батарее, не помнит, но здесь получила осколок в позвоночник. Но двигаться могла. Помогала раненым бойцам, когда в последние часы обороны Херсонесского мыса прятались под кручами берега.

И вот - плен. От медсанбата осталось 15 девчат. Их погнали в расположение немецкой воинской части, заставили стирать белье для солдатни. Рая с подругой сбежали. Удалось добраться до Нижнегорска, переодевшись в каком-то разбитом доме в гражданское. Полевая жандармерия захватила обеих, выдала

их бледная кожа без загара в тех местах, где она была закрыта воротом солдатской гимнастерки и ее рукавами. Больше месяца – допросы, камера в подвале. А потом в эшелоне с пленниками попали в Германию, оказалась Рая в лагере восточных рабочих. Как непокорная и дерзкая с надзирателями, Рая была помещена в Берлинскую тюрьму – Маобит, а оттуда в концлагерь Освенцим. Была осень 1943 года. Попала она в самый жестокий сектор – Аушвиц-2. Четырнадцать месяцев неволи и ожидания смерти – либо от пули охранника из «СС», либо от лома надзирательницы из числа немок-уголовниц («капо»), либо от страшных болезней, которые косили заключенных тысячами.

Все сорок секторов и филиалов Освенцима (один сектор, где имелось всего 6 уборных и 6 умывальников, включал в себя 6 бараков по 800-1000 человек в каждом), набитых мужчинами, женщинами и детьми, кишели крысами, насекомыми. Раю заставляли вместе с другими невольниками рыть осушительные траншеи, заготавливать щебень, участвовала в сельхозработах, впрягалась в плуг.

Через концлагерь Освенцим прошло таких гражданских жертв более 400 тысяч. 17 января 1945 года на последней лагерной перекличке присутствовало 67012 узников. А еще в августе 1944 их было 155 тысяч. Всего гитлеровцы уничтожили более 3,5 млн. заключенных…

В памятный для Раисы Федоренко день – 27 января 1945 года солдаты 60-й Армии 1-го Украинского фронта освободили в лагере Аушвиц-2 1800 мужчин и 4 тысячи женщин. Среди них была и Рая. Весила она тогда чуть больше 30 кг.

Р.Ф.Солдатова. 70-е годы.

В 1956 году ей вручили медаль «За оборону Севастополя», а спустя 12 лет в Керченском горвоенкомате Раисе Федоровне прикрепили на грудь орден Славы III степени, которым бывший военфельдшер, старшина медслужбы военных лет и лейтенант внутренних войск в отставке, участница обороны Крыма и Севастополя была отмечена Родиной за ее стойкость, мужество и верность присяге медика и бойца.

Мы произносим – «сестра милосердия»… Вдумайтесь в это словосочетание. «Милосердие» - значит помощь от чистого сердца, от души. И какими мерками можно измерить широту души русского человека? Наверное, только количеством добрых дел, совершенных бескорыстно, от души, по велению сердца. Тому пример – славные годы борьбы и труда керчанки Евгении Афанасьевны Четвертак. Родилась она в селе Заветное (бывший Яныш-Такиль). Отец – Афанасий Куприянович Никитин с началом войны ушел на фронт и не вернулся, пропал без вести в 1941 году под Феодосией. Мать осталась одна с пятью детьми, старшей из которых – Жене – к этому времени

исполнилось 17 лет. Она только что окончила керченскую фельдшерско-акушерскую школу. Выпускного вечера у них не было: на третий день войны в здании школы развернулся военный госпиталь и бывшие студентки стали в нем медсестрами, принимали раненых, которые сотнями прибывали из-под Одессы.

Евгения Афанасьевна вспоминала в ноябре 2004 года: «Возглавил госпиталь наш директор школы Александр Стадницкий. Здание школы – это нынешнее гинекологическое отделение больницы по ул. Шлагбаумской. Вместе со мной работали выпускницы Фира Аранова, Тамара Бычкова, Фаина Удовиченко. Тогда же военные госпитали были развернуты в гостинице «Керчь», в больнице «Водник», в школе №7 по ул. Свердлова, в школе им Орджоникидзе в Камыш-Буруне (в октября 1941 г. в это здание попала авиабомба и было много погибших), в здании, где теперь размещается 40-е ПТУ. Работали мы вольнонаемными медсестрами, хотя по военкомату числились как «старшины запаса».

С приходом немцев в ноябре 1941 г. я находилась в селе Заветное вместе с родными. Во время операции по высадке десанта на Керченский полуостров в декабре 1941 г. много наших бойцов было убито возле села Эльтиген. Это я видела своими глазами, когда в начале января 1942 года пешком отправились из села в Керчь. Местные жители собирали разбросанные тела и хоронили в братской могиле. На одной из высоток за Эльтигеном (она называется «отметка 19,5») лежало особенно много наших бойцов. Я с местными ребятами в воронку перенесла около 40 трупов».

Е.А.Четвертак. 1945 год.

Евгения Афанасьевна прошла всю войну, начиная с 1942 года. Она была шофером (выучилась на фронте), метеонаблюдателем, метеорологом и даже радиоспециалистом. И только через пару лет после Дня Победы вернулась к своей основной специальности – помогать людям, потерявшим здоровье.

Работу она выбрала хлопотную, ответственную – старшая сестра 3-й поликлиники города, здравпункта в селе Заветное, а последние четыре года перед выходом на пенсию – медсестра эндоскопического отделения онкологического диспансера Керчи. Оставила это место только в 1991 г., когда нужно было подумать о своем здоровье и о четырех внучках, которых ей и мужу – Алексею Ефимовичу, бывшему десантнику из легендарной 255-й морской стрелковой бригады, - подарили их два сына.

Неуемная душа, истинная сестра милосердия и человек с обнаженной совестью – именно она стала инициатором восстановления исторической справедливости. Не давали покоя Евгении Афанасьевне воспоминания о той высоте 19,5 под Эльтигеном,

где она с местными пацанами зарыла в воронке останки наших безвестных героев. По ее инициативе, спустя 40 лет, эти останки были собраны в братскую могилу, где теперь покоятся десантники 1941 года и войны, павшие здесь в 1942 году. Всего на этом месте было перезахоронено 105 человек. Но прежде чем было произведено это захоронение, Евгении Афанасьевне пришлось довольно долго повоевать с властями Ленинского сельского района, а потом Керчи, прежде чем вопрос с братской могилой был решен. Эта неразбериха и ничем не оправданное волнение, которое ей пришлось испытать, явились темой обсуждения в газете «Комсомольская правда», в которой 10 апреля 1987 года была напечатана статья корреспондента М. Мальцевой «Последний бой». Символичное название, оно относится и к ней самой, к характеристике ее натуры, гуманиста и борца за справедливость, готового стоять за правду до конца. И проявлять милосердие. Дело в том, что та статья имела необычное продолжение, как поднимавшая нравственные проблемы.

На эту публикацию, где упоминалась фамилия Четвертак Е.А., пошли отзывы. Вскоре неугомонная Евгения Афанасьевна получила письмо от одного из читателей газеты – заключенного из лагеря в Мордовии – Сергея З. Он откликнулся на статью, которая, как он пишет, потрясла его до глубины души, и под впечатлением прочитанного он написал стихи в форме поэмы под названием «40 неизвестных». Стихи проникновенные, хотя и написаны малограмотным человеком, каким был в то время 24-летний Сергей,

отсидевший 8 лет из 10 определенных ему судом.

«Заблудшая душа», мать и отец которого преждевременно ушли из жизни, - этот парень в многомесячной переписке с Евгенией Афанасьевной, отвечавшей на все его письма, нашел успокоение и участие. Она, как мать, старалась поддержать его в этом горестном положении, в котором оказался разочаровавшийся в людях и жизни молодой человек. Зачем ей это было нужно? Просто сердце подсказало – «помоги»…

Вот оно, истинное милосердие. И не по должности медицинской сестры (или – как пришло к нам из прошлых веков – «сестры милосердия»), а по призванию и предназначению свыше.

Опаленными войной были не только женщины-медики, о которых тут мною написано немало, но и воительницы среди авиаторов, зенитчиков, других воинских специальностей. А труженики тыла, колхозницы, станочницы на заводах, рыбачки, ремонтники боевой техники – всех не перечесть! Они заменили собой ушедших на фронт мужчин, работали на износ, на пределе возможного, зачастую в две смены, пополняя силы только тем, что удавалось, как тогда говорили – «отоварить» по карточкам. Голод и лишения – вот что вспоминается в первую очередь людям того поколения.

И все же на фронте женщине-бойцу было неизмеримо сложнее, тяжелее и страшнее. Взять хотя бы специальность авиатехника и вооруженца в полках легких ночных бомбардировщиков. Например, технический состав 46-го гвардейского Таманского полка. Это были молодые хрупкие девочки в возрасте

от 18 до 20 лет. Современники вспоминали: «Глядя на всех девчат полка, нельзя было не улыбнуться: в больших, чуть ли не до пят гимнастерках, широченных галифе, огромных кирзовых сапогах». Им приходилось работать в сорокоградусные морозы в полевых условиях и все это – с голыми руками. Ведь мотор не переберешь в рукавицах, да и бомбу не снарядить в перчатках. В течение ночных полетов техники не уходили с аэродрома, и так в сутки, образно говоря, по тридцать часов обеспечивали заправку, обслуживание, ремонт машин. Норма обычная для вооруженца за ночь - 2,5 тонны бомб. Самолеты в горячие дни делали по 15-17 вылетов кряду на каждый экипаж. Передохнуть было некогда. Техники и «вооруженцы» в 46-м полку за годы войны обслужили каждая по 800 самолетовылетов ПО-2.

Т.К.Прокофьева-Малышева (справа)

Вооруженцев готовили несколько авиашкол. Были школы для дальней и ближней бомбардировочной авиации. Одну из таких школ младших авиаспециалистов (ШМАС) в г. Ишиме Тюменской области после добровольного вступления в мае 1942 года в Вооруженные силы окончила керчанка Тамара Кирилловна Малышева. Учили «вооруженцев» всего четыре месяца. Уже в 1942 году девятнадцатилетняя Тамара прибыла в 6-й авиаполк 219-й бомбардировочной авиадивизии 2-й воздушной армии Западного фронта.

Она вспоминает: «Передышка была только по случаю плохой погоды. На каждый наш самолет ПО-2 нужно было подготовить к боевому заданию 6 пулеметов: составляли вручную звенья, набивали ленты патронами разного назначения – бронебойные, зажигательные, по живой силе – все в точном порядке по 750 штук в каждую ленту. Ставили на установку пулеметы и затаскивали ленты. Все очень тяжелое. Подвешивали бомбы, а они весом от 100 до 500 кг. Откуда бралась вся сноровка и силы – трудно сейчас сказать. После возврата самолета все операции повторялись. Работали сутками. Бомбы из склада подкатывали вручную. Когда спали? Что-то даже трудно вспомнить. Мы тогда не думали о себе, а старались приблизить День Победы».

Закончила войну мастер авиационного стрелкового и бомбардировочного вооружения Тамара Кирилловна под Берлином. Она кавалер медали «За боевые заслуги».

Но вернемся к суровым месяцам начала Великой

Отечественной войны, когда до того величайшего триумфа победителей, который выпал на 9 мая 1945 года, оставалось долгих и кровавых 1418 дней и ночей.

Глава V

Керчь военных лет: начало борьбы

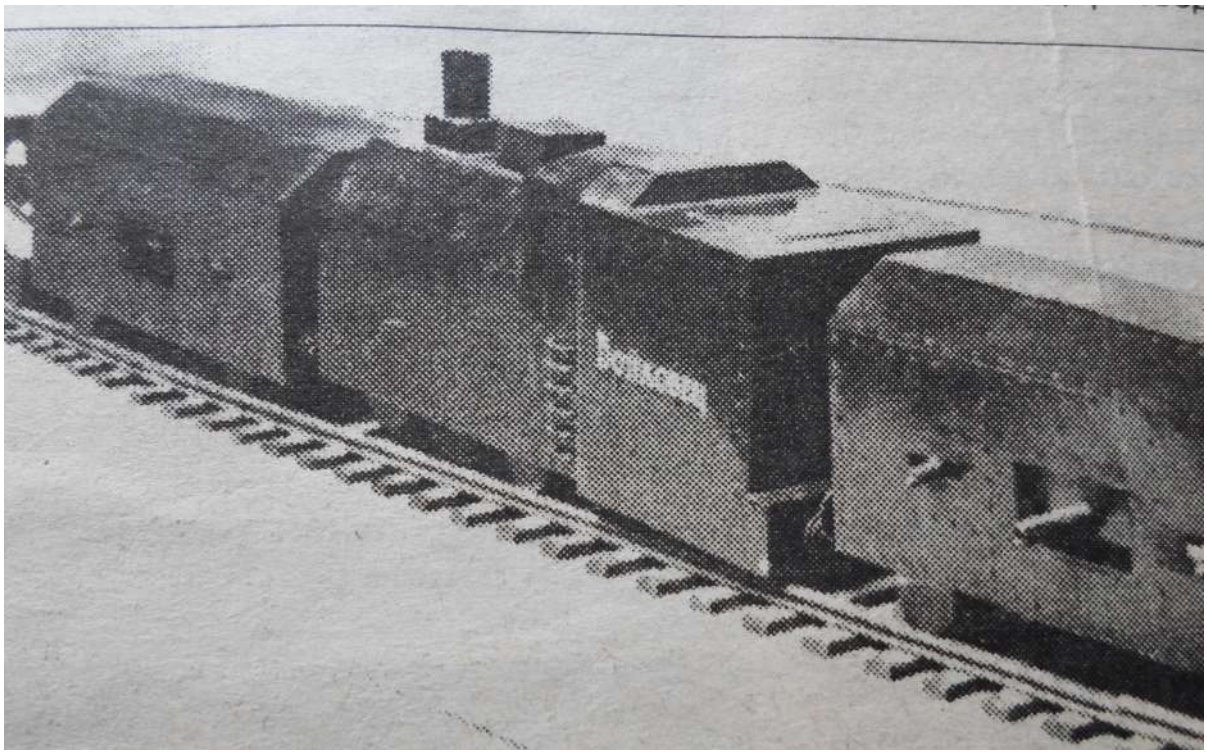
Крым с первых дней войны оказался в зоне боевых действий. Тревожные дни настали и для керчан. Кончилась мирная жизнь. Спланированный еще в мирное время перевод народного хозяйства на военные рельсы не мог не коснуться нашего города. Все крупные предприятия приступили к выпуску заранее намеченной номенклатуры военных изделий: минометных опорных плит, мин, гранат, горючей жидкости для зажигательных бутылок.

На заводе имени Войкова был построен бронепоезд «Войковец». Работами руководил Т.И.Тихонов, начальник котельно-сборочного цеха. В состав паровозной бригады тогда были включены А.Сакута, С.Корнеев, Б.Василенко, командиром был назначен майор Папахов.

Когда боевые действия в северной Таврии переместились к Перекопу, «Войковец» в районе бромзавода получил боевое крещение. В дальнейшем под командованием офицера из 172-й СД танкиста – майора С.П. Баранова на линии Симферополь-Альма в огневых схватках с противником уничтожил 8

вражеских орудий, 12 минометов и более 600 солдат.

В осенние месяцы 1941 года в Крыму было создано 7 бронепоездов. Три из них оборудовали в Севастополе на Севморзаводе. Это «Орджоникидзе», «Войковец», «Железняков». Немного забегая вперед, отметим ряд событий весны 1942 г., связанных с действиями железнодорожников Керченского узла. В Керчи к маю 1942 года был оборудован еще один бронепоезд – «Смерть немецким захватчикам» или «№ 74». Он участвовал в боях на Крымфронте. Расскажем здесь о нем подробнее.

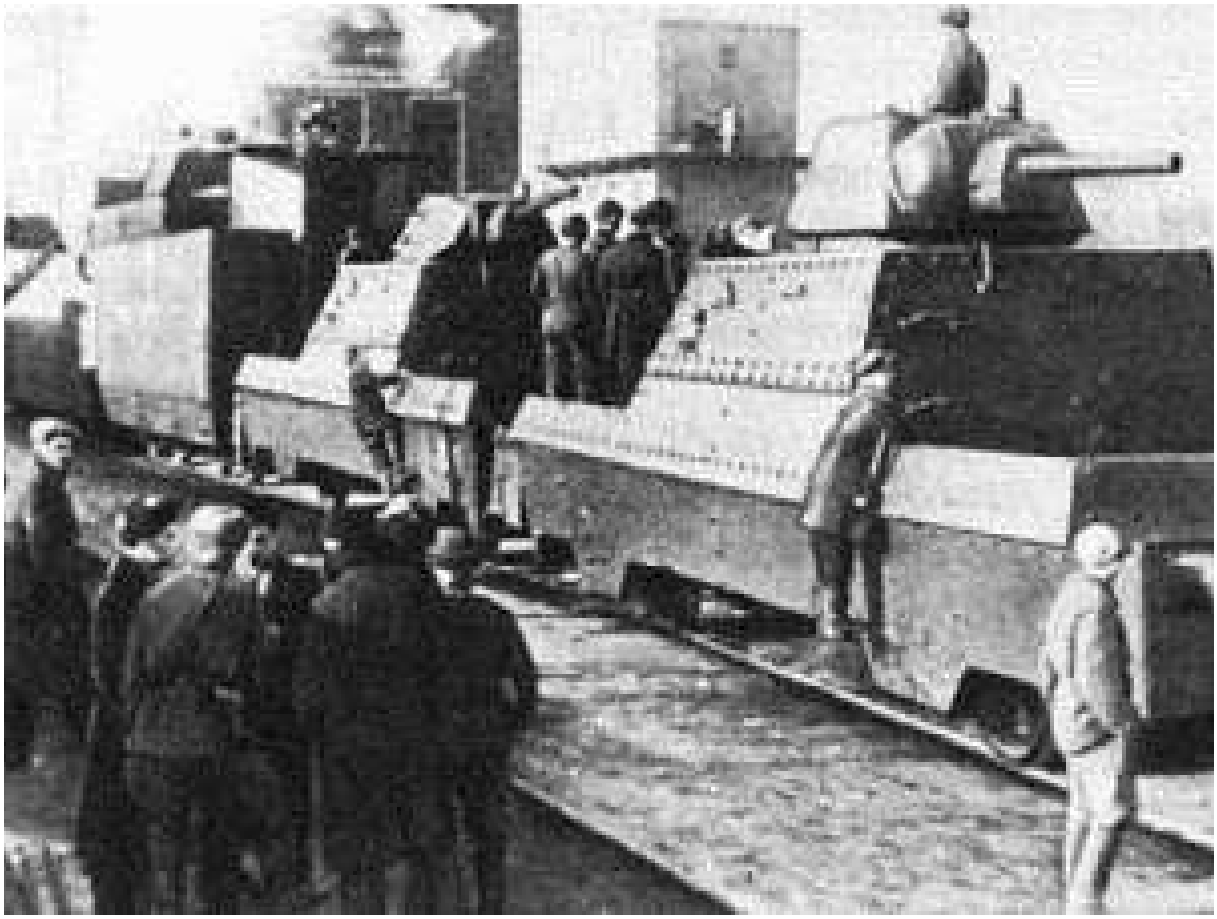


Бронепоезд “Войковец”

В фондах Керченского музея-заповедника хранятся воспоминания Т.И.Тихонова с завода им. Войкова. Из них мы можем узнать, что строительство нового бронепоезда разворачивалось в феврале 1942 года, сразу после освобождения Керчи, которое пришло

в результате Керченско-Феодосийской десантной операции 26-30 декабря 1941 г.

Строили бронепоезд в депо железнодорожного цеха завода. Начальником строительства также был назначен Т.И.Тихонов. Бронепоезд составляли: паровоз серии «ОД», две четырехосные платформы типа полувагона, две четырехосные платформы с амбразурами, одна двухосная платформа ПВО.



Сборка бронепоезда. 1942 г.

Паровоз «ОД» был закрыт по навешенному каркасу из профильного металла броневыми щитами толщиной 15-25 мм на болтах. Платформы – полувагоны с бронированным верхом были оснащены каждая двумя 75 мм. орудиями в башнях, которые могли вращаться на

360 градусов. Борта этих платформ высотой 1,6-1,7 м из листовой двойной стальной обшивки толщиной в 8-12 мм, залитой внутри бетоном, имели общую толщину стенки в 125-150 мм. Платформы-амбразуры за такими же боковыми стенками несли на себе по 3 пулемета, укрытых еще и мешками с песком. Здесь же размещались минометные установки.

Платформа ПВО вооружена была двумя полуавтоматическими малокалиберными орудиями и двумя крупнокалиберными пулеметами. Весь металлический материал поступил с Кубани. Рабочие трудились в несколько смен, находясь на казарменном положении. Все работы были закончены к апрелю 1942 г. Установка боевой техники выполнялась военными. В этот период не прекращались налеты авиации противника, работать приходилось при многочисленных бомбежках.

Для обслуги к бронепоезду были присоединены два вагона, прикрытых броней и оборудованных телефонной связью с боевыми платформами. 7 мая 1942 года бронепоезд, которому был присвоен номер «74» принял под свое командование майор Кононенко Федор Филиппович, в боях на Крымфронте с февраля по май 1942 года четырежды раненый. (По данным архива Керченского музея-заповедника Петр Филиппович остался живым, имел звание «полковник» и умер после войны, в 1959 году).

В фондах музея также хранятся воспоминания бывшего военнослужащего, телефониста вагона управления бронепоезда «74» Дьяченко Михаила Сергеевича. Они добавляют материал о строительстве «74»-го. На его строительстве работали мастер

Космачев Павел Андреевич, слесарь Гуров Иван Андреевич, бригадир-котельщиков Ирха Мирон Николаевич, слесарь Андросов Яков Яковлевич, котельщик Чучко Юрий Григорьевич, монтажник Запорожец Иван Захарович, разметчик Забелин Тимофей Харитонович.

Вместе со взводом разведки в составе обслуги бронепоезда было от 110 до 130 человек. Разведчики действовали на двух бронеавтомобилях, имели мотодрезину и несколько мотоциклов.

Для увеличения маневренности бронированного поезда и его мощности в голове поезда был добавлен обычный паровоз. А бронированный включен был в середину состава. Вагоны чередовались с платформами так: 1 и 4 - паровозы, 2 и 6 – броне-платформы, 3 – 5 – броневагоны. База бронепоезда была на заводе им. Войкова. Боевая работа «74» продлилась всего один день – 7 мая.

Тогда рейс пришелся до ж.д. станции Семь Колодезей. Здесь бронепоезд провел стрельбу по танкам и пехоте противника, несколько раз удачно уходил от огня вражеских войск.

Как известно из истории боевых действий Крымфронта, 8 мая 1942 г., немцы прорвали нашу оборону на левом фланге и устремились к Керчи, перерезав железную дорогу на подступах к городу. 18 мая 1942 г. весь железнодорожный состав, чтобы не воспользовались бронепоездом гитлеровцы, был заминирован и пущен навстречу немецкому бронепоезду. Перед этим «74»-й уничтожил 15 танков и 1 самолет, много автомашин и пехоты противника.

Заканчивая тему о строительстве трудящимися Керчи бронепоездов в подкрепление боевых действий наших войск осенью 1941 г. и в начале 1942 г., отметим, что в справочных материалах «Керчь и Керченский полуостров. (1941-45 г.г.)», изд. 1994 г. Керчь, указано: «21.08.41 г. – из ворот завода им. Войкова вышел бронепоезд «Войковец» (сражался у Перекопа и под Севастополем); 25.09.1941 г. – бронепоезд «Горняк», построенный на Камыш-Бурунском железо-рудном комбинате, направлен на оборону Севастополя; 24.01.1942 г. – Военным Советом Крымфронта принято решение о постройке на заводе им. Войкова бронепоезда для Крымфронта». Ясно, что речь идет о строительстве «74» - го. О его выходе на боевую работу 7 мая 1942 г. в Справочнике информация отсутствует. Дополняю этот пробел…

Зато в Справочник авторы не забыли включить такую хронологию: «27.10.1941 г. – сильно разрушена ж.д. станция Керчь-I и порт под бомбежками; 18.01.1942 г. – на Керченском полуострове восстановлен участок ж.д. Камыш-Бурун – Керчь-II – Семь Колодезей; 28.01.1942 г. – на Керченском полуострове восстановлен участок ж.д. Семь Колодезей – Ак-Монай».

Это важная информация, которая свидетельствует о героическом труде в 1941 и 1942 г.г. людей, обеспечивавших работу стальной магистрали в условиях боевых действий по защите Керченского полуострова и Керчи как города-крепости. Об этих тружениках и пойдет мой рассказ.

Мы увидели из приведенного выше «Справочника»

за 1994 г., что разбитый в ходе боев в восточном Крыму участок железной дороги от ст. Керчь-I до ст. Семь – Колодезей (это, примерно, 30 км), был восстановлен за две недели, а пути от ст. Семь-Колодезей до ст. Ак-Монай (почти столько же) были восстановлены за 10 суток! Отмечу, что пропускная способность одноколейной ж.д. сети в сторону Керчи могла составлять тогда не более 14 пар.

Катастрофа!? Но ее не позволили допустить труженики стальных магистралей, вовсе не обремененные присягой, но безотказно выполнявшие приказ. Перед их стойкостью и мужеством даже и теперь, спустя 75 лет, хочется снять кивер и поклониться в пояс. Работа путейцев, машинистов, обслуги на станциях в те недели сражения за Керчь включает в себя события, которые вызывают чувство благоговения. Поведаем о них.

Продвинувшейся на запад почти на 100 км группировке войск Крымского фронта требовалось непрерывное пополнение всеми видами снабжения. В условиях надвигающегося весеннего бездорожья остро встал вопрос о восстановлении железнодорожного сообщения между портами и причалами под Керчью и линией фронта. В городе не было ни одного паровоза. Немцы весь подвижный состав уничтожили или угнали. Пригодных вагонов на станциях Камыш-Бурун, Керчь-I и Керчь-II оказалось всего три. Вокзал и депо разбиты, водокачка уничтожена, все пути, а главное стрелки – повреждены. Людей на транспортные средства в городе не оказалось.

По решению высшего командования в начале

марта 1942 г. через Новороссийск на плавдоке в порт Камыш-Бурун были доставлены 10 паровозов, 15 пульмановских вагонов с железнодорожным имуществом и несколько бригад паровозников – около 25 машинистов, помощников и кочегаров из персонала станции Долгинцево Сталинской (Донецкой) ж.д. Все они были добровольцами. Вместе с ними в Керчь прибыли специалисты и рабочие из военно-эксплуатационного отделения (ВЭО) № 8 Куйбышевской железной дороги.

Предварительно паровозники Сталинской ж.д. перегнали сплоткой из пяти паровозов несколько бригад, ранее эвакуированных в Краснодар. В их составе были Иванцов И., Гушер М., Царенко, Ромашко, Костюк, Уманский, Завизион, Сахновский Я.И. Отсюда добровольцами выехали в Керчь Сахновский, Иванцов, Завизион, Костюк, Уманский, а всего 25 человек. Среди них членов партии было 19. В руководство ВЭО № 8, которое было сформировано только в январе 1942 г. специально для организации в Керчи железнодорожного хозяйства и воинских перевозок для 51-й Армии, входили: и.о. начальника части движения Федоров Петр Федорович, начальник политотдела Иванов Василий Ильич, начальник ж.д. станции Бородулин Иван Павлович. В Керчь они прибыли 22 января 1942 г. водным транспортом.

В первую очередь бригады ремонтников занялись восстановлением пути до ж.д. станции Семь Колодезей и Алибай – 55 км. В марте 1942 г. были открыты две портовые станции и 5 станций по пути. В Керчи вагонники отремонтировали 28 грузовых вагонов, потом еще 40 двухосных вагонов. В этот период

морозы доходили до 22 градусов. Заправка водой локомотивов осуществлялась рукавами из городской водопроводной сети. На это уходило по 6 часов времени на паровоз. Топлива для них не было, использовалась угольная пыль из отвала на заводе им. Войкова: она смешивалась с мазутом в виде брикетов.

Один из участников этой эпопеи – машинист паровоза Я.И. Сахновский вспоминал: «День и ночь мы водили поезда под обстрелом. Одежда была пропитана мазутом, уголь был низкого качества, и помощнику машиниста с кочегаром надо было быть виртуозами, чтобы доводить пар до нормы для достижения высоких скоростей».

Бывший начальник подвижной части ВЭО-8 Федоров П.Ф. в своих воспоминаниях записал: «В конце марта 1942 г. при затишье на Керченском направлении командование начало сосредотачивать силы и технику для наступления. Поезда отправлялись по 12-16 вагонов. Скорость довели до 45 км/час. Двигались ночью, немцы засекали движение и бомбили. Они точно рассчитывали время выхода поездов, подслушивая через проводную связь диспетчерские переговоры. Приходилось делать ложную отправку и затем – задержку».

Потребность регулярного движения поездов была удовлетворена доставкой из Новороссийска на плавдоке еще 6 паровозов серии «Э» и 16 четырехосных крытых вагонов. Когда в Керчи вагонники отремонтировали 40 двухосных вагонов, - это добавило в сутки 3-4 поезда. В марте восстановили паровоз «Щ», второй - «ОВ». Я.И.Сахновский вспоминал:

«Первые дни ничто не мешало водить поезда с боевой техникой и живой силой. Первое крещение при следовании из Камыш-Буруна в Семь Колодезей с грузом танков получила бригада Светличного в составе помощника Иванцова и кочегара Черненко. По просьбе железнодорожников командование Крымского фронта приказало в головной и хвостовой части каждого поезда устанавливать на платформе счетверенные пулеметы и пятизарядные пушки (*вероятно, кассетные 37-мм зенитные орудия, примеч. Л.В.*) с расчетами, состоявшими из женщин и девчат… Как-то проехали Багерово, когда появились два вражеских самолета на бреющем полете. С первой платформы затрещали выстрелы, один самолет отвернул и потащил за собой хвост черного дыма в сторону Катерлеза. Также был сбит и второй самолет…» После обстрелов машинисты затыкали пробоины в котле заготовленными заранее металлическими бородками. Тогда ранен был осколком Иванцов.

Далее Сахновский повествует: «Немцы старались сначала обстрелять головную часть поезда. Бригада тогда стала применять продувку кранов для сброса пара из котлов. Это создавало для воздушного противника затруднение для прицеливания в атаке. Женщина – командир зенитчиц, узнав от бригады о наиболее опасных местах по маршруту от Камыш-Буруна в сторону Исула, приказала: «Нигде не останавливаться, только по моему сигналу». Когда сбиты были те два самолета, поезд остановили, на первой же попавшейся автомашине зенитчицы проскочили на место падения стервятника. Первый

акт на сбитый самолет подписал в числе других наш машинист. Машинист другой бригады Кандыгуров в марте 1942 г. возвращался санитарным поездом из Семи Колодезей. На перегоне Багерово немцы спикировали на поезд. Кандыгуров был тяжело ранен, потерял сознание. Поммашиниста и кочегар Завизион тоже получили ранения в ноги. Завизион продолжал вести состав, управляя машиной, а уголь в топку бросали красноармейцы. Командование фронтом наградило его орденом Красного Знамени».

Вот выписка из приказа по ПЧ-ВЭО-8 от 27.03.1942 г. об объявлении благодарности паровозной бригаде:

«27 марта 1942 г. машинист Иванов, пом. машиниста Сахновский, поездной кочегар Ермоленко на паровозе 70640 провели поезд из Камыш-Буруна в Керчь II. Требовалась смена бригады, но машинист Иванов, учитывая важность данного поезда согласился ехать в очередную поездку без смены бригады. На участке Керчь II и Семь-Колодезей провели поезд за 2 часа и 3 минуты, вместо положенного по графику 3 часа 25 минут, чем показали еще раз, что на тощих углях можно водить поезда не только по расписанию, но и с нагоном…»

Так трудились эти люди, проявляя отвагу, стойкость, находчивость и готовность жертвовать собой. До конца боев под Керчью весной 1942 г. работали по доставке боеприпасов на фронт к Ак-Монаю машинисты И.Филенко, Самойлов, керчанин Галаганенко, Солодов, Петренко, Лукьяненко (погиб), помощники машиниста Александров (погиб), Аникеев (погиб), И.Иванцов, кочегары Черненко (погиб), Завизион (погиб). Начальником колонны в ВЭО-8 был керчанин

Панасенко, руководил паровозной частью Гладкий из Мелитополя.

Осталось добавить, что в обеспечении ж.д. транспортом Крымфронта приняли участие моряки и саперы. Так, при отправке из Новороссийска дока с подвижным составом в начале марта 1942 г. транспорт эскортировал крейсер «Ташкент». Выход в море тормозили налеты вражеской авиации, немцы бросали минные бомбы в бухту. Тронулись ночью. В паровозах, которые погрузили своим ходом, оставалось давление 4 атмосферы. Кроме крейсера в сопровождении были два буксирных катера, впереди шла подводная лодка. На доке были пятиразрядные пушки и счетверенные пулеметы с Тамани.

В порту выгрузки в Камыш-Буруне саперы быстро собрали клетки из шпал, положили рельсы, укрепили их на доке; стягивая лебедкой с берега, к утру собрали линию в депо Керчь.

13 мая 1942 г. работники ВЭО-8 были собраны на переправе, куда отходили части рухнувшего Крымфронта. В ночь на 14 мая оставшиеся паровозники переправились на Большую Землю. В первую очередь были погружены на катера раненые и женщины. Потеряна была четвертая часть людей. В 3 часа ночи паровозники через Среднюю косу (Тузла) покинули Крым. 16 мая военные саперы во главе с полковником Федоровым приступили к уничтожению подвижного состава, путей, зданий, грузов, складов, средств связи. Горячие паровозы – по два и вагоны на ст. Керчь-II составили в поезд, и по уклону пустили на Керчь-I. После разгона машинисты выпрыгивали на

ходу. Составы разбивались и сгорали.

В воспоминаниях П.Ф. Федорова есть такие строки: «ВЭО-8 в первой половине апреля 1942 г. получило задание – построить бронепоезд. Снабдили броней, вооружением. Руководил строительством начальник техчасти ВЭО-8 Борис Иванович Жохов с участием начальника вагонной части Руденко и паровозников и вагонников на заводе им. Войкова. Задача была закончить к 1 мая (всего две недели!)». Может быть, речь шла о строительстве «Войковца-2»? За ходом строительства следил начальник - Панасенко. В конце марта 1942 г. в ВЭО-8 влились Гладких И.М., Мериленко, Игнатюк, Барабаш, Бурко, Жироедов. Проявил себя Бородулин Иван Павлович, Мурохтанов Сергей, Бойко Петр Алексеевич, Плохотников». Интересно есть ли среди этих фамилий керчане?

И не военные, и не гражданские

…Но вернемся к 1941 году. В первые месяцы войны керченские рыбаки и работники рыбопромысловой отрасли были мобилизованы в созданную Крымскую военизированную флотилию. В нее были включены располагавшиеся в гаванях и бухтах Керчи и Феодосии маломерные суда, числом более 180 и несколько тысяч гребных плавединиц. Каждое самоходное судно на Керченском заводе № 532 (будущий судостроительный гигант «Залив») вооружалось 45 мм орудием либо 7,62 мм счетверенным пулеметом. Керченские рыбаки прошли сквозь огонь арьергардных боев,

когда войска 51-й Армии оставили Керчь, и надо было эвакуировать на Тамань людей, технику гражданское население, скот, народное имущество; через бушующие штормовые воды Керченского пролива с десантом стрелковых дивизий, выбивших оккупантов из Керчи под новый 1942 год; и снова участвовать в последнем акте трагедии Крымфронта в майские дни 1942 г., - сдаче нахрапистому врагу Восточного Крыма и города-крепости Керчь.

Повествование о Крымской военизированной флотилии Народного Комиссариата рыбной промышленности было мною включено в Сборник Керченского государственного историко-культурного заповедника «Керчь военная» (2004 год). Поэтому, сегодняшнему читателю предлагаю лишь краткое изложение этого участия гражданских экипажей в боевой работе по защите и освобождению Керченского полуострова.

История войны знает не так уж много примеров участия гражданских морских судов и штатских экипажей в боевых действиях. В ходе Второй мировой войны имел место эпизод, связанный с привлечением малотоннажного торгового и рыболовецкого флота для эвакуации англо-французских войск из-под Дюнкерка (побережье пролива Ла-Манш во Франции). Но, то была короткая по времени (10 дней) и ограниченная по целям операция: вывезти, эвакуировать союзнические войска на Британский остров.

В Керченском проливе была проведена уникальная по своему размаху и значению работа: деревянные суда рыбопромысловых государственных и колхозно-кооперативных организаций, портового флота Керчи

и гидрографии с необученными военному делу экипажами действовали наравне с боевыми кораблями Черноморского флота и Азовской военной флотилии, а иногда делали то, что было не под силу военным морякам.

По свидетельству участников и очевидцев тех событий, катерные тральщики и вспомогательные плавсредства Керченской военно-морской базы (КВМБ) и Азовской военной флотилии (АВФ) до их сведения по мобилизации в отряды и дивизионы Крымской военизированной флотилии были всего-навсего рыболовецкими сейнерами, мотоботами под парусом, буксирами и шхунами.

20 июля 1941 г. была сформирована АВФ. Для ее усиления 27 июля проводится мобилизация маломерного флота Крымского побережья и Кубани вместе с его экипажами. В этот день были направлены на довооружение деревянные сейнера «Академик Шмидт», «Крым», «Киров», парусно-моторная шхуна «Красная Армия». Всем судам был присвоен боевой номер.

1 сентября 1941 г. было закончено формирование Керченской военно-морской базы (КВМБ). В её распоряжение поступило 18 гражданских судов с их экипажами из керченских рыбаков, которые до этого, как военнообязанные бронировались за Крымгосрыбтрестом. Естественно, резко снизилась добыча рыбы, столь необходимой фронту. Тогда руководство треста обратилось к командующему войсками Крыма с просьбой перевести все экипажи рыбфлота в разряд военизированных и закрепленных за

народным Комиссариатом рыбной промышленности (НКРП СССР). Такое согласие было получено.

На территории Крымгосрыбтреста была создана база Управления военизированным флотом НКРП по Азово-Черноморскому бассейну. Суда рыбников были сведены в отряды, которые составили четыре дивизиона транспортных и один дозорный.

Попав в военизированные, моряк не считался солдатом, но и не мог сознавать себя штатским. Не менее 54-х судов, наряду с основной работой – выловом рыбы – выполняли спецзадания командования армии и ВМФ.

Оперативно они подчинялись командующему КВМБ. Кратко расскажу об ее истории. В военно-энциклопедическом словаре записано: «Керченская военно-морская база действовала с сентября 1941 г. по октябрь 1942 г., и с февраля 1943 г. по июль 1944 г. Обеспечивала боевые действия базирующихся сил флота и плавание транспортов, принимала участие в обороне Керчи, Темрюка, Таманского побережья, Новороссийска. Корабли базы входили в состав десантных отрядов и сил артиллерийской поддержки в Керченско-Феодосийской, Новороссийской и Керченско-Эльтигенской десантных операциях, перевозили войска, военную технику, продовольствие на Мысхако, Керченский плацдарм, конвоировали транспортные суда».

Первым командиром базы был контр-адмирал Васюнин. Он пришел сюда из Новороссийской ВМБ. В ее составе значился Керченский сектор береговой обороны.

И вот теперь, к началу сентября 1941 г., к имевшимся артиллерийским стационарным и передвижным береговым батареям, морским подразделениям охраны водного района и другим спецчастям, добавились дивизионы из числа судов и экипажей рыболовного флота, объединенные общим названием – «Крымская военизированная флотилия». Решением Васюнина на эти полугражданские сейнера, катера и буксиры были назначены из состава кадровых моряков флотского полуэкипажа военные комендантыи комиссары.

КВМБ непосредственно подчинялась командующему ЧФ, но выполняла задания командования Закавказского фронта и 51-й Армии. Уже на Тамани базу возглавил контр-адмирал Фролов, военным комиссаром стал В.Мартынов, а начполитотдела – Ф.В.Монастырский. Фролова моряки любовно называли «наш Чапай» за его бравый вид, смелость и решительность. В июне на Таманском полуострове Фролова сменил контр-адмирал П.А.Тройнин.

С самого начала КВМБ включала в себя 7 тысяч воинов, в т.ч. около 700 командиров и политработников, 140-й дивизион береговой артиллерии с пятью батареями калибра от 203 до 76 мм, 65-й отдельный зенитный полк, 8-й отдельный стрелковый батальон, 17-ю пулеметную роту, 354-ю стрелковую инженерную роту, участок СН и С (служба наблюдения и связи), гидрографический участок, флотский полуэкипаж, учебный отряд береговой обороны (БО) и ПВО, военно-морской госпиталь, тыл базы и др. подразделения. Нач-штаба базы был капитан 3 ранга А.Ф.Студеничников. Политруком штаба был Дмитрий Сергеевич Калинин

(о нем будет дальше рассказано особо).

В период обороны Керчи 4-14 ноября 1941 г. Керченская ВМБ была включена в состав оборонительного района и подчинялась генералу Батову как командующему. Ее личный состав на суше и на море обеспечивал оборону восточной части полуострова, создавал воздушное прикрытие портов.

Успешно и целенаправленно личный состав КВМБ и подчиненной ей КВФ занимался решением задач эвакуации войск 51-й Армии. Было вывезено более 50 тыс. войск и несколько сот артиллерийских орудий. Мобилизованные для участия в выполнении заданий командования рыболовецкие сейнеры и мотоботы вели капитаны и мотористы вместе с матросами из рыболовецких колхозов. Это были опытные судоводители, хорошо знавшие пролив и его побережье. В связи с малыми глубинами на подходах к берегу в районах посадки и высадки необходимы были именно такие мелкосидящие суденышки.

В декабре 1941 г., благодаря изменениям обстановки на фронте в нашу пользу создались условия для высадки войск и освобождения Керченского полуострова от вражеских частей. Это облегчило бы положение под Севастополем, а потом должно было привести к освобождению всего Крыма. Десантная операция намечена была на 26 декабря 1941 г. В ней приняли участие и экипажи военизированной флотилии НКРП. Приведу воспоминания одного из участников этого десанта, записанные мною в апреле 1997 г. В возрасте 15 лет Владимир Иванович Баталкин был помощником моториста на мотоботе рыбколхоза

им. 1-го Мая «Котовский». Он доставлял десантников в район Камыш-Буруна и Эльтигена. Вот его рассказ: «От Комсомольска (поселок на Тамани) с сибиряками и несколькими бойцами-азербайджанцами на борту «Котовского» вышли к Средней косе. Здесь стояли до утра. Это было 26 декабря 1941 г.

Почему-то, когда совсем рассвело, а не под покровом темноты, двинулись по команде в промоину в направлении Эльтигена и Камыш-Бурунской косы. До берега дошли вплотную, с собой имели два баркаса для пересадки людей. На борту их было человек 40-50. Кобзарь Н.К. (*моторист, примечание Л.В.*) на веслах высадил первую группу бойцов. Вторым баркасом пошел я, у нас была группа пулеметчиков. Обратным рейсом с берега забирали раненых на сейнер. Первые рейсы прошли успешно. Потом ударили немецкие минометы, налетели бомбардировщики. Капитан сейнера Скрипниченко В.С. отдал приказ ударить по самолетам из автоматов (*автоматические пятизарядные 37 мм орудия, прим. Л.В.)*. А немец после этого развернулся и пошел на судно бреющим полетом, поливая из пулеметов. Прошелся огнем по рубке «Котовского». Капитана очередью сразило наповал».

А вот рассказ сына самого капитана Скрипниченко В.С. – жителя поселка Подмаячный под Керчью: «Отец родился в рабочем поселке Глейки под Керчью в 1902 г. в семье моряка. Его отец служил в Российском военно-морском флоте в Севастополе на паруснике. В годы коллективизации Василий Степанович выучился на шкипера от рыбколхоза им. 1-го Мая. Когда

потребовалась работа рыбацкого флота в эвакуацию 1941 г., его взял с собой из дома начальник штаба военизированной флотилии А.В.Буряченко (*был председателем Крымрыбакколхозсоюза, примеч. Л.В*). В бою 26 декабря 1941 г. отец был ранен в голову, не помогла каска. Попросил помощника – Михайлюка И.Ф.: «Подмени меня, кровь заливает глаза, плохо вижу». Сам выдвинулся на полкорпуса из рубки, чтобы узнать, как поднимаются на борт люди. В это мгновение с немецкого самолета ударила очередь».

При высадке на косу Камыш-Буруна погиб капитан сейнера «Дунай» Хлебников. В этот же день – 26 декабря 1941 г. погиб член экипажа судна рыбколхоза «Касатка-I» - Налесный Григорий Савельевич.

В январе 1942 г. восстанавливается деятельность рыбной отрасли Крыма. Весной большинство затопленных сейнеров, фелюг и мотоботов было поднято из воды и введено в промысел. Принимается решение о воссоздании военизированного флота отрасли.

А.И.Алас. 1937 г.

Керчанин Алас Алек-сандр Иванович к лету 1943г. как военизированный был привлечен к несению дозорной службы в

составе гражданского экипажа судна гидрографии Новороссийской ВМБ. Рассказ его заслуживает внимания: «Будучи на гидрографическом судне «Шквал», несли мы дозор в районе города Очемчири, милях в 10 от берега. На борту были переносная радиостанция, военный радист, пулеметчики около крупнокалиберного пулемета. Другого вооружения не было. Невдалеке всплыла немецкая подводная лодка. Началась дуэль: мы с пулеметом, немцы – с артиллерийским орудием. Они из пушки снесли нашу турель с пулеметом и расчетом, разрыв пришелся над машинным отделением, где был моторист. Убит был и боцман, судно затонуло…»

А.И.Алас. 1970 г.

Этот редкий случай в истории боевых действий на Черном море не получил широкого освещения, к сожалению. 62 гражданских моряка военизированного флота получили правительственные награды, многие – за участие в другой, знаменитой Керченско-Эльтигенской десантной операции. Крымская база Управления военизированного флота НКРП СССР по Азчербассейну была ликвидирована в конце 1945 г.,

дивизионы расформированы, суда возвратились в свои хозяйства. Из 180 единиц в строю осталось – 7.

Большинство рыбаков и членов экипажей маломерного флота прошли рядовыми через огонь сражений минувшей войны. Это были отчаянные и боевые ребята и воины. Наверное, именно керченских рыбаков командование чаще всего посылало на такие мероприятия, откуда немногие выходили живыми. Например, из 121 рыбака-колхозника Керченской артели им. 1-го Мая, ушедших на фронт, не вернулось 89. Земляки берегут их память.

Как создавалась Крымская военизированная флотилия? Мне в свое время пришлось приложить немало усилий, чтобы найти в Керчи ее ветеранов – участников боевых действий. И вот я встретил бывшего комиссара этой флотилии – Александра Харлампиевича Штепу. К тому времени (2000 г.) было ему 84 года. Но этот старый человек памятью обладал завидной. И рассказчиком оказался превосходным. Я записал воспоминания Александра Харлампиевича и привожу их здесь.

«В августе 1941 г. я был вызван в Керченский горвоенкомат. В кабинете горвоенкома майора Гучека находился заместитель наркома рыбной промышленности Шередека. Мы были знакомы, так как я работал начальником отдела капитального строительства Крымгосрыбтреста. Шередека сообщил, что принято решение о создании военизированной флотилии НКРП СССР, и что командовать ею поручено управляющему трестом Семену Харлампиевичу Осипенко, а комиссаром рекомендован Штепа А.Х.

Шередека спросил, какого мнения военком по поводу кандидатуры Штепы, на что Гучек ответил: «Мы его наметили сопровождать команды мобилизованных, но найдем замену. Комиссаром Штепа будет надежным, мы его знаем». В предвоенные годы я после прохождения действительной военной службы как член ВКП(б) в Крымгосрыбтресте был заместителем редактора газеты «Крымский рыбак».

А.Х.Штепа. 1944 г.

Во дворе ГВК были собраны вызванные по повесткам рыбаки – собралось человек 80. Представитель НКРП объявил о включении всех их в состав военизированной флотилии и назначении командования. После этого я отвел этих людей в расположение базы ВФ. Ею стала территория и здание Крымгосрыбтреста (он располагался напротив гостиницы «Керчь», рядом со зданием табачной фабрики, ныне СРЗ). В наше распоряжение передавался весь флот Крымрыбакколхозсоюза (около 180 единиц) и экипажи этих судов. К этому времени многие члены экипажей покинули свои суда, кто-то вовсе уехал.

Свою работу политического руководителя ВФ я

проводил, опираясь на трех комиссаров дивизионов и через них - на политруков. Всех их назначил штаб флотилии. В нашем подчинении всего было 2862 человека. Для укрепления порядка мы с С.Х.Осипенко вскоре вынуждены были обратиться к командиру Керченской военно-морской базы Васюнину с предложением направить на каждое судно ВФ, где было хотя бы 3-5 человек экипажа, кадрового матроса в качестве военного коменданта. Эта просьба была удовлетворена. Несколько сот военных моряков были закреплены за судами ВФ.

Моя служба в ВФ началась 23 августа 1941г. К началу немецкого наступления на Керчь среди руководства города и военных властей было много паники и растерянности. Флотилия вывозила эвакуированных, оборудование, скот, а затем – раненых на Тамань. Наше штабное судно «Бриков» находилось на одном из причалов треста. Я вместе с начальником штаба Нестеренко и другими должен был проверить работу малых судов, которые входили в состав флотилии. На судне, где капитаном был Дедушев, собралась большая группа руководящих партийных и советских работников города, которые требовали отправки на другую сторону пролива. А на причале толпились и лежали раненые бойцы и матросы.

Я вынужден был приказать всем пассажирам покинуть судно, чтобы погрузить раненых. На причале рыбколхозов мы обнаружили брошенные экипажами суда. Чтобы они не достались врагу, мы их топили здесь же. Когда уже стало невозможно перевозить людей и технику с крымского берега (прорвались немецкие

танки), флотилия была передислоцирована на Тамань. В ноябре 1941 г. во время ухода через пос. Юркино на ту сторону пролива мне пришлось избавиться от документов по нашей флотилии. Я с другими членами штаба находился на берегу под прикрытием скального выступа. Вдруг мы увидели, что наверху появились три немецких танка. Мы решили, что нам здесь придется погибнуть. Немцы легко перестреляли бы всех нас из пулемета. Но в это время с нашего таманского берега ударила наша артиллерия, немцы скрылись. После этого я привязал три камня к чемодану, где хранились документы, и утопил их подальше от берега.

Когда в ноябре 1941 г. наши войска оставили Керчь и полуостров, я не смог оторваться от флотилии, и я не знал, смогла ли моя семья эвакуироваться вовремя, предполагал что жена и дети остались на оккупированной территории города. А значит, что с ними могут расправиться как с семьей коммуниста.

И вот радость – когда я находился на Таманском берегу, занимаясь отправкой людей и техники на восток (а народу набралось более 2 тысяч), мне сказали, что где-то на хуторе меня ждут мои родные – жена Прасковья Яковлевна и дочери. В эвакуацию в г. Колпашево Новосибирской области мы отправились вместе.

Я покинул Керчь в середине ноября 1941 г., флот вывели в Сухуми. Там С.Х.Осипенко был заменен Иваном Ивановичем Пахомовым (он был командиром партизанского отряда в Аджимушкае в 1941 г.), имевшим офицерское звание. На должности начальника штаба Нестеренко был заменен Александром

Шагиняном. В январе 1942 г. я возвратился в Керчь. Военизированная флотилия НКРП СССР в Крыму действовала до мая 1942 г., выполняя задания КВМБ. После освобождения Крыма в 1944 г. я продолжал служить в ВФ Крыма на других должностях».

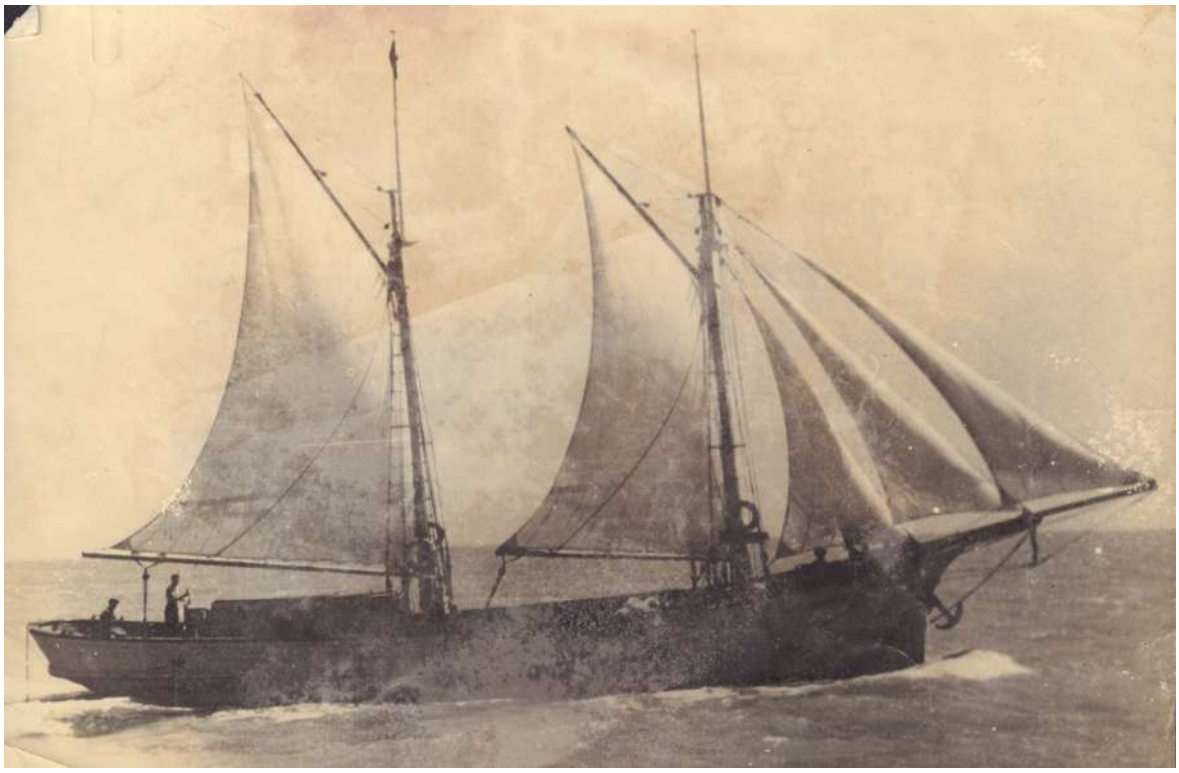
Крымская база УВФ была восстановлена 4 марта 1942 г. В Постановлении бюро Крымского обкома ВКП(б) говорилось: «В соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) поручить Управляющему Крымгосрыбтреста тов. Пахомову и председателю Крымрыбакколхозсоюза тов. Буряченко совместно с командующим КВМБ контр-адмиралом Фроловым в декадный срок восстановить Крымскую базу военизированной флотилии НКРП СССР… Утвердить начальником Крымской базы УВФ тов. И.И.Пахомова, комиссаром тов. А.Х.Штепа, заместителями начальника базы утвердить М.А. Майорова, А.Б.Буряченко, К.Т. Нестеренко».

С 15 по 20 мая 1942 г. корабли КВМБ и АВФ с участием экипажей военизированной флотилии Крыма переправили через пролив более 110 тыс. человек. Были награждены орденами члены экипажей рыбного флота П.А.Зарва, П.Т.Бондаренко, Т.Х.Ткачик, Н.Г.Лукьяненко, П.М.Стрелябицкий. Отличились члены экипажей судов керченского торгового флота, входивших в ВФ. Среди них – Н.Н.Чекалов, В.Г.Москаленко, П.Н.Горошинский, В.И.Носуленко, К.Ф.Карпенко, Г.И.Григорьев, Г.М.Юрченко, В.Н.Масоха, И.С.Жемалов.

После расформирования Крымской базы УВФ в 1946 г. И.И.Пахомов стал директором Евпаторийской моторно-рыболовецкой станции. М.А.Майоров

в ноябре 1944 г. стал директором Еникальского рыбзавода. В этот же период К.Т.Нестеренко был утвержден Председателем Кировского райисполкома г. Керчь. А.Х.Штепа с 1945 г. по 1950 г. был директором керченской судостроительной верфи. Александр Буряченко до последних лет жизни хранил память о самоотверженном участии крымских рыбопромысловиков в защите и освобождении полуострова в годы войны: он стал создателем и директором музея рыбной промышленности в Севастополе.

В историю боевых действий в восточном Крыму по защите и освобождению Керчи с участием военизированного рыболовецкого флота вошла биография легендарной парусно-моторной шхуны «Красная Армия». Поведаю о ней читателю. Ведь суда, как и люди, имеют биографию – рождение, имя, деяния, завершение жизненного пути.



Шхуна “Красная Армия”. 1958 г.

В начале 30-х годов прошлого века в поселке Еникале существовала небольшая судоверфь, где строились рыболовецкие и транспортные суда для нужд керченских рыбаков. Мастерами Василием Ивановичем Якумей и Петром Андреевичем Шалутько была собрана деревянная шхуна, которой дали имя «Красная Армия». Она имела длину 16,5 м, ширину – 5,2 м, высоту борта - 2,5 м, водоизмещение – 50 тонн. На шхуне был установлен двигатель отечественного производства 75 НРМ-17 мощностью в 50 л.с. Имелось две мачты, парус с тремя кливерами. «Красная Армия» могла двигаться со скоростью до 6 узлов в автономном плавании на 1400 миль. Экипаж ее должен был составлять 10 человек. Шхуна вошла в состав флота Крымгосрыбтреста наряду с однотипными судами того же периода постройки – «Реввоенсовет» и «Знамя труда». Шхуны обеспечивали доставку на приемные пункты треста выловленной в Азове и Черном море рыбы, перевозили соль, бочкотару, уголь, вино и прочее. Во время путины ПМШ «Красная Армия» участвовала в ловле рыбы как промысловое судно.

В предвоенные годы в состав ее экипажа входили: капитан Юрий Иванович Маниоти (возможно Пантиоти), с 1932 г.; Александр Столяренко (с 1938 г. по 1945 г.); механик-моторист Виктор Андреевич Верецкий (1932-45г.г.); матрос Владимир Георгиевич Тагларис (1932-33 г.г.), о других членах экипажа добыть сведений не удалось.

27 июля 1941 г. ПМШ «Красная Армия» была мобилизована вместе с экипажем. Судно дообо-рудовали установкой на палубе 45 мм орудия. В

военных учетах шхуна стала числиться как катер-тральщик № 122. Она была включена в состав 12-го дивизиона катерных тральщиков (КАТЩ) у Севастополя по вылавливанию донных мин. Деревянный корпус позволял ей справляться с магнитными минами. Но это не гарантировало от соприкосновения с якорной миной, которая ожидала свою жертву в 60-100 см от поверхности воды. Шхуна участвовала в Керченско-Феодосийской десантной операции 26-30 декабря 1941 г.

С 26 мая 1942 г. «Красная Армия» участвовала в обороне Севастополя, будучи переоформлена как КАТЩ-562. В 1943 г. в составе 1-го Краснознаменного Новороссийского дивизиона сторожевых катеров под командованием его «батьки» - капитана 3 ранга Д.А.Глухова участвовала в высадке десанта под Эльтигеном. 1 ноября 1943 г. экипаж шхуны взял на борт моряков с поврежденного МО-01012 во время боя с двумя торпедными катерами противника. Вот когда пригодилась пушка!

В 1944-45 г.г. «Красная Армия» вновь в составе 12-го дивизиона КАТЩ обеспечивала боевое траление коммуникаций на Черном море, у берегов Крыма, Северного Кавказа, акватории Главной базы ЧФ, входила в состав КВМБ.

Что нам известно о судьбах ее экипажа? Судовой механик Верецкий Виктор Андреевич, 1914 г.р. родом из Краснодара. В молодые годы окончил Ростовское мореходное училище им. Седова. В 1936-38 г.г. проходил действительную военную службу. В июле 1941 г. Севастопольским ГВК был призван на

флот. Участвовал в обороне Севастополя, Керчи, Новороссийска, был ранен. Награжден орденами Боевого Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, медалями «За отвагу», «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», «Ветеран Черноморского флота». До 1977г. проживал в Керчи по улице Афанасьева, 12. Найти родственников не удалось. Сведений о судьбе других членов экипажа «Красной Армии» нам – сотрудникам Керченского музея-заповедника не представилось возможным: слишком много было потеряно времени с послевоенных лет.

Отмечу, что подобные биографии сложились у большинства рыболовецких судов, в т.ч. включенных тогда в состав сил военно-морского флота в статусе военизированных. Все они были учтены как катерные тральщики – КАТЩ, имели бортовые номера, зачастую – не раз менявшиеся.

Член экипажа ПМШ “Красная Армия” В.А.Стефани. 80-е годы.

ПМШ «Красная Армия» стала легендарной, помимо заслуг за боевую работу, еще и благодаря участию в киносъемках фильма «Обгоняющая ветер» Ялтинской киностудии в 1958 г. Тогда шхуна, имевшая наиболее классические обводы и парусное вооружение,

была привлечена к съемкам в качестве «героини» с одноименным названием. Снимали на Азовском море. Когда шхуну перегоняли из Казантипского залива, ночью разыгрался шторм. В результате сумасшедшей качки сорвало закрепленный на палубе электродвижок и эта тяжеленная конструкция моталась по всему судну, ударяясь о борта. Но «Красная Армия» выдержала. Она ходила в море ровно 30 лет. В 1961 году была пущена на слом. Затоплена у северной оконечности косы Тузла.

Документы о судьбе ПМШ «Красной Армии» в свое время предоставили музею крымчане В.А.Стефани, А.В.Буряченко, В.Е.Горбачев, а обобщил их научный сотрудник музея Владимир Филиппович Санжаровец. Еще и сегодня останки этой шхуны можно было бы увидеть, опустившись под воду в точке у северо-западной оконечности Тузлы с координатами:

Д - 36º32'92" и Ш - 45º16'90".

Молодой наш читатель, конечно, удивится – откуда такая точность и к чему она? Дело в том, что координаты места упокоения этой легендарной шхуны внесены в обстановку подводных препятствий по Керченскому проливу. А таких скрытых помех в акватории для движения морских судов и проведения подводных работ со времен войны и до сегодняшнего дня набирается больше 100. Они обозначены на хранящейся у меня , как память о многолетней работе в отделе ВОВ Керченского музея-заповедника, морской карте. Об истории ее оформления и использования для дела – мой рассказ впереди.

На борьбу поднялись и стар, и млад

Героические и одновременно трагические строки вписаны нашими земляками в современную историю. Не до конца завершенной страницей в летописи войны 1941-45 г.г. является участие керчан в народном ополчении, которое создавалось в летние месяцы 1941 года.

…Ушел в народное ополчение Георгий Мефодьевич Павленко, 58 лет. Пятидесятилетним взял в руки винтовку в отряде ополченцев Анатолий Андреевич Радько с ул. Розы Люксемьург. И оба пропали без вести.

Таких бойцов, оказавшихся на фронте вопреки возрастному ограничению (Закон от 1939 г. «О всеобщей воинской обязанности» допускал к призыву в действующую армию граждан не старше 50 лет), в созданной в 1995 году Книге Памяти республики Крым значится не одна сотня. И среди них почти 100 керчан. Все они не вернулись с полей войны.

Как же попали на фронт эти, по меркам воинских законов, пожилые люди? Как получилось, что в одном окопе с безусыми красноармейцами оказались, например, 60-летний боец Федор Матвеевич Валенков, Виктор Андреевич Мухин, Степан (Стефан) Никифорович Журавлев, Осман (Асман) Абдухалилович Вопиев?

Ответ может быть один – через формирования народного ополчения. 3 июля 1941 г. наш город воспринял как приказ выступление И.В.Сталина, который призвал граждан подняться на священную

борьбу с врагом, покончить с беспечностью, резко поднять бдительность и развернуть сопротивление фашистским ордам. А уже 7 июля Крымский Обком ВКП(б) принял Постановление о повсеместном создании отрядов народного ополчения и о передаче руководства ими военным комиссариатам.

Надо отметить, что большинство граждан, записавшихся в ополчение, использовались на строительстве военных укреплений. Именно керченские ополченцы создали Багеровский и Аджимушкайский противотанковые рвы.

Меньшая часть ополченцев предназначалась для решения боевых задач. Но для этого необходима была военная учеба, тренировки. Однако боевых стрельб не было, бойцы не получали опыта метания гранат и бутылок с зажигательной жидкостью. Не хватало даже учебных винтовок, упражнялись с деревянными макетами «трехлинеек».

В трех районах города в первоначально сформированных бригадах ополчения значилось более 15 тысяч граждан. К концу 1941 г. это были три батальона, которыми номинально командовали ответственные работники народного хозяйства и общественных организаций. Военного опыта и подготовки такие руководители, естественно, не имели.

Крым оказался незащищенным от вторжения с севера, от Перекопа. Войск хватило только на обеспечение противодесантной обороны со стороны Черного моря. Именно на этом строилась стратегия защиты Крымского полуострова в случае начала войны.

В такой обстановке 14 августа 1941 г. Ставка Верховного Главнокомандующего издала директиву о формировании в Крыму новой, 51-й Армии. В документе было указано о призыве людских ресурсов до 1895 года рождения, включительно. Это значило, что в строй становились все, кому уже исполнилось 19-46 лет. В формируемые три стрелковые дивизии Крыма, впоследствии ставшими номерными – 320, 321, 322, должны были влиться и формирования ополченцев. Где же еще можно было взять пополнение, если первая мобилизация июня-июля 1941 г. вобрала в себя 93 тысячи призванных по Крыму?

Наши земляки вместе с феодосийцами и маяк-салынцами составили 320-ю СД. В состав этой дивизии был включен 20-й истребительный батальон – часть формирования керченского народного ополчения, это две роты добровольцев из числа рабочих и рыбаков города, наиболее оснащенных вооружением, полученным со складов НКВД Крыма (чешские и японские винтовки-трофеи времен 1-й Мировой войны). «Истребители» до середины ноября 1941 г. действовали в оперативном подчинении командованию 320-й СД как заградотряд на подступах к Багерову и Керчи. Одна рота ранее была переброшена под Перекоп, где в октябрьских боях погибла…

Наши лидеры в центре и на местах заранее предусмотрели развертывание армии, промышленности в условиях нашествия врага, продумали систему местной обороны от налетов авиации, от действий агентов и диверсантов, рассчитали разумные шаги по эвакуации народного хозяйства и трудящихся. Не были

лишь учтены возможности, силы, настрой широких масс в прифронтовых регионах, стремление людей взять в руки оружие и встать в один окоп с бойцом регулярной армии.

В первые, самые трагические дни лета и осени 1941 г. добровольцы не могли по-настоящему оказать действенную помощь войскам. Вот по этой причине мы так мало знаем о народном ополчении Керчи как об отчаянном шаге трудового народа навстречу смертельному врагу – фашизму.

75 лет назад военная судьба привела многие тысячи наших соотечественников к берегам Керченского пролива. В Керчи многие годы проживали те, кого война пощадила, они прошли через «мясорубку», в которой оказались по долгу службы или по воле случая. У некоторых из них необычная судьба. Поведаем об этом.

Есть биографии, которыми можно гордиться, но в то же время они являют собой пример того трагизма, который и сопровождал военные будни многих наших земляков в годы войны, даже несовершеннолетних граждан. Вот некоторые такие истории.

В сентябре 1997 года отметил свое семидесятилетие Василий Петрович Горбенко – «пятнадцатилетний капитан». При нашей встрече в этот его Юбилей он рассказал мне, как в 1941 г. стал членом экипажа в составе маломерного флота Крымской военизированной флотилии. Было ему в ту пору ровно 14 лет.

Родился он в местечке Капканы под Керчью в семье потомственного моряка. Дед – Константин служил в Севастополе в русском военном флоте, женился в

Геническе и привез молодую в Керчь. Здесь и осел. Отец Василия – Петр Константинович был бригадиром рыбколхоза им. XII лет Октября. В начале войны отец работал в морском цехе завода им. Войкова, занимался ремонтом угольных вагонеток на причалах предприятия. В июне-июле 1941 г. состоял в ополчении, так как значился «на брони», поэтому в армию призван не был. Василия его дед сызмальства приучал к рыбалке, малый легко управлялся с парусами, знал компас и прокладку курса. Семья имела свой баркас «Отец».

Когда началась эвакуация, вместе с дедом Вася перевозил людей – по 20-25 человек. Успев окончить только 4 класса, он пошел в бригаду Виктора Константиновича Полубинского. А когда во вторую волну мобилизации того призвали в армию, бригадир отдал ключи от амбара с рыбацким имуществом Василию, сказав: «Работай дальше». Вася растерялся – что делать, куда податься. Под причалом стоял рыбацкий катер «Калинин». Капитаном на нем – Люся Кононенко. Она сказала Васе: «Иди матросом. Парень ты крепкий, знающий».

«Калинин» имел двигатель «Победа» мощностью в 25 л.с. Стали на нем ходить через пролив. В день успевали сделать по одному рейсу – начались бомбежки, обстрелы. Люся не выдержала и вскоре покинула экипаж. А бригады были женские. Пришлось капитаном стать Василию Горбенко.

Водил на буксире спаренные «дубы», приспособленные для эвакуации скота, баранов. При отступлении войск ночами перевозил бойцов. А

механиком на катере был Григорий Гордиенко, пом. механика – Андрей Карпов. В рейсы ходили по темноте. Но все же попадали под жестокие бомбежки. Особенно запомнился Василию рейс, когда перевозили группу бойцов (большинство были казанские татары) во главе с командиром – старшиной Николаем Хлебниковым. Он раньше был капитаном судна в рыбколхозе. Шли через пролив, налетел немецкий самолет, стал бомбить. Хлебников приказал затаиться и не открывать огня из оружия. Выдержка помогла. Самолет, отбомбившись потерял судно в темноте. Благополучно дошли тогда до Чушки.

В ноябре 1941 г.семья оказалась под оккупацией, а весной 1942 г. Василий стал рыбачить в бригаде Григория Сташука в рыбколхозе им. Войкова. Потом бригадиром был Спиридон Бурносенко – дядя Спиро. Вскоре, как знавший навигаторское дело, Василий Горбенко получает под свое командование баркас «Красавец». В мае 1942 г. семья ушла на Кубань. А пятнадцатилетний капитан Горбенко остался перевозить на «Красавце» войска, раненых. Последний рейс на Чушку был в середине мая.

Потом на веслах в лодке Вася ушел в пос. Искра на Кубанском побережье, где встретился со своей семьей. И тут опять оказался под оккупацией.

Весной 1944 г. с приходом Красной Армии стал работать матросом на «Боте 23» рыбколхоза им. Войкова. Проучился на 3-х месячных курсах судоводителей. В 1945 г. призвали в армию, служил в Керчи. В 1948 г. закончил курсы с допуском на 200-тонники.

На МЧСах (малых черноморских сейнерах) проработал 45 лет. Первым в стране освоил и распространил опыт работы капитаном-бригадиром, за что был награжден медалью ВДНХ.

Василий Петрович Горбенко является участником боевых действий как работавший в военной обстановке в рыбопромысловом флоте. До сих пор в его памяти свежи воспоминания о тех огненных рейсах, из которых он по воле случая вернулся живым и невредимым.

В.П.Кучеренко (в центре). 1946 г.

Пощадила судьба и другого малолетнего участника боевых действий в составе «тюлькиного» флота, как любовно называли бойцы-десантники деревянные суда рыбаков, сведенные в сентябре 1941 г. в Крымскую военизированную флотилию. Остался живым и не сгинул в пекле войны Владимир Петрович Кучеренко. Родом он из г. Тульчина, что под Винницей. Отец в гражданскую войну командовал эскадроном в бригаде Котовского, был лихим рубакой, в награду получил именное оружие – браунинг. В г. Тульчине, где в 1927 г. появился на свет Володя, Петр Иванович работал в ГПУ. В связи с «перегибами», которые творили ретивые начальники, в органах прошла «чистка». Под

общую гребенку попал и Петр Кучеренко.

В 1932 г. семья переехала в Керчь. Жили в Камыш-Буруне. Отец работал инструктором. В гражданскую он получил 11 осколков, был невоеннообязанным по здоровью. С началом войны, отца, как добровольца, все же призвали на фронт. О нем Володя ничего не знал до 1947 г., а оказалось, что он пал под Севастополем в день взятия нашими войсками 9 мая 1944 г. Сапун-Горы.

А тогда, в 1941 г. Володя пристроился юнгой на Камыш-Бурунский маяк: зажигал огни створов, поддерживая освещение на поворотном буе в проливе. Кормежка ему была обеспечена. 14 мая 1942 г. с новым приходом немцев в Керчь Владимир перебрался в Темрюк. Здесь знакомые моряки помогли ему устроиться в экипаж сейнера «Чапаев» местного рыбколхоза. Капитаном был Виктор Гордецкий, мотористом – Петр Лазаренко. Проплавали недели две. Как знающему сигнальное дело Володе поручили проводить занятия с молодыми матросами. В какой-то момент тренировок попали под бомбежку «юнкерсов». Владимир успел выскочить из воды на берег, в это время взрывом его швырнуло, ударило о сваи. Получив контузию, попал в госпиталь в Темрюке.

После излечения был принят помощником моториста на военизированную ПМШ «Андре Марти», принадлежащую Генической МРС (моторно-рыболовная станция). В мае-июне 1942 г. капитаном здесь был Федор Степанович Кузьменко, мотористом – Иван Иванович Ковалевский. До августа работали на Кубани, потом ушли в Геленджик. Здесь делали

обычную работу: доставляли грузы, людей, технику. При подготовке десанта на Южную Озерейку под Новороссийском командование сконцентрировало здесь сотни кораблей и судов, в том числе малые катера и ПМШ. «Андре Марти» входил в дивизион десантных судов. Это было в феврале 1943 г. Шхуна «Андре Марти» - деревянное рыболовное судно водоизмещением 40 тонн с двигателем «Болиндер» в 25 л.с. – могла взять на борт 80-100 человек. 4-5 февраля десантный эшелон подошел к Южной Озерейке, начали высадку.

Владимир был на причале, когда при начавшемся обстреле от взрыва погиб их катер. Повезло, но парень получил ранение – осколок распорол икру, - и снова контузия. Потерял много крови. Очнулся, когда немцы прочесывали берег. Подобрали его как военного моряка (он был в бушлате и тельняшке). Ему опять повезло – не пристрелили, а отправили в свой госпиталь в станицу Крымскую. Здесь его подлечили. Потом вместе с другими военнопленными он оказался в лагере в Керчи. Людей гоняли на строительство оборонительных сооружений, на ремонт технических средств. И вот здесь, летом 1943 г. он испытал то, что обычно называют, «вернулся с того света».

Большая группа военнопленных, среди которых оказался и Владимир, использовалась на строительстве водонапорной башни на Широком молу керченского торгового порта. Прорабом был немец Вилли в форме трудовой армии – ТОДТ. На леса стали затаскивать стальные сегменты корпуса бака. Немец все время подгонял пинками: «Шнель, шнель, Швайн!» Володя

не выдержал, что-то буркнул в ответ. Это взорвало Вилли, он дважды ударил парня в лицо. На площадке Володя увидел кувалду, и не успел осознать, что делает, запустил железяку в немца. Тот ухитрился отскочить в сторону. Володя понял, что это – конец. Стрелять, однако, Вилли не стал, а доложил начальству.

Тут же всех пленных согнали к автомашинам. Свою бирку с номером «424» он успел повесить в табельной. Здесь работала русская девушка, которую Володя помнил по школе им. Орджоникидзе в Камыш-Буруне. Звали ее Зоя, тогда, до войны ей было 17. Красивая, стройная. Наверное, она узнала его, хотя была на четыре года старше.

Под конвоем легионеров из числа бывших советских граждан всех пленных доставили к баракам, выстроенным здесь же в порту. Фельдфебель – немец по лагерному номеру «424» вызвал Владимира, расстегнул кобуру и повел его в жандармерию. Зоя подошла к конвойному, но тот и слушать ее не стал. Тогда она обратилась к старшему по работе среди заключенных – Гансу. Он неплохо объяснялся по-русски. Пока табельщица уговаривала немцев оставить Володю в живых, его под конвоем двух легионеров в сопровождении жандарма повели к берегу, миновав здание тюрьмы. Тут он понял, что его ведут на расстрел. От очевидцев парень слышал не раз, что конвоиры не стреляют даже, а приканчивают казнимых ударами штыков. Как потом рассказывал Владимир Петрович, он уже решился в последний момент броситься на одного из охранников, чтобы другой застрелил его.

В эти секунды Владимир успел заметить, что к ним

торопливо бежал Ганс. Немецкий чиновник сцепился в словесной перепалке с фельфебелем. Потом потащил Володю за собой в лагерь, загнал на нары. А утром человек 20 пленных и среди них Владимира перебросили на карьер на каменнодробильные работы. Перед этим Ганс отозвал его, закурил, сам присел и усадил Володю рядом, после чего рассказал, что его расстреляли бы обязательно за бунт, но спасла его Зоя, она заступилась за него.

И только спустя 56 лет, теперь уже от автора этих строк, узнал Владимир Петрович, что Зоя Федоровна жива и здорова, живет в Керчи. (ее историю приведу ниже).

Последний лагерь, где он выжил и не сломался от каторжного труда, располагался в районе села Заветное. Здесь пленные строили береговые оборонительные сооружения. Лагерь охраняли румыны. Когда оккупанты стали перемещать этот лагерь, то провели сортировку узников, не подлежащих отправке к Севастополю. В Заветном оставили человек 20 лагерников. Среди них и Володю Кучеренко, 17 лет. Он вспоминает: «10 апреля 1944 г. румын-охранник в звании «мажор» (сержант) отпустил всех пленных, предупредив, чтобы опасались немцев, которые «драпали» по дорогам в сторону Феодосии. Сами румыны пошли сдаваться нашим. «Мажор» отдал мне свой пистолет. Дождавшись темноты, пленные разошлись кто куда. Я попал в ближайшее селение, меня устроила на ночлег какая-то женщина. Ночью в дом неожиданно ввалились два жандарма. Я успел выскочить во двор. Когда они стали шарить светом

фонаря по постройкам, я в упор выстрелил в них несколько раз и убежал в степь. К утру вернулся в этот же двор. А 11 апреля появилась наша «полуторка» с солдатами и офицерами Красной Армии». Так он встретил освободителей, оставшись живым после всех испытаний, которые ему уготовила судьба.

Володя вернулся в Керчь. Город в сплошных развалинах, людей гражданских не видно. Зато военные повсюду: пехотинцы, моряки. Все веселые, довольные. На перекрестке здесь и там застыли сгоревшие танки. Пока шел к комендатуре, не одна группа пленных немцев и румын повстречалась по дороге. В комендатуре уже вовсю развернули работу помощники военного коменданта и сотрудники НКВД. Разбирались быстро: кто был призывного возраста, кто был в немецком концлагере или прятался по хуторам, - тех в маршевую роту, а то и в «штрафники», и всех – под Севастополь. Кто оказался полицаем, старостой – тех под трибунал. Среди офицеров и контрразведчиков встретил своего знакомого – младшего лейтенанта Георгия Межкова. Объяснил ему, что освобожден из лагеря военнопленных. Два года Владимир Кучеренко работал трактористом в колхозе «Инициатива». А потом подошла действительная военная служба, с 1946 г. был военным моряком. Не раз пришлось расстреливать прямо с борта всплывавшие рядом с кораблем немецкие мины. Долгие годы он трудился на заводе «Залив» в Керчи. После 1970 года до ухода на пенсию, работал механиком на труболитейном заводе.

В.П.Кучеренко. 60-е годы.

Израненная под Новороссийском нога уже плохо слушалась ветерана, да и две контузии сказываются. Несколько лет главстаршина ВМФ в отставке В.Кучеренко пытался через горвоенкомат утвердиться в статусе ветерана боевых действий в период ВОВ 1941-1945 г.г…

Ему бы сейчас побольше положительных эмоций, как и всем другим ветеранам, и на судьбу не обижался бы… Но где их взять?

…Когда под самый праздник 9 мая 1999 года Владимир Петрович Кучеренко рассказывал мне свою историю участия в боевой работе, пленения и о том, как его спасла от неминуемой смерти девушка из рабочего поселка в Камыш-Буруне по имени Зоя, мне вдруг стало ясно, что я не только знаком с ней, но год назад написал статью об ее семье в местной газете. А все началось вот с чего.

Чтобы помнили…

Нет большей несправедливости, чем оборванная детская жизнь. Прошедшая война ворвалась в

судьбы подрастающего поколения, оставив после себя космически незаполненное пространство в человеческом роду. В день освобождения Керчи – 11 апреля 1998 г. в газете «Керченский рабочий» был опубликован снимок детей из довоенной неполной средней школы пос. Самострой в Камыш-Буруне. Принес его нам в музей как раз Кучеренко Владимир Петрович. Тогдашний - по времени 1938 года – ученик 4-го класса этой школы. Дети сфотографировались вместе с директором и учительницей (или пионервожатой). Большинство ребят было постарше Володи на один-два года. У многих на снимке пионерские галстуки. Снимок не качественный, да и время взяло свое… Но Владимир Петрович припомнил имена и фамилии некоторых ребят, отметив при этом, что они погибли от рук оккупантов. Многие из них совсем дети. Газетная статья должна была стать реквием по ним.

4-й ряд: (1-й слева) Леви (других данных нет), рядом А.Зинченко. 3-й ряд: (2-й слева) В.Харчевников, (3-й) А.Немчин, (2-я справа) Зоя Альшевская. 2-й ряд: (в центре) А.Н.Ковалева. 1-й ряд: 1-й слева М.Петров, (3) Н.Гайабура, 1-й справа Ю.Кирьянов

…Через месяц после прихода «освободителей» началось уничтожение советских граждан. Были казнены и мальчики из Самостроя. На снимке они есть: это Косенко (имя его и нескольких других в памяти Владимира Петровича не сохранилось) – в верхнем ряду слева – пятый; это Германенко, в том же ряду справа – третий; это Корягин, так же справа – первый. Во втором ряду первый слева – Забияка Витя, он был расстрелян вместе с отцом, но тот выбрался из могилы после всего. В этом же ряду первый справа Леня Белоусов, он тоже навсегда остался в Багеровском рву. Память о них – только этот сохранившийся снимок, да боль родных.

За что расстреляли палачи этих и многих других мальчиков? Обратите внимание, мои дорогие читатели: казнены были, большей частью, будущие мужчины. Наверное, фашисты учитывали, что через 4-5 лет подростки 1926-1927 годов рождения будут в состоянии предъявить свой счет поработителям.

Не суждено было многим юным керчанам стать отцами семейства. Оборвалась ниточка жизни. Они не успели подарить человечеству продолжателей своего рода.

От случайных разрывов снарядов и мин погибли в военные годы керчане – Архипов Женя, 10 лет; Андреев Юра, 9 лет; Хрони Сережа, 4 лет вместе с сестрами Аней, 7 лет, Машей, 5 лет. И многие другие. В нашем списке их более 85 человек. Большинство подорвалось при разборке боеприпасов.

Да. То была война, и многих коснулись ее последствия. А пока редакция и автор статьи выразили

надежду, что кто-то из читателей узнает на снимке себя или своих одноклассников и расскажет об их судьбе и о себе. Представьте, пошли отклики. И вот что обнаружилось. Керчанки сестры Зоя и Наталья Федоровны Альшевские(это их девичья фамилия) среди учеников 4 «А» класса узнали свою сестру – Адилаиду. На этом снимке она сидит в первом ряду третьей справа. При нашей встрече в мае того же, 1998 года Зоя Федоровна пояснила, что на снимке так же запечатлена учительница русского языка и литературы той же школы Александра Николаевна Ковалева (она – во втором ряду в центре). Немцы ее расстреляли в 1942 г. за то, что она отказалась работать переводчицей. Погибла она в городской тюрьме.

Зоя Федоровна передала еще один снимок для публикации, где она и ее одноклассники фотографировались после экзаменов в июне 1941 г. (о них рассказано мною выше, во II Главе с подзаголовком «Не всем даже было восемнадцать…»). И при этом поведала историю своей семьи, поразившую драматизмом и безысходностью, но в то же время раскрывающую незаурядность личности самой Зои Федоровны. Это последнее обстоятельство займет небольшое место в моих дальнейших предположениях о возможно сокрытой от меня части ее биографии. А пока о том, что она рассказала.

К 1938 году Зое Альшевской было уже 14 лет. Училась она в неполной средней школе в Камыш-Буруне - одном из районов Керчи. Школа была в бараке, впоследствии на этом месте построили школу № 11 им. Серго Орджоникидзе. Здесь же завхозом работала

мать Зои – Анна Ивановна. Отец был смотрителем метеостанции на территории строящегося Камыш-Бурунского порта.

И вдруг в марте 1938 г. отца - Федора Федоровича арестовали органы НКВД. За что, почему – так и осталось тайной. Здесь сделаем небольшой экскурс в нашу историю первой половины 20-го века.

1938 год. Старшему поколению, прожившему и пережившему смену эпох и эпохальных преобразований в нашей стране вплоть до сегодняшнего дня, это сочетание четырех цифр напоминает почти всегда одно и то же – повальные аресты и репрессии.

Так называемая «чистка» Крымского госаппарата началась в несколько этапов задолго до 1938 года. Она была направлена на отстранение от дел старого дореволюционного чиновничества, в свое время привлеченного советской властью к сотрудничеству.

Отдельные работники обкома партии и облисполкома «разоблачали» в своих сообщениях в парторганизацию и органы НКВД таких вот сослуживцев, иногда – по 30-50 человек. Развертывалось негласное соревнование в количестве «разоблаченных» по району, области. Вот тогда были арестованы и осуждены на 10 лет Альшевский Ф.Ф., 44-х лет, его два брата – Павел – 46 лет, работник ацетиленового завода, и Георгий, 42-х лет, бухгалтер керченского предприятия. Тогда же взяли тестя Федора Федоровича – Сташевского Ивана Иосифовича, 57-ми лет, проживавшего в центре Керчи, по ул. 23 Мая, дом 2. У меня к Зое Федоровне возник вопрос: почему арестовали именно этих мужчин с польским звучанием их фамилий. Она предположила, что арест был

связан с наличием родственника за границей: младший брат Альшевских – Вячеслав, 1902 г.р., в 1920 году из Крыма выехал в Югославию и иногда давал о себе знать. При обыске в квартире Альшевских сотрудники органов искали именно письма из Югославии.

В тот же период в Симферополе были арестованы Марцинковские: отец семейства Яков Янович, 64 лет, уроженец Польши, слесарь железнодорожной станции Симферополь, его сын – Владимир, 28-ми лет, пом. машиниста ж.д. станции Симферополь. Что же явилось причиной охоты за советскими гражданами польского происхождения (либо имеющими по их фамилиям признаки такового)? Я попытался разобраться в этом, исследуя открытые источники, поступающие в научную библиотеку нашего Керченского музея-заповедника. И вот что узнал из них (Думаю, молодому читателю это будет интересно).

В августе 1938 г. появился приказ Наркома Внутренних дел Ежова в связи «с фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельностью польской разведки в СССР» (Так в этом приказе сформулирована была особенность обстановки в стране в этом году).

От органов на местах приказ требовал развертывания арестов и следствия по делам так называемой ПОВ – «Польской организации войсковой». Особое внимание обращалось на «изъятие» лиц, заподозренных в связях с ПОВ из числа работников оборонной сферы, промышленности, транспорта и связи. Арестованные Альшевские, Марцинковские волею судеб как раз были связаны с этими отраслями

народного хозяйства. И это решило все. Трудно представить сейчас, почему именно польская разведка в 1937-38 г.г. представляла угрозу для нашей страны. Остается предположить, что целью этой акции было ослабление по стране польской диаспоры для недопущения «движения сопротивления» в связи с намеченным на сентябрь 1938 г. освободительным походом Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, которыми владела буржуазная Польша.

Так Зоя Альшевская потеряла своего отца. Само собой понятно – отношение к членам семьи со стороны окружающих резко изменилось. Одноклассники насторожились. Пришла пора принимать Зою в комсомол – первичная организация ВЛКСМ ей отказывает в приеме, как дочери «врага народа», хотя Зоя была лучшей ученицей и активисткой (подчеркнем это). Но в Орджоникидзевском райкоме комсомола секретарь принял другое решение: «Сталин сказал: «Сын за отца не отвечает»».

Окружающие умные люди не потеряли доверия к таким без вины виноватым, как семья Альшевских. Первой среди сочувствующих стала директор школы Мария Моисеевна Медведковская. Это она доверила 14-летней Зое заниматься с малограмотными призывниками Орджоникидзевского райвоенкомата, когда за помощью обратился сам военком (учителя в этот период все были в отпусках или на заочной сессии). И Зоя в течение 1,5 месяцев была учительницей. В группе из 18-20 парней были и неграмотные, и татары, не знающие русского языка, и малограмотные. Военком

лично дал ей задание: по политграмоте и географии разъяснить о частях света; по арифметике – дать понятие о 4-х действиях, научить решать простейшие задачки; по русскому языку – помочь в чтении по слогам и в письме.

Результат был превосходным, так сказал военком, когда благодарил Зою за труд и вручил ей 100 рублей и трехдневную путевку по Южному берегу Крыма. За свой педагогический труд Зоя получала зарплату по 500 рублей (это были немалые деньги: буханка хлеба с изюмом стоила в Керчи 3 руб. 30 коп., хорошее печенье (1 кг) – 3 рубля).

В начале войны 1941-45 г.г. семья жила в поселке строительства ГРЭС в Камыш-Буруне. Вторая оккупация застала Зою вместе с матерью в дер. Кыз-Аул в доме бабушки. А сестры Зои – Наташа и Ида оставались в квартире в Керчи.

В ту нашу встречу с Зоей Федоровной в 1998 году я как-то упустил из виду, что наша беседа о ней перетекла в рассказ о мытарствах ее сестер. И я почему-то ничего не записал о жизненном пути самой Зои Федоровны после мая 1942 года. И вот теперь думаю: может быть, она умышленно увела нашу беседу от необходимости рассказа о себе, девушке 20-ти лет, оказавшейся в оккупированной Керчи.

У меня нет сейчас сомнения, что та Зоя – табельщица торгового порта из лета 1943 г. и девочка Зоя из старших классов школы в пос. Самострой, где учился Володя Кучеренко – одно и то же лицо. Почему? Его одноклассницей оказалась сестра Зои – Ида, и это факт. Значит, он должен был знать, помнить ее старшую сестру, активистку, отличницу и вообще –

выдающуюся девушку привлекательной наружности, хотя и старшую по возрасту. Поэтому в период работы в морском торговом порту как военнопленный, Владимир Петрович узнал Зою без сомнения. Узнала ли она его? Это вопрос. Вопросом для меня сейчас, когда я стал работать над рукописью книги, является главное обстоятельство: как Зоя смогла устроиться на работу в порт – объект стратегического значения для оккупантов; да не просто работать здесь, а занять должность табельщицы!? А ведь этакое привилегированное место давало широкие возможности общения с немецким персоналом, с рабочими и вообще держаться в курсе всех дел и перемещений грузов и транспорта. Прямо, святое место если взглянуть на это глазами военных разведывательных служб.

С.Ф.Багнюк (2-й справа). 1939 г.

Почему мои мысли потекли в этом направлении? А вот почему. Еще в середине 1997 г. мною на основе повествования одного из участников организации разведывательной сети в ноябре 1941 – мае 1942 г. на восточной оконечности Керченского полуострова, в т.ч. в Керчи – подполковника в отставке Багнюка Степана Федоровича, были подготовлены и опубликованы две статьи – «Крестный отец» Жени Дудник» и «По данным надежного источника» о работе патриотов-разведчиков из числа керчан на оккупированной немецкой территории.

Так, в названной мною первой статье был приведен рассказ С.Ф.Багнюка: «Моей главное задачей как разведчика являлось создание в тылу оккупантов сети надежных источников информации из числа местных жителей, остающихся на занятой врагом территории. Проводил я эту операцию заблаговременно, но в короткий срок… Используя особый мандат о полномочиях, я в Керченском военкомате отобрал несколько десятков учетно-послужных карточек на радистов, провел беседы со многими из них. Свое внимание я остановил на одной из девушек – Жене Дудник. Конечно, не одна Женя была оставлена на сданной врагу территории. Лично мною здесь было подготовлено и проинструктировано на случай отступления наших войск не менее 10 местных жителей. Большинство из них имело документы о непригодности к призыву на военную службу. Были и женщины». Вот на это мне сейчас и хочется обратить внимание моих читателей. А что, если Зоя Альшевская попала в поле зрения С.Ф.Багнюка, когда он работал

с военкомом Орджоникидзевского района Керчи по подбору кандидатур, имеющих подходы к таким важным объектам, как морские порты?

Вот посудите сами. Военком знал лично и высоко ценил природные данные Зои Альшевской: ее бедовость, контактность, уверенность в себе, хорошую память и сообразительность. Он знал о том, что она из семьи репрессированного органами советской власти, а с точки зрения разведчика Багнюка это обстоятельство только бы укрепило ее положение в глазах представителей немецких карательных органов. Судя по тому, что любимая Зоей учитель русской словесности Ковалева А.Н. владела также немецким языком, - вполне в духе времени, что Зоя усиленно изучала его, стараясь подражать своему педагогу. А это было немаловажное дополнение к качествам разведчика, легально действующего в стане противника. Дивчина была красивая, статная. Вполне могла в интересах разведки «растопить сердце» какого-нибудь Ганса.

Что касается внедрения такого разведчика в состав русского персонала захваченного врагом Керченского морского порта, то здесь могла сыграть на руку Зое Альшевской прошлая работа отца в системе морского транспорта Керченского полуострова, где осталось немало хороших знакомых их семьи…

Конечно, если бы я вздумал в этот год, когда встретился с Владимиром Петровичем Кучеренко и узнал о его чудесном спасении, - вновь посетить Зою Федоровну Артюшкину (фамилия по мужу) и попытался расположить к откровенному разговору, - у меня

заведомо ничего не получилось бы. Такова традиция сотрудников органов разведки-добровольцев: ничего и никогда не рассказывать о своей работе. И пусть этот маленький сюжет останется в моей книге как невысказанная ранее благодарность бойцам невидимого фронта всех возрастов и времен борьбы за наш Керченский полуостров и город-крепость Керчь.

Сколько их было в те годы фашистского нашествия в Восточный Крым, - тех, кто был оставлен на связи у оперативных работников органов военной разведки и госбезопасности?! И что мы можем об этом узнать, спустя многие десятилетия!? Но мы сейчас может твердо и ясно представить себе, что каждый из числа молодежи тех лет готов был предоставить себя в распоряжение специальных органов, если бы последовало такое предложение – стать бойцом невидимого фронта.

Ведь они, те молодые, были так воспитаны в рядах пионерии, комсомола, в кружках Осоавиахима и командах «Ворошилоских стрелков».

Глава VI

Вторжение в Крым

Вспоминая о подвиге солдат и офицеров, о кровавых и тяжелых боях, о страницах военной летописи, о долгом, полном трагедий и потерь, пути к Победе, мы отдаем дань памяти павшим в боях за Керчь и Крым. Этому посвящена моя книга.

Первые боевые столкновения с частями вермахта на подступах к Крыму произошли в конце сентября 1941 года. Одна из дивизий 51-й Армии – 106 стрелковая – частью боевых сил 24 сентября приняла первый напор танков и пехоты наступающей группировки 11-й германской армии в районе Сиваша. Но в дивизии не имелось бронетехники, комплект вооружения и связи был далеко не полный, особенно в артиллерийских системах.

Первоначально дивизия имела 16 тысяч бойцов, но 6300 воинов были безоружными, не были обучены военному делу к моменту призыва. Эта и другие стрелковые дивизии вместе с соединениями переброшенной из-под Одессы Приморской армии в течение сентября-октября 1941 г. в ожесточенных боях пытались удержать рвущегося вглубь полуострова противника. Рубежи под Армянском, Перекопом и на Ишуньских позициях четырежды переходили из рук в руки. Ожесточенные бои привели к тому, что в некоторых наших дивизиях оставалось в строю не более 50 % личного состава. Например, в 156 СД была выбита половина артиллеристов. Пополнение дивизий нечем было вооружить. Дело в том, что еще в начале сентября 1941 г. из 51-й Армии под Одессу было переправлено 5 тысяч винтовок, 150 пулеметов, 100 минометов калибра 82 мм и другое вооружение. Больше его запасов в Крыму не было.

Из общего числа войск Крыма – а это более 95 тыс. – на прикрытие перешейков было выделено только 30 тысяч. Арабатскую стрелку и Чонгарский мост прикрывала всего одна 276 СД, введенная в Крым в

августе 1941 г. Ишуньские позиции обороняла 271 СД. В этой дивизии имелось всего 5 тыс. личного состава и 24 артиллерийских орудия (По штатам военного времени в стрелковой дивизии надлежало иметь 14,5 тыс., более 3 тысяч лошадей, 78 полевых орудий, 54 противотанковые пушки 45 мм калибра, 12 зенитных орудий, 66 минометов калибра 82-120 мм, 16 легких танков, 13 бронемашин, 203 автомобиля). Этой дивизии был придан единственный в Крыму танковый батальон из 172-й СД в составе 10 средних танков Т-34 и полсотни легких танков «амфибий».

Части и соединения 51-й Армии с боями отходили в направлении Керчи. Войска Приморской Армии удерживали направление на Севастополь. Отходы из-под Джанкоя и Воинки прикрывала арьергардная 106-я СД. Потери войск росли. При выходе на рубеж в самой узкой части Керченского полуострова (18 км от моря до моря) к Ак-Монайским позициям части дивизии в период 4-6 октября 1941 г. пытались обеспечить прикрытие отхода войск 51-й Армии.

Но этот рубеж оказался так и незаконченным строительством, противник обошел его на флангах, неудержимо рвался к Керчи и переправам, чтобы отрезать от них наши войска.

Определенную помощь сухопутным частям нашей армии пытался оказать Черноморский флот. Но в мелководном Керченском проливе и Азовском море могли действовать лишь маломерные корабли Азовской военной флотилии. Это были переоборудованные в канонерские лодки вспомогательные суда Черноморского пароходства. К 10-14 ноября 1941 г., к

дням решительных боев у стен Керчи, этих сил флота в районе боевых действий уже просто не оставалось.

16 ноября 1941 г. Керчью овладели части 11-й немецкой армии. Началась полуторамесячная фашистская оккупация всего Крымского полуострова и осада Севастополя. Фашистские захватчики чувствовали себя хозяевами в нашем городе. Полтора месяца они грабили его, освобождая от «лишних» (как они твердили) едоков, вылавливали и ликвидировали тех, кто, по их мнению, мог представлять опасность для «нового порядка». На улицах оккупанты расклеивали приказы комендатуры. Приказы сыпались один за другим: «Сдать излишки продовольствия». «Евреям и крымчакам явиться на регистрацию», за уклонение – «расстрел». «Им же надеть отличительные повязки с шестиконечной звездой». За уклонение – «расстрел». «С 5 часов вечера хождение по городу запрещено! За уклонение – расстрел»…

Немцы ели до отвала. Кое-что доставалось предателям-холуям. Население голодало. Магазины были закрыты. Базар опустел. Жителям запрещалось выезжать в деревню за продуктами. Фашистские газеты писали, что в течение пяти лет все русское население будет эвакуировано из Крыма. Жители уже знали, что когда фашисты расстреливали, они употребляли термин – «эвакуация».

В кинотеатрах показывали только немецкие фильмы, где афишировались и восхвалялись успехи вермахта, воспевалось богатство, роскошь, крикливо рекламировались шикарно и полуголо одетые женщины и господа – носители «счастья». В кинотеатрах и других общественных местах появились надписи:

«только для немцев». Регулярно проводились облавы, выселение из благоустроенных квартир, которые затем занимали «господа». Старики и дети таяли с каждым днем, были черны от худобы и горя. Страх поселился в городе. Пошли расстрелы, казни, умерщвление голодом и пытками.

Самое простое, с чего начали оккупанты геноцид народа Крыма – это организация голода. Даже в отчете отдела военной администрации группы армий «Юг» за сентябрь 1941 г. – прямо говорилось: «Приходиться удивляться, с каким равнодушием продолжают создаваться трудности со снабжением продовольствием…». Положение населения усложнялось неслыханно плохим качеством продуктов. Особенно фальсифицировались хлебоизделия. Спасаясь от гибели, горожане вынуждены были продавать, менять за продукты свои сколько-нибудь ценные вещи, одежду. Огромные размеры приобрела спекуляция. Ее организаторами и главными действующими лицами были оккупационные чиновники и их прислужники.

Голодные муки населения увеличивались смертоносными болезнями: брюшным и сыпным тифом, дизентерией. Резко увеличилось количество больных туберкулезом. Большое распространение получили венерические болезни. Увеличению заболеваний способствовало разорение сети медицинского обслуживания. Бесплатное медицинское обслуживание было отменено. За день пребывания в больнице взыскивалось по 20 рублей. Лекарства были предметом бессовестной спекуляции.

Оккупанты хотели морально сломить, биологически ослабить население оккупированной территории, чтобы подавить его волю и сопротивление. Картина бедствий населения будет не полной, если не указать, что небывалые размеры приобрела уголовная преступность. Варварское отношение к использованию природных богатств и производительных сил привело к глубокому упадку народного хозяйства и обнищанию людей. Оккупанты абсолютно не занимались вопросами благоустройства и коммунального хозяйства. Оно было в состоянии разрухи. Замусоренные улицы, загрязненные дома, множество нищих, беспризорные дети, тотальная система налогов (их количество достигало 25) – все это характеризовало средневековую политику оккупантов на захваченной территории Крыма.

Постоянным инструментом, использовавшимся оккупантами для упрочения «нового порядка», была активная идеологическая обработка, грубое вторжение пропагандистской машины в духовный мир граждан, попрание моральных ценностей советских людей.

Фашисты вещали: «Если мы будем обучать русских, украинцев и киргизов читать и писать, то впоследствии это обернется против нас. Образование даст более развитым из них возможность изучать историю, овладеть историческим опытом, и таким образом развивать политические идеи, которые не могут не быть губительными для наших интересов. Нельзя, чтобы они знали больше, чем знание дорожных знаков».

В разработанной инструкции говорилось, что

должна быть применена самая примитивная форма образования в виде низших ступеней школы. Учебный процесс был рассчитан на то, чтобы вытравить из сознания молодежи самое дорогое – любовь к Родине. Для этого в учебники вносились прислужниками оккупантов соответствующие изменения с изъятием всего того, что могло напоминать о советском времени. Особая роль отводилась средствам массовой информации.

В целях одурманивания населения они стремились использовать средства театрального и изобразительного искусства, литературы, кино и т. д., благоприятствовали открытию в городе развлекательных учреждений самого низкого пошиба…

…Миновала 75-я годовщина вторжения «цивилизованных варваров» на нашу землю. Мы должны еще раз поклониться праху тех павших воинов и склонить головы перед ныне живущими ветеранами боевых действий и трудового фронта времен Великой Отечественной войны, кто не позволил искоренить славянскую и другие малые и большие нации нашей страны. Пока мы помним о той войне, геноцид не грозит нынешним поколениям…

Керчь не сдается

А в те суровые осенние месяцы 1941 г. враг торжествовал победу на Крымском полуострове: вермахтом был создан плацдарм для вторжения на Таманский полуостров; военно-морские силы СССР

на Черном море удалось противнику заблокировать, правда – еще оставался непокоренным Севастополь; удалось накинуть «узду» на лидеров Болгарии, Румынии и Турции.

Но чувствовали ли гитлеровцы себя хозяевами в Крыму, в том числе в Восточном, в Керчи?

Советская власть ушла в подполье, чтобы продолжать действовать и в этой обстановке. Ведь на случай вторжения врага в Крым партийные органы автономной республики заблаговременно – 4 июля 1941 г., разработали план и провели подготовительную работу по развертыванию на полуострове партизанского и подпольного движения. Заранее были выбраны базы для закладки продуктов, белья, запаса воды, подобран руководящий состав отрядов, выбраны места для их дислокации. Были намечены группы для проведения политико-массовой работы среди населения, направленной на срыв мероприятий противника. Вся подготовительная работа возлагалась на партийный аппарат и сотрудников местных органов госбезопасности – НКВД.

Развертывание партизанской борьбы в Восточном Крыму ограничивалось особенностями степного безлесного пространства этой местности. На Керченском полуострове планировалось создать четыре партизанских отряда с дислокацией в многочисленных старых подземных каменоломнях. Предполагалось иметь в двух керченских отрядах – Аджимушкайском и Старо-Карантинском – по 40 бойцов, а в двух сельских, из районов Ленинского и Маяк-Салынского – до 150 человек в каждом.

Многое из планируемого осталось только на

бумаге. Но все же к 4 ноября 1941 г. отряды имели продовольствия на 4-6 месяцев, а воды – на 3-4 месяца. Воду продолжали завозить, когда уже на улицах гремели бои. Лучше других дело обеспечения всем необходимым для борьбы обстояло в Аджимушкайском отряде им. В.И.Ленина. В Старо-Карантинском отряде им И.В.Сталина вначале из вооружения были только ружья. Винтовки, миномет, несколько пулеметов и боеприпасы удалось добыть лишь при отходе частей РККА.

Задача керченских отрядов состояла в совершении диверсий, при этом – не обнаруживая себя и места расположения. Однако все население города и сельской местности было осведомлено о месте дислокации отрядов. Узнали о них и оккупанты. Реальная численность отрядов первоначально составляла: им. В.И.Ленина – 41 чел. (в т.ч. 5 женщин), им И.В.Сталина – 42 чел. (в т.ч. 9 женщин). При отходе частей РККА в отряды влились группы военнослужащих: до 20 в отряд им. В.И.Ленина, 51 – в отряд им И.В.Сталина. Они укрепили командное звено каждого отряда.

Уже 13 ноября партизаны отряда им. И.В.Сталина провели боевую вылазку, атаковав штаб противника в пос. Старый-Карантин. Зная о месте расположения отряда, немцы приступили к их ликвидации. Для этого они начали применять удушающие газы. Этот метод использовался до 15 декабря 1941 г. На следующий день немцы пошли в наступление на отряд им. И.В.Сталина. В бою каратели стали взрывать кровлю каменоломен, заминировали все входы и лазы. Отряд оказался заблокированным. Его личный состав был

вызволен нашими бойцами-саперами только 29 декабря 1941 г. при освобождении этого района города войсками из состава десанта Закавказского фронта.

21 ноября 1941 г. фашисты пытались захватить расположение отряда им. В.И.Ленина, но понесли потери на фугасах во входовой части каменоломен. Узнав о высадке советского десанта, командование отряда решило путем обстрела из укрытий по отступающим гитлеровцам оказать поддержку нашим подразделениям в районе пос. Аджимушкай. Нанесенный врагу ущерб исчислялся несколькими десятками убитых и раненых. Отряд потерь не имел. В феврале 1942 г. керченские партизаны были отмечены правительственными наградами.

При организации подполья руководство парторганов пошло по ошибочному пути: выбор пал на тех, кто в мирное время был активен, проявлял себя в партийной работе и на производстве, а значит – был на виду у общественности. Они должны были стать костяком подпольных групп на местах. Руководство всем керченским подпольем было возложено на И.А.Козлова с опытом работы в подполье еще в годы революции и Гражданской войны. Он был хорошо законспирирован, обеспечен нужными документами и биографией на другое имя. Его «базой» стала открытая при немцах частная слесарная мастерская. Козлов сразу отклонил большинство подобранных ранее кандидатур как обреченные на провал.

Практической работы подпольный партийный комитет не успел развернуть. 30 декабря 1941 г. Керчь была освобождена высадившимися с моря в период с

26 по 30 декабря 1941 г. советскими войсками.

Освободители – это воины четырех стрелковых дивизий 51-й Армии Закавказского фронта, моряки Азовской военной флотилии и 83-й отдельной стрелковой бригады, летчики фронтовой авиации и ВВС Черноморского фронта.

Глава VII

Керченско-Феодосийская десантная операция

Оборона Керчи, длившаяся с 4 по 14 ноября 1941 г., позволила сохранить материальную часть, некоторое количество артиллерии и другой техники, переправленной на Кавказский берег, что позднее способствовало войскам Закавказского (с 30.12.41г. – Кавказского) фронта в успешном проведении Керченско-Феодосийской десантной операции.

Напомним, что к 16 ноября 1941 г. немцы полностью овладели Керченским полуостровом. К этому времени вся территория Крыма была занята противником, за исключением небольшой площади Севастопольского оборонительного района. После оккупации Керченского полуострова для его обороны была оставлена 46-я пехотная дивизия (пд), усиленная 115-м артполком, части которой располагались, главным образом, на восточном и северо-восточном побережье полуострова. Охранялась и Феодосия.

В такой обстановке утром 26 декабря 1941 г. на Керченском полуострове и утром 29 декабря в Феодосии были высажены наши десанты. Замысел этой операции (она получила название Керченско-Феодосийская десантная операция или КФДО) состоял в том, чтобы окружить керченскую группировку противника, изолировать ее от Севастопольской и уничтожить, тем самым приступить к освобождению Крыма.

Подкрепление десанту. Керчь. Декабрь 1941 г.

Отметим, что особенностью начала этой операции должна была быть внезапная высадка советских войск на побережье Керченского полуострова в темное время суток 26 декабря 1941 г., причем без артиллерийской и авиационной подготовки. Отметим также,

что нашим ВВС уже в ходе операции отводилась главенствующая роль: удары по аэродромам противника, прикрытие сосредоточения войск, их посадки на плавсредства, перехода морем и высадки на берег, а далее – поддержка действий войск по окружению и уничтожению вражеской группировки.

И здесь сразу же надо сказать, что в эти планы и расчеты внесла существенную поправку крымская коварная погода. Например, если в течение 25 декабря – накануне дня начала операции – самолетовылетов было осуществлено 66, то в последующие дни их количество уменьшалось и уменьшалось в связи с низкой облачностью, а то и вовсе не производилось. Скованность наших ВВС в дни операции не компенсировалась огнем артиллерии 51-й Армии и ее дивизий из-за удаленности целей. Кроме того, представляет интерес – была ли вскрыта система вражеской обороны побережья в районе Керчи к моменту начала десантной операции? Смогла ли артиллерия 51-й Армии проложить дорогу штурмовым отрядам из 83-й бригады морской пехоты и 224-й СД, брошенным 26 декабря на взятие высот и рубежей по кромке берега Азовского моря, и как справились с этим артиллеристы Керченской ВМБ, получившие задачу поддержать огнем десант 302-й СД южнее Керчи?

Нельзя не повториться, что плановая артподготовка в начальном периоде десантной операции была заменена открытием огня командирами артиллерийских кораблей (канонерских лодок – КЛ) из отрядов высадки и дивизионов армейской и береговой артиллерии самостоятельно либо по сигналу с

занятого побережья, как только противник обнаружит себя стрельбой по десанту.

Что же получилось? Противник неподавленными артиллерийскими и минометными средствами сразу же стал отгонять наши корабли и катера с десантниками, топить их, вмешалась немецкая авиация (ей почему-то погода не препятствовала в вылетах). Немцы уперлись и оборонялись жестко. Нельзя забывать, что канонерские лодки (КЛ) – основная огневая сила десанта у берегов Керченского полуострова, – это вчерашние грунтовозы, шаланды, ледоколы Черноморского пароходства, оборудованные разнокалиберными пушками и зенитными пулеметами.

Об огневом воздействии на арт-минометные батареи противника, размещенные вне полей видимости в расположении обороняющихся, можно говорить только в случае высадки на берег корректировочных постов тяжелых артсредств и отработанного заранее распределения между ними крупнокалиберных систем как главных целей.

Теперь обратимся к документам, хранимым в архивах Керченского музея-заповедника, в частности, к воспоминаниям участников КФДО. Вот что мы найдем в записях бывшего командира главной корректировочной группы штаба АВФ Ткаченко А.С.

«Высадка производилась при морозе в 15-17 градусов и ветре в 7-9 баллов. Артиллеристам на кораблях и судах при переходе морем все время приходилось отогревать стволы орудий, ибо замки и откатные устройства застывали и отказывали в работе, их поливали горячей водой из котельной судовой машины… При высадке под мысом Зюк немецкая

батарея первой открыла огонь, чем обнаружила себя. По этой батарее ударила КЛ «Дон» из 130 мм орудия, ориентируясь по вспышкам. После третьего залпа батарея была подавлена. При высадке у мыса Хрони немцы артогнем уже безнаказанно разбили баржу «Таганрог» и шаланду «Танаис», повредили пароход «Ейск». Не имея зенитного прикрытия, под ударами десятка немецких бомбардировщиков, погиб с войсками на борту транспорт «Ворошилов». Главная корректировочная группа до момента высадки находилась на КЛ «Дон» и имела задачу – с выходом 4-го отряда в район мыса Хрони развернуть здесь коррпосты для точного целеуказания канонерским лодкам «Днестр» и «№4». Размещение самой корр-группы планировалось в районе мыса Зюк в ходе высадки здесь второго отряда. Из глубины побережья в районе бухты Булганакская неподавленная артиллерия противника отгоняла десантные суда, а командиры и расчеты канонерских лодок и артиллеристы кораблей и судов не знали, куда бросаться: подавлять вражескую артиллерию или, маневрируя, стрелять по воздушным целям.

Находясь в боевых порядках, командиры корр-постов сообщали о координатах обнаруженных целей по радио, ориентируясь по картам района высадки. Иногда в связь выходили открытым текстом, а не азбукой Морзе, вызывая любого корреспондента – «Кто меня слышит?».

Артиллерийским противодействием немцы отрезали от основного десанта у мыса Хрони подразделения 83-й МСБр… Сложилось мнение, что артиллерийская

и авиационная разведка главных целей – батарей и огневых точек на рубежах высадки северо-восточного десанта не была осуществлена к 26.12.1941 г. в должной мере, а подавление и уничтожение таких целей выполнялось бессистемно, вне всякого плана артобеспечения. Одной из причин такого положения могло явиться перемешивание боевых порядков наших и немецких подразделений в районах, где первоначально наметился успех десантных подразделений, а затем противник вклинился в наш боевой порядок и тем самым отрезал часть войск 51-й Армии от плавсредств АВФ. Получился «слоеный пирог», а в глубине немецких позиций метались отдельные группы по 150-200 наших моряков и пехотинцев. Удары со стороны косы Чушка могли поразить своих».

Как констатирует ветеран КФДО Ткаченко А.С. – суть проведенного десанта на северо-востоке – «сделать из ничего хоть что-то».

26 и 27 декабря 1941 г. в районе мыса Хрони были высажены: один батальон из 143 стрелкового полка (сп), батальон из 160-го сп и 224 СД вместе с батальоном 83-й ОМСБр. У десантников-моряков имелся боезапас и вооружение, но вовсе не было продпайка и воды. Они не имели саперных лопаток и окапываться не были обучены. Мокрые, в обледенелых бушлатах после морской купели, моряки действовали по принципу – только вперед.

По воспоминаниям командира взвода пешей разведки 1 батальона 83-й ОМСБр – Николая Куюмчина, бывшего разведчика этого взвода А.Орлова и бывшего пулеметчика Ивана Гребенщикова – при

высадке батальона комбат Капран отстал из-за болезни. В первые же часы прорыва, который был совершен отрядом в 350 человек на 1,5 км вглубь немецкой обороны под дер. Мама-Русская, встал вопрос о руководстве личным составом. Выбор пал на политрука батальона (ст. лейтенанта по строевому званию) И.А.Тесленко.

Разрозненные группы израненных моряков и красноармейцев действовали по своему усмотрению. Тесленко предложил пробиваться к своим войскам по направлению к Керчи. По пути десантники разгромили немецкий обоз, совершили нападение на полевой немецкий аэродром, разгромили артбатарею. Тесленко был несколько раз ранен, его несли на плащпалатке.

Только 1 января 1942 г. остатки отряда соединились с частями войск 51-й Армии, продвинувшимися западнее Керчи. Немцы откатились от города, бросив его оборонять под угрозой окружения по приказу своего командования 29 декабря 1941 г.

Герой Советского Союза Д.С.Калинин

Первыми воинами, вошедшими в Керчь уже 29.12.41 г. были 23 человека КВМБ во главе с 30-летним старшим политруком Дмитрием Семеновичем Калининым. Он тогда

стал первым военным комиссаром Керченского гарнизона. За боевые действия в десанте он был награжден вторым орденом Красной Звезды. Первый он получил за участие в боях за Одессу в августе 1941 г. 1 мая 1943 г. батальонный комиссар Д.С.Калинин погиб при освобождении города Анапа. Через год, 31.05.44 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Из всех участников КФДО в 1941- 42 г.г. звание Героя было присвоено лишь одному человеку – старшему политруку Илье Алексеевичу Тесленко.

Какая обстановка была в районе высадки нашего десанта южнее Керчи? Сильное сопротивление противник оказал возле Старого Карантина: плавсредства Керченской военно-морской базы попали под огонь береговых батарей. В первые часы операции здесь незначительный успех наши войска имели в районе Камыш-Буруна и Эльтигена. Поддержку десант получил от 140-го отдельного артдивизиона КВМБ и дивизиона из 25-го корпусного артполка 51-й Армии, работавших с Кубанского побережья.

По окончании операции к 30.12.41 г. на Керченский полуостров было переброшено судами АВФ и кораблями КВМБ личного состава – 6158 и 11225 человек, соответственно. Всем трем десантным группам противник оказал упорное сопротивление и подтянул резервы, готовясь сбросить десантников в пролив, что ему, вероятно, и удалось бы сделать, если бы не подоспел наш Феодосийский десант.

Против всех групп десанта действовали части 46-й пехотной дивизии. 29 декабря 1941 г. ударом у Феодосии части 44-й Армии генерала Первушина

совместно с моряками ЧФ пробили брешь в немецко-румынской обороне и устремились в тылы 25-тысячной группировки противника на Керченском полуострове. Это стало возможным благодаря тому, что северо-восточный десант под Керчью оттянул на себя часть сил обороняющихся, немцы были дезориентированы, распылили свои силы.

На горе Митридат. Керчь. Январь 1942 г.

Операцию под Феодосией обеспечивали крейсера и эсминцы, обладавшие мощной артиллерией, которой немцам практически нечего было противопоставить на этом направлении. Наши корабли огнем орудий калибра от 130 мм до 102 мм обеспечили продвижение десантников, выбивших немцев из города и наступавших в западном направлении.

За 29 и 30 декабря 1941 г. на рубежи у Феодосии

было доставлено морем 23 тысячи воинов 44-й Армии. Опасаясь удара советских войск по коммуникациям всей Керченской группировки, гитлеровцы 30.12.41 г. оставили Керчь и начали отступать на запад.

Наши войска до 2 января 1942 г. продвинулись вперед на 100 км. Весь Керченский полуостров был очищен от немецко-фашистских захватчиков. Они бросили технику и запасы, но живая сила была выведена, понеся только небольшие потери.

Какой ценой была достигнута эта небольшая по масштабам битвы за Крым, наша победа? Только по 1-му батальону 83-й ОМСБр, где служил И.А.Тесленко, получивший звание Героя, погибло и пропало без вести 211 краснофлотцев. К концу КФДО на полуострове погибло, утонуло, пропало без вести 32 тысячи воинов. Еще 10 тысяч выбыли из строя ранеными.

Герой Советского Союза И.А.Тесленко. 1965 г.

Благодаря этой операции был уменьшен напор на Севастополь. На этот раз была сорвана попытка немцев ворваться через Крым на Северный Кавказ.

Керченско-Феодосийская десантная операция 26-30 декабря 1941 г. по своим масштабам была самой крупной в

истории Великой Отечественной войны.

Но впереди еще предстояли самые тягостные и кровопролитные бои зимы и весны 1942 г., переросшие в трагедию Крымфронта.

Страницы минувшего

После Керченско-Феодосийской десантной операции город Керчь начал возвращаться к жизни, пошло возрождение хозяйственной деятельности. Среди основных отраслей, с которыми всегда была связана жизнь Керчи, одной из первых стала оживать рыбная промышленность: добыча, хранение, переработка, поставка населению и армии морепродукции.

Уже 30 января 1942 г. управляющий Крымгосрыбтрестом, который с довоенных времен базировался в Керчи, докладывал в Краснодар начальнику «Главазчеррыбпрома» о восстановлении девяти рыбколхозов, входивших в Керченскую и Крымскую моторно-рыболовецкие станции (МРС), о намеченном подъеме и ремонте затопленных в проливе единицах промыслового флота. Ранней весной 1942 г. в пос. Ильича на Таманском полуострове прибыл спасательный отряд из Крымской базы УВФ. На побережье от Чушкинского маяка до мыса Ахиллион было обнаружено в затопленном состоянии 18 парусно-моторных судов, 8 весельных баркасов, 34 байд, а всего 73 единицы плавсредств, укрытых от захватчиков.

К 1 мая 1942 г. в распоряжении Крымской базы УВФ

имелось уже 57 плавединиц, из них 37 было на ходу. Было собрано 417 единиц несамоходного флота. Намечено было к подъему еще 14 судов. Но этим планам не суждено было сбыться (О чем наш читатель может найти повествование чуть позже сего).

Ну, а как возрождалась гражданская жизнь города? Страшная картина опустошения и разрушения предстала перед глазами освободителей и возвратившейся через Кубань части жителей города. Многодневные бои и бомбежки оставили свой след: разрушенные кварталы, сгоревшие предприятия, разграбленные врагом культурные учреждения. А главное – обезлюдевшая городская территория. Большинство жителей в эти декабрьские дни пряталось в многочисленных подземных каменных выработках в самом городе и его окрестностях.

Немецкие оккупанты, развернув массовый террор, уничтожали выявленных коммунистов, комсомольцев, евреев, цыган, крымчаков, военнопленных. Только в противотанковом рву у пос. Багерово было расстреляно около 7 тысяч мирных жителей. В старых рудниках по городским окраинам немцы расстреливали по 1000-1500 граждан.

В выявлении лиц, подлежащих арестам оккупантами и в расстрелах участвовали или были причастны предатели своего народа, приспешники врага. Одним из таких перевертышей, оказался уже упомянутый выше бургомистр Керчи Токарев.

Когда в мае 1995 года появилась моя статья с упоминанием фамилии этого подлеца, со мной пожелала встретиться старая керчанка Гальмукова

Софья Павловна. Как выяснилось, она в годы Великой Отечественной войны пережила весь ужас оккупации, ее знают многие жители Митридатских улиц – Некрасова, Гоголя, Гладкова, там ее называли баба Зоя. Старушка разволновалась в начале нашего разговора чуть не до слез: «Ведь я это помогла арестовать того предателя – Токарева». А потом был ее рассказ, опубликованный мною в газете «Керченский рабочий» в ноябре 1995 года. Вот он.

В Керчь она приехала задолго до войны. Ее муж – судья Чуприна был призван на финскую кампанию и погиб в бою. Тридцатилетняя Софья осталась одна, родственники все проживали в Полтавской области. Ей удалось поступить на курсы массажисток при горздраве, окончить их и получить место в физлечебнице. Работа не из легких, бывало, за сеанс приходилось менять халат, мокрый от пота. Пациентам нравилась ее работа, их приходило всегда много, и это были разные люди – от предпринимателя Бамбучи («не человек, а гора!») до сотрудника горотдела НКВД по имени Василий.

Однажды с ним разговорились о соседе Софьи Павловны – Тимофее Токареве, который когда-то был владельцем дома по ул. К.Маркса, где перед войной проживала сама Соня. Хозяина «уплотнили» и его жилплощадь распределили между гражданами. Впрочем, жильцы, чтобы не портить отношения с хозяином, регулярно отдавали Токареву какую-то часть квартплаты, и он жил на эти средства. Софью Павловну вселили в комнатку в одной квартире с ним в этом доме, во флигеле.

Как-то на сеансе массажа чекист Василий дал совет Соне «держать ушки на макушке» в отношении Токарева, ибо он способен на подлость. Как только началась война, Софья Павловна убедилась в правоте чекиста.

В одну из бомбежек она спустилась в убежище, туда же зашел Токарев. Оглядевшись, он неожиданно обратился к собравшимся: «Господа! К городу приближаются наши освободители. Закончилась пора нашего угнетения большевиками. Некоторые из вас с ними боролись, я, например, вот уже 10 лет перестал работать на них. Мы должны встретить дорогих освободителей – немцев, хлебом с солью».

Поднялся гвалт, и пока люди кричали возмущенно что-то Токареву, авианалет кончился… А потом, Софья Павловна узнала, что предатель пошел в услужение к оккупантам – возглавил городскую управу. Чтобы не попадаться на глаза новому бургомистру и не навлечь на себя беду (Токарев знал, что ее муж был судьей и красноармейцем), она перебралась на жительство к знакомым – на улицу Бульварную.

Когда зимой 1941 г. стала приближаться линия фронта и немцы засобирались драпать, Софья Павловна пробралась к себе во двор, на ул. К.Маркса. Это было как раз под Новый 1942 год. Во дворе стояла легковая машина, около нее суетились Токарев и его дочь, укладывая вещи. Вот он передал дочери портфель, чтобы положила рядом на сиденье, а сам ушел в свой флигель. Тут же следом «выпорхнула» дочь, одетая в летние туфельки. Видимо, решила переобуться.

Улучив момент, Софья Павловна вытянула портфель, с которого не сводила глаз, пока пряталась в дверях черного хода, заскочила в дворовый туалет и там затаилась. Когда Токарев с дочерью уехали со двора, портфель был засунут в проем потолка туалета.

В городе уже были наши, и тут появился пешком Токарев. Как позднее она узнала, - он отъехал от города несколько десятков километров, и около деревни Мариенталь немцы отобрали автомобиль. Токарев вернулся к себе домой, после чего думал отсидеться в квартире.

Портфель Софья Павловна сразу же отдала своему молодому человеку (впоследствии ставшему ее мужем – Ивану Самойловичу Гальмукову), а он отнес его 2 января военному командованию. В портфеле оказались материалы на тех предателей, которых привлек к сотрудничеству с оккупантами бургомистр Токарев. Здесь же были списки активистов и коммунистов.

Токарева задержали, а вскоре «повязали» и его сына, который, как оказалось, сотрудничал с гестапо. Георгий (так его звали), прятался в другой квартире, об ее адресе узнала также Софья Павловна. Тогда ей было 32 года, а в день нашей с ней встречи – 86. Документальных данных, подтверждающих рассказанное ею, не осталось. В Сборниках же о событиях времени фашистской оккупации Керчи утверждается, что Токарева, якобы, задержали «пионеры». Так ли это? Мне кажется, что в рассказанном старушкой есть реальное зерно: разработка личности Токарева органами госбезопасности с довоенного

После бомбёжки. Керчь, февраль 1942 г.

периода вполне могла вестись (ведь он был известен как пособник оккупантам еще с 1918 года), а соседка по квартире Соня лучше других могла выполнять роль наблюдателя до самого последнего акта этой драмы.

Из поступавших в конце 90-х годов прошлого века в фонды научной библиотеки Керченского историко-археологического музея Сборников и Военно-исторических журналов я почерпнул обширную информацию о работе сотрудников госбезопасности в годы фашистского нашествия на Восточный Крым, в том числе о разоблачении ими вражеской агентуры.

Так, представитель Особого Отдела ЧФ в Керченской ВМБ капитан Геннадий Иванович Колбин одним из первых десантировался в Керчь в декабре 1941 г., чтобы захватить документы гестапо, благодаря этому он создал условия для ареста в январе 1942 г. нескольких пособников врага.

Капитан Анатолий Анатольевич Ростовцев, закрепленный за подразделением из КВМБ, в январе 1942 г. выявил и обезвредил несколько шпионов, участвовал в захвате и разоблачении немецких ставленников и изменников Родины.

В декабре 1944 года оперработник военной

контрразведки ЧФ Владимир Сагач участвовал в захвате агентуры немецкой военно-морской разведки на Керченском полуострове.

Спрашивается, могли ли проводиться такие операции без помощи, без информации добровольных помощников и патриотов на местах? Конечно, нет. Может быть частичка этого успеха должна быть отнесена и к рискованной «краже» портфеля как завершающей стадии разоблачения подлеца Токарева с участием «бабы Зои»?!

…В январе 1942 г. наши части очистили от немецко-фашистских оккупантов весь восточный Крым, вплоть до Феодосии. Советская власть вернулась в Керчь, в Ленинский и Маяк-Салынский районы. Для очистки нашей территории от «наследия» противника – его агентуры, замаскировавшихся или ушедших в подполье пособников, других отщепенцев, - для обеспечения безопасности тылов войск наших трех общевойсковых армий – 51, 47 и 44-й, чекистскими органами были сформированы специальные команды контрразведчиков.

Одним из участников такой команды был коренной керчанин Иван Александрович Поляков. Когда мы с ним встретились в начале 2002 года, ему было 89 лет. Он вспоминал: «До начала войны, в 1935-38 г.г. я проходил срочную службу в отдельном разведывательном батальоне в Киевском военном округе. После службы работал в комсомоле, в партийных органах Керчи. В июле 1940 г. меня направили на работу в органы НКВД. Был уполномоченным отделения контрразведки в Керченском горотделе НКВД. Я имел звание «сержант

И.А.Поляков. 30-40 годы.

госбезопасности», которое соответствовало общевойсковому званию «лейтенант». На малиновых петлицах гимнастерки у меня были два кубика вишневого цвета, а на левом рукаве, выше локтя, была нашита матерчатая эмблема – щит и меч. Но повседневно я носил гражданскую одежду. Форму надел, когда началась война и мне нужно было действовать среди военных в боевой обстановке.

С января по май 1942 г. мне пришлось работать в оперативно-чекистской группе НКВД на территории Керчи и Маяк-Салынского района. Нами командовали руководители Народного Комиссариата внутренних дел (НКВД) Крыма Некрасов и Модин. Группа Некрасова действовала в Маяк-Салынском районе (ныне это восточная часть Ленинского района, прилегающая к Керчи; прим. Л.В.), располагалась в пос. Булганак, а группа Модина имела штаб в пос. Семь-Колодезей.

В начале 1942 г. линия фронта проходила на территории Маяк-Салынского района, отодвинувшись от Феодосии (20 января 1942 г. наши войска под ударами немецкой группировки под Феодосией вынуждены

были отступать на Ак-Манайские позиции, ближе к Керчи, прим. Л.В.). Здесь было скопление наших войск в окружении гражданского населения, среди которого, наверняка, находилось немало ненадежных людей. От населения мы получали информацию и проверяли ее. Так, в поле моего зрения попал некий Гун, который оказался референтом в немецком карательном органе. Его хорошо знал авторитет в службе СД (немецкая контрразведка) – Фельдман. Надо сказать, что в период полуторамесячной оккупации1941 г. в Керчи и ее окрестностях немцы развернули активную деятельность СД, военно-морской разведки, городской полиции, полевой жандармерии, криминальной полиции, зондеркоманд.

Базируясь в Булганаке, наша группа располагалась на месте здешней исправительно-трудовой колонии. Мы посылали людей из числа надежного актива среди местных жителей на участки, по которым проходила линия соприкосновения с противником. Наши части отходили от Ак-Монайских позиций, организации войск уже не было в такой обстановке, связь в частях была потеряна, командование Крымского фронта не имело информации о положении дел на разных рубежах, не знало, где наши части, куда они перемещаются, где немцы. Все это наши помощники выясняли, приходили в Булганак с докладами. Чаще члены группы сами искали встречи с ними. Мы передавали информацию через руководство НКВД Крыма для военного командования. У нас была довольно потрепанная автомашина, на ней мы перемещались по району в полосе 44, 51 и 47-й Армий. Разведку

проводили по маршруту – ж.д. станция и пос. Багерово – Салынь – Ташлыяр – Чистополье – Мариенталь – Ново-Николаевка – Аджибай – Чегини. Когда в мае 1942 г. советские части оставили вновь Керченский полуостров, наша группа на плоту переправилась на косу Чушка, а оттуда – в Темрюк».

Воспроизводя этот рассказ чекиста Полякова И.А., мне пришлось здесь немного забежать вперед в хронологии событий на разворачивающемся в январе 1942 г. Крымском фронте (переименованного вместо Кавказского). А пока остановимся на истории превращения Керчи на целых четыре с половиной месяца в прифронтовой город. Части 51 и 44-й Армий оторвались от тылов, находившихся на Таманском побережье, за проливом, в 70-80 километрах. Соединения Красной Армии почти не имели артиллерии, а в 44-й Армии, высадившейся через Феодосию, ее имели недостаточно. Доставка техники и боеприпасов возможна была только через порты Камыш-Бурун и Феодосия. Немцы нещадно бомбили эти пункты. Первое время доставка через пролив на северо-восточное побережье и в Керчь кое-как удавалась. Но потом пролив замерз, пытавшиеся пробиться суда с артиллерией застряли во льду посередине пролива. К 4 января воды Керченского пролива сковало льдом.

Крымская «дорога жизни»

Не ожидая решения командующего фронтом, инженерная служба 51-й Армии приступила к подго-

товке войск и технических средств к переправе через Керченский пролив по льду. По карте были проложены направления маршрутов и по ним стала непрерывно продвигаться техническая разведка состояния ледяного покрова. Надо сказать, что морской лед, в большинстве своем, ноздреватый, с небольшой прослойкой монолита, с наличием большого числа трещин. В общем, не очень надежное покрывало.

К тому же, из-за течений, в основном – непредсказуемым по направлениям, имелось на маршрутах множество разводов, местами по 2-3 метра. То и дело обнаруживались «майны» (промоины, заполенные «шугой» - ледяным крошевом). Военные разведчики по маршрутам вынуждены были двигаться гуськом, обвязавшись страховочными веревками, все время пешней проверяя толщину льда. При этом перед собой толками доски для перекрытия вдруг обнаруженной трещины.

Начальник инженерной службы КВМБ подполковник Смирнов И.А. произвел личную разведку обстановки в проливе, разыскал опытных таманских казаков-рыбаков, узнал у них где и когда в проливе лед бывает крепче. От них инженеры узнали, что «на структуру льда и его прочность влияет течение, которое зависит от направления ветра: «верховка» - черноморская вода теплая, а «низовка» - азовская вода холодная. В первом случае лед становится игольчатый и размокает, а во втором – уплотняется, делается более прочным» (*На самом деле все зависит от степени солености воды, примеч. Л.В.*).

Подполковник Смирнов И.А. наметил ледовую переправу прямо из ст. Тамань, оставляя справа от себя

косу Чушку с выходом к селу Опасное на Крымском берегу (*это более 10 км. примеч. Л.В.*). Он вспоминал: «На рассвете 31 декабря 1941 г., прихватив одного из таманских рыбаков, я еще раз проверил намеченную трассу, с группой саперов обозначил ее насечкой лопатами. Для этого мне придали саперный батальон. Утром 1 января, взяв с собой взвод саперов, я возглавил первую партию частей отдельной стрелковой бригады и вместе с ее командиром перешли пролив у с. Опасное. Переправлен был личный состав и легкий обоз… 2 января саперы по ледовой трассе пропустили все обозы и легкую артиллерию».

По всей трассе были расставлены саперы из армейского батальона, рассредоточено имущество (доски, связки камыша). 3 января по трассе начали переправляться грузовики и артиллерия до 76 мм калибра включительно.

В это время (4-5 января) на берегу войска из соединений 51-й Армии вели заготовку подручных средств: досок, плетней, веревок, а также накапливали изготовленные на месте «ледоступы» (дощечки 2,5 см толщины, полуметровые, шириной 15 см, со скобой для крепления к ноге) и лыжи. Для перетаскивания пулеметов изготавливались «салазки» из лыж с учетом конструкции «Максима». Для переправки артиллерии были поделаны сани. За несколько дней января их было изготовлено полсотни, а лыж и салазок – 1,5 тысячи.

Круглые сутки на трассах кипела напряженная работа. Неокрепший лед заставлял саперов по нескольку раз в сутки менять маршруты. В отдельных

местах производилось усиление льда вмораживанием ночами досок, обливаемых водой. Люди и лошади двигались с соблюдением дистанции в 5-7 метров, орудия и повозки – и того больше. Саперы действовали самоотверженно. Так, 132-й отдельный инженерный батальон в составе трех рот обеспечил за 5 дней (с 5 по 9 января 1942 г.) переправу 12-й стрелковой бригады и 396-й СД с косы Чушка на Глейки и Жуковку. Толщина льда и его состояние в период с 10 по 20 января не позволяла проводить переправу тяжелой артиллерии и танковых частей. С похолоданием к 20 января толщина льда возросла до 20 см и более, весь пролив промерз.

К выбору движения при изменении маршрутов привлекались местные рыбаки из пос. Жуковка, других крымских поселков. Разведчики маршрутов обеспечивались телефонной связью, они через каждые два километра докладывали о толщине льда, его состоянии. В восьми группах разведки переправы, по 10-12 воинов в каждой, - было по 1-2 проводника-рыбака. На обоих берегах была организована комендантская служба переправы. С кордона Ильича начинался маршрут №1, он выходил – в 8-10 км восточнее Булганака. Остальные семь маршрутов с косы Чушка выходили к самому пос. Жуковка и севернее.

Массовое движение выполнялось только в темное время суток для маскировки от немецкой авиации. Как ни странно, но несколько недель января и февраля 1942 г. переправа проходила в спокойной обстановке: немцы даже не догадывались о ее существовании, авиация ни разу не бомбила ее участки. Дневные

бомбежки по 2-3 самолета в расчет не брались: пара бомб не могла причинить ей вреда, хотя самолет-разведчик шарил в небе неоднократно.

Переправа с Тамани на Опасное работала до 6 января. Она с 4.01.42 г. стала местами портиться, сыграл роль теплый ветер с Черного моря. Лед в районе косы Чушка в это время окреп. Переправа войск КВМБ была переориентирована на этот участок. С 14-го по 18.01.42 г. температура упала до минус 8-10 градусов. После 19 января через косу Чушка прошли остатки 12-й стрелковой бригады, 224 и 302 СД, 172-я кавдивизия, войска 47-й Армии. Движение на правом фланге занимало 5 часов, в центре и на левом фланге – 3 часа. Комендантская служба регулировала выход колонн. Разрыв между ними составлял 2-2,5 часа, к 5-00 часам выпуск прекращался. При тумане или снегопаде выход колонн возобновлялся и днем. К 28 января состояние трасс ухудшилось, а 11.02 прекращено было движение колонн.

Переправлено было: стрелковых дивизий – 4, горно-стрелковых – 3, стрелковых бригад – 3, отдельных частей – 15, автобатов – 3. А всего: личного состава – 100 тысяч, лошадей – 25903, автомашин – 6513, орудий до 122 мм (крупнее доставлены в Крым морскими судами и кораблями ВМФ) – 296, тракторов – 46, танкеток - 10, повозок – 8222, кухонь – 103.

Проводниками были колхозники из рыбколхоза им. 1 Мая (Керченский полуостров) – Данильченко Андрей Спиридонович, Федосеев Матвей, Еремеев (др. данных нет), Хрони Алексей Петрович, Дубровин Павел Иванович, Таранец Николай Иосифович, Клочко Павел Константинович, Бобошко и Корецкий

(др. данных нет).

Были ли отмечены командованием эти патриоты и труженики моря за свою работу во имя скорейшего освобождения Крыма – точной информации у меня нет. Но, несомненно, что они заслуживают особого почтения и доброй людской памяти…

Ледовую переправу, пока она действовала до 18 февраля 1942 г. обслуживал 75-й инженерный батальон. Много забот создавало движение автотранспорта; несоблюдение дистанции приводило к нарушению нагрузки на лед, и он проваливался: хотя и не сразу, машина уходила под лед, при открытых дверцах (таков был приказ) люди успевали выскочить и за 10-15 минут снять груз через заранее откинутый борт. За весь период ледовой переправы утонул один человек. По сравнению с морскими перевозками это были почти неощутимые потери. Более того, утонувшая техника была извлечена из пролива водолазами 75-го ОИБ и возвращена в строй.

В истории Великой Отечественной войны не было примера подобной ледовой переправы боевых эшелонов армии. Ладожская «дорога жизни» действовала в условиях севера и обеспечивала переправу только снабженческих грузов, но не боевой техники. Некоторое забвение этого поучительного боевого эпизода времен ВОВ произошло, вероятно, потому, что конечный результат Керченской операции 1942 г. не достиг цели и закончился трагедией.

Глава VIII

Трагедия Крымфронта

Дальнейшие боевые действия наших войск на Керченском полуострове можно представить как бы разделенными на три этапа: противодействие частей Крымфронта фашистскому наступлению и попытки провести свои три наступательные операции в феврале-апреле 1942 г.; оборонительные бои в мае 1942 г., закончившиеся прорывом противником наших позиций на рубеже Ак-Моная; арьергардные бои на подходе к Керчи, в самом городе с целью задержать войска фашистов и дать возможность основным силам фронта переправиться через пролив.

2-8 января 1942 г. Кавказский фронт был переформирован и ликвидирован. Войска 51-й и 44-й Армий, подготовленные к наступлению, в середине января 1942 г. подверглись упреждающему удару 30-го немецкого армейского корпуса 11 армии генерал-полковника Манштейна. Возникла угроза окружения 44-й Армии. Наши части вынуждены были оставить Феодосию и отойти на рубеж Ак-Монайских позиций (60 км западнее Керчи). В состав нового Крымского фронта была переброшена с Кубани 47-я Армия.

Для координации действий трех армий на полуостров прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования комиссар 1-го ранга Л.З.Мехлис. Он подмял под себя командующего фронтом, внес сумятицу в войска перетасовкой кадров, расстрелами, непродуманными распоряжениями, он требовал

в условиях непогоды, весенней распутицы непрерывных наступательных действий. В февральские, мартовские и апрельские недели все попытки наших войск продвигаться вперед терпели неудачи, техника и люди тонули в грязи бездорожья, и это – при отсутствии управления частями пехоты и танков.

Немецкая авиация господствовала в воздухе, ибо наши фронтовые авиаполки базировались в 150-200 км восточнее на Кубанских аэродромах, истребительно-штурмовые эскадрильи имели минимальное подлетное время для действий над полем боя.

И, тем не менее, наземные войска в эти месяцы, хотя и не продвинулись вперед – нанесли противнику ощутимый урон: уничтожили 200 танков, 460 орудий, 180 минометов, была разгромлена 22-я танковая дивизия вермахта и 18-я пехотная румынская дивизия. Это была ощутимая помощь Севастополю. Но наши войска оказались обескровленными, морально и физически уставшими. Оборонительные рубежи в условиях непогоды созданы не были, а главное – командующие армиями были нацелены только на наступление. Этим воспользовался противник.

8 мая 1942 г. при чуть установившейся погоде и просохшей местности, упредив наше наступление на одни сутки, немцы нанесли удар по нашему левому флангу, опрокинули оборонявшихся, а затем развили наступление по всему 20-ти километровому фронту. Уже 14 мая ожесточенные бои с танками и пехотой противника развернулись в предместье Керчи. Началась эвакуация некоторой части войск Крымского фронта, который еще в феврале 1942 г., имел до 260

тысяч личного состава. Войскам были предоставлены малогабаритные плавсредства Керченской ВМБ и Крымской ВФ. Выделить крупные корабли ЧФ его командующий вице-адмирал Ф.С.Октябрьский не рискнул. В результате через порты и причалы Керченской крепости Ак-Бурун, с завода им. Войкова, торгового порта, рыбколхозов было эвакуировано 120 тысяч, в т.ч. более 42 тысяч раненых.

В ночь на 20 мая 1942 г. последние арьергардные подразделения покинули Крымское побережье.

«Злой гений» Крымфронта

Эти многотрудные бои, закончившиеся поражением наших сухопутных войск, до сего времени продолжают приковывать внимание военных историков и публицистов.

В архивах Керченского историко-археологического музея-заповедника хранится интереснейший документ. Это - схема «Обстановки Крымфронта на 8.05.42 г.». Прежде всего привлекает внимание дата составления этой «Схемы» - 28 мая 1942 г. Известно, что 20 мая 1942 г. наши части оставили Керченский полуостров и укрепились на Таманском побережье. И вот теперь, спустя неделю, для чего-то потребовалось составить схему дислокации войск уже не существующего фронта.

Именно 8 мая 1942 г. началось немецкое наступление, завершившееся разгромом на Ак-Монайском перешейке семнадцати наших дивизий и трех стрелковых бригад.

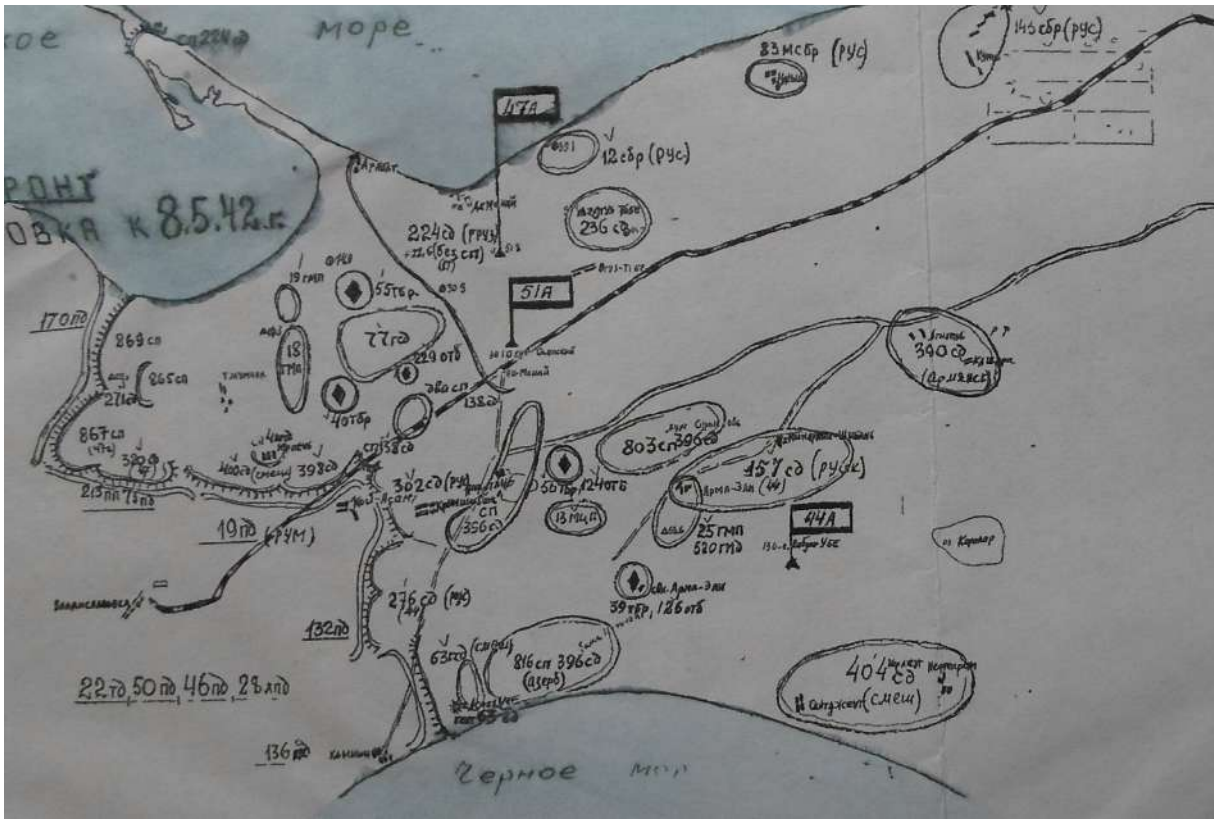


Схема расположения “национальных” дивизий 8 мая 1942 г.

И второе, что заставляет задуматься над «Схемой», это наличие непривычных пометок при обозначении номеров отдельных из дивизий: «армянская», «азербайджанская», «грузинская», «русская», «смешанная». Такой акцент на национальный состав соединений заставляет по-новому взглянуть на развитие событий вплоть до 8 мая 1942 г., когда немцам удалось смять на левом фланге части 369-й СД, обозначенной на нашей схеме как «азербайджанская», а затем - 63-й горно-стрелковой дивизии (ГСД), показанной как «смешанная», - после чего противник развил свой успех.

Нельзя отделаться от мысли, что в те майские дни кому-то очень хотелось в поражении Крымфронта увидеть так называемый «национальный фактор». Обратимся к архивным материалам. Молва

о ненадежности определенной части воинов-закавказцев действительно бытовала в те годы и была перенесена в наши дни. Смеем утверждать, что это расхожее мнение было посеяно ни кем иным, как самими ответственными за катастрофу Крымфронта начальниками и политработниками, причем уровня представителя Ставки Верховного Главного Командования, а им тогда являлся Л.З.Мехлис.

С момента прибытия на южный участок советско-германского фронта в конце января 1942 г. он сразу же проявил недоверие к боеспособности национальных частей и направил все усилия к получению пополнения для Крымфронта только из числа украинцев и русских.

Да, в феврале 1942 г. из-под Армавира и Лабинской были сюда переброшены три стрелковые дивизии (271, 276 и 320), укомплектованные воинами некавказских национальностей, а всего около 15 тысяч человек. Но точные цифры из фондов Центрального архива МО РФ (г. Подольск), почерпнутые мною как исследователем, говорят о том, что на 20.02.42 г. в 12-ти СД и ГСД Крымфронта (не считая трех стрелковых бригад, кавдивизии, танковых соединений и частей армейской артиллерии) из 151 тысячи воинов «кавказцы» составляли 45,5 тыс., а выходцы из республик Северного Кавказа – еще 31,5 тыс. То есть, так смущавшие Мехлиса «националы» составляли половину личного состава стрелковых войск, и заменить их славянами (подчеркиваю) Мехлис мог пытаться только из «теоретических» посылок или же из желания застраховать себя на случай неудачных

боевых действий вверенных ему и командующему Крымфронтом войск.

Бои в феврале, марте и апреле 1942 г. повлекли большие жертвы среди личного состава всех дивизий трех армий, особенно 44-й, обеспечивающей левый фланг фронта. В ней к весне 1942 г., в наличествовавших в феврале того же года пяти дивизиях – закавказцы составляли всего пятую часть. Стоявшая в первой линии 63-я ГСД в январских и февральских боях понесла значительные потери в людях и технике. К 15.04.42 г. соединение имело лишь 67% личного состава, 70% винтовок, 40% автоматического оружия, половину противотанковых орудий, 55% полевой артиллерии.

В конце апреля 1942 г. 63-я ГСД также подверглась проверке комиссией политуправления фронта. В выводах констатировалось, что «части дивизии способны выполнить задачу» и она «крепкое боевое соединение».

И это несмотря на то, что командующий 44-й Армией ранее ставил вопрос об отводе этой дивизии в резерв для ее доукомплектования и приведение в боевой порядок с учетом произошедшей, одновременно, смены комдива, всех комполков и штабных офицеров в полках и соединениях, снятых Мехлисом незадолго до этого. Мнение командарма не было принято во внимание. Случайно ли это?

В составе трех армий, по-существу, было шесть «национальных» формирований: 390-я армянская, 77-я азербайджанская ГСД, 396 грузинская (в дальнейшем называвшаяся азербайджанской) СД, 224-я

грузинская СД, 63-я грузинская ГСД, 138-я СД. Последняя была укомплектована значительным количеством воинов армянской национальности.

По инициативе Мехлиса в эти и другие четыре дивизии (302, 398, 400, 404 СД) направлялись национальные офицерские кадры из Военных училищ Северного Кавказа (их имелось 9), Закавказья (не менее 6) и курсов политсостава. Полки дивизий были переформированы по национальному признаку: из трех стрелковых батальонов каждого полка – один батальон стал грузинским, другие два – азербайджанским и армянским. При этом командирами батальонов и рот оставались офицеры славянских национальностей, комиссарами и политруками – выходцы из Закавказских республик.

Возникает мысль, что перегнав из национальных подразделений значительную по составу прослойку воинов славянской национальности и других – из Европейской части СССР, - Мехлис ослабил эти соединения и части. Объяснение этому простое: боец, понимающий команды и быстро улавливающий приемы ведения боевых действий, без сомнения мог служить примером для подражания у солдата, не понимающего русского языка, и вести его за собой, побуждая к стойкости и решительности.

Начатые Л.З. Мехлисом переформирования и перетасовки личного состава дивизий Крымфронта не были доведены им до конца, оказавшись формальными мероприятиями и самоцелью. Моральное состояние командного состава всех степеней было подавлено из-за его неразумных решений в организации

наступательных операций в разгар непогоды У личного состава наступательный дух был сломлен из-за бездушного отношения руководящего звена к своим подчиненным, показательных расстрелов и из-за огромного числа неоправданных потерь.

При здравом рассуждении фактор, связанный с многонациональным составом войск Крымфронта, якобы усугубивший трагический исход боев весной 1942 г. под Керчью, - это не более чем миф. А рожденная сразу же после отхода штаба фронта на кавказское побережье упомянутая «Схема» должна была сыграть роль некой наглядной подсказки во внедрении этого мифа.

Есть версия, что когда Мехлис лично доложил И.В. Сталину о катастрофе под Керчью в мае 1942 года, тот произнес: «Будьте вы прокляты». Однако, после провала в Крыму Мехлис последовательно пробыл на войне Членом Военного Совета ряда фронтов, потом был Министром Госконтроля СССР, имел десятки орденов и дюжину медалей. Позор разгрома руководимых им войск Крымфронта скатился с него, «как с гуся вода».

64-летний генерал-полковник Л.З.Мехлис умер в феврале 1953 г. и похоронен был у кремлевской стены. Сколько же десятков тысяч напрасно загубленных в феврале-мае 1942 г. жизней воинов Крымфронта следует занести в счет его деяний?

20 мая можно считать последним днем обороны Керчи весной 1942 г. На Кавказское побережье удалось переправить немногим более 120 тысяч войск. В итоге Керченской оборонительной операции, в которой

с самого начала могло участвовать около 250 тысяч личного состава, безвозвратные потери составили 63% от первоначального числа воинов. Среднесуточные же потери, тогда, с 8 по 19 мая исчислялись в 14 тысяч 714 человек (каждый день - по полнокровной дивизии!). Крымфронт за 111 суток потерял 195 тысяч.

Снова отступление

Так сложилось, что в многотрудных боях осени 1941 г. – по защите города-крепости Керчь, в последующем после этого декабрьском десанте под Новый 1942 год по освобождению этого города и, наконец, во вторичной сдаче его под ударами превосходящего в моральном плане противника, в майские дни 1942 г. участвовали войска одной и той же 51-й Армии, сформированной в свое время – в августе 1941 г. – в спешном порядке именно из жителей Крыма, в том числе из керчан и селян Керченского полуострова. И вот опять, во второй раз, они должны были, вынуждены, - уходя от полного разгрома на Кавказское побережье пролива, ради сбережения хотя бы какой-то половины войска, - отдавать врагу многострадальную Керчь.

А ведь воевали бойцы и командиры 51-й Армии в том, 1942 году, грамотно, самоотверженно, имея прочные знания и боевой опыт. И командовал ими – не второпях, не случайно назначенный военачальник, - генерал-лейтенант Львов В.Н.

В начале января 1942 г., когда части армии

вышли на рубеж Киет – Ново-Покровка, и керченская группировка немецко-фашистских войск прекратила свое существование, - забрезжила надежда рвануть на деблокирование Севастополя. Но немцы вдруг потеснили части 44-й Армии, действовавшей левее, на фланге наших войск, и дивизии 51-й Армии отошли на более выгодные позиции у Ак-Моная, и здесь закрепились. Штаб армии первоначально размещался в Керчи, в здании, где ныне находится школа-гимназия им. Короленко. В горе Митридат был устроен КП армии, для этого было использовано помещение бомбоубежища, в довоенное время сооруженное на склоне Митридата, вблизи каменной лестницы, ведущей наверх от небольшого переулка (ныне он носит имя «51-й Армии»). С этим КП и с его судьбой связанный, есть у меня отдельный материал (смотри его далее).

В.Н.Львов. 1942 г.

Когда командарм Львов 2 января 1942 г. на катере прибыл в город, только что освобожденный десантниками из 51-й Армии и КВМБ, - у причала Генуэзского мола собрались жители Керчи, которые буквально на руках внесли Владимира

Николаевича на берег и благодарили генерал-лейтенанта за освобождение. Ему тогда было 44 года. Он был потомственный военный. После окончания в 1916 г. Александровского юнкерского училища в Москве в звании поручика (ст. лейтенант по-нынешнему) Владимир Львов участвовал в 1-й мировой войне. После Октябрьской революции вступил в РККА. В гражданскую войну был комбригом, за бои на Северном Кавказе и на Юго-Западном фронте заслужил первую награду – орден Красного Знамени. С 1921 по 1924 г.г. учился в военной Академии.

В 1930 г. – командир и одновременно комиссар 3-й Кавказской Краснознаменной дивизии. В 1937 г. после службы начальником штаба Закавказского военного округа Львов становится старшим преподавателем тактики в Академии им. М.В.Фрунзе. Перед самой войной – он заместитель командующего Зак ВО.

21.12.41 г. генерал Львов принял должность командующего 51-й Армией. К этому времени именно им была завершена разработка Керченско-Феодосийской десантной операции, которая явилась плодом его мысли и опыта. Захват Керчи с юга при отвлекающем ударе на востоке и северо-востоке Керченского полуострова – результат полководческого мышления, твердости и решительности генерала Львова как творца. Мысленно вернемся к событиям, последовавшим вслед за этим достижением.

В начале января 1942 г. штаб армии из города переместился в деревню Киет (восточнее Феодосии). Отсутствие артиллерии и боеприпасов, которые стало невозможно доставлять на Керченский полуостров

морским путем из-за ледовой обстановки, не позволило войскам армии развивать наступление. Такое положение длилось до создания ледовой дороги через Керченский пролив. Поставка через Феодосийский порт жестко пресекалась немецкой авиацией.

С 28 января Кавказский фронт был преобразован в Крымский. В феврале 51-я Армия продвинулась вперед, заняв три крупных населенных пункта. Бои были настолько напряженными, что эти деревни несколько раз переходили из рук в руки. В марте немцы бросили в наступление 22-ю танковую дивизию, прибывшую из Франции. Под дер. Корпеч наши уничтожили до 30 танков противника.

Нашествие. Керченский полуостров, май 1942 г.

В первых числах мая немецкое командование перебросило с других участков советско-германского фронта до 400 самолетов-бомбардировщиков. Уже

во второй половине апреля 1942 г., стало известно, что немцы готовят решительное наступление. 8 мая они подвергли наши позиции по всему фронту массированной штурмовке и артиллерийским ударом, а на левом фланге - танковой атаке с одновременным рейдом морского десанта в составе батальона в тыл двум дивизиям 44-й Армии. Это оказалось достаточным, чтобы потеснить наши войска.

После майского удара противника по левому флангу наших войск, дивизии 51-й Армии прикрывали отход частей соседних армий. Командарм Львов просил у командующего фронта выделить ему резерв, чтобы нанести массированный удар во фланг немцам у дер. Крым-Шибань. Однако приказ командующего Крымфронтом генерал-лейтенанта Козлова был неожиданным: исключить из подчинения 51-й Армии 390, 400 СД, 12-ю стрелковую бригаду, 83-ю ОМСБр, 55-ю и 40-ю танковые бригады, 229-й отдельный танковый батальон и 18-й гв. минометный полк («Катюши»). А включена была в состав армии 236-я СД. Сковывание инициативы Львова объясняется вмешательством Мехлиса, который навязал свои решения.

Тяжелые бои развернулись в эти дни у дер. Огуз-Тобе. 11 мая 1942 г. при руководстве боевыми действиями генерал-лейтенант Львов В.Н. был убит разрывом бомбы на его КП в районе горы Кончи (4 км севернее дер. Киет).

Только через 9 месяцев, 8.02.43 г. Указом ПВС СССР он был посмертно награжден орденом Ленина. За успешное проведение Керченско-Феодосийской десантной операции в январе 1942 г. генералу Львову

был вручен орден Красного Знамени.

В 1948 г. населенный пункт в Ленинском районе – Джантора был переименован в честь генерала Львова. В Керчи его именем названа улица в квартале на стеклотарном заводе.

Керченский полуостров.

Более 4-х месяцев наши войска в 1942 г. удерживали Керченский полуостров. В эти месяцы немцы систематически бомбили город и керченские переправы, порты, причалы и гавани. Перед личным составом Керченской ВМБ была поставлена задача: принять на себя основной удар вражеских сил со стороны села Александровки, приостановить их движение и дать возможность провести эвакуацию советских войск на Таманский полуостров. Основные части и службы

КВМБ располагались в Старой Крепости на мысе Ак-Бурну (по другим источникам Ак-Бурун). Мобилизация плавсредств осуществлялась в большой спешке, впопыхах, неорганизованно. Для удержания рубежа под Керчью на линии город – Булганак – мыс Тархан были выделены заградительные отряды из моряков и красноармейцев КВМБ. Танковая лавина немцев хлынула со стороны Камыш-Буруна. Немцы ударом с юга планировали отрезать наши части от переправ Еникале – Опасная – Жуковка.

Враг наступает. Керчь, май 1942 г.

Последним днем обороны города стало 19 мая 1942 г. В этот день с мыса Еникале эвакуировался штаб и Военный Совет 51-й Армии. Последним с Керченского полуострова организованно уходил гарнизон крепости Ак-Бурну. Было это 20 мая 1942 г. Мне довелось записать воспоминания и свидетельства тех, кто в

эти трагические дни 1942 г. пытался участвовать в удержании рубежей под Керчью и кто пережил трагедию сдачи города во второй раз. Вот одно из них.

Александр Федорович Вальчук был тогда лейтенантом – командиром взвода в составе 12-й отдельной стрелковой бригады, подчиненной 51-й Армии. Он свидетельствует: «Не закрепившись на Турецком валу, под натиском немецких войск к 14 мая 1942 г. перемешавшиеся с другими частями остатки подразделений бригады вышли к пос. Камыш-Бурун. Здесь инициативные командиры пытались организовать оборону, собирая вокруг себя группы бойцов. 15 мая и этот хрупкий заслон рухнул. Красноармейцы пробирались вдоль берега пролива в направлении центра города. В эти критические часы безволия и слабодушия пытались вдохнуть жизнь в оборону города воины 72-й кавалерийской дивизии. Мне навсегда врезалась в память картина, как красные казаки генерала Книги *(командир 72-й кавдивизии, примеч. Л.В.)* с шашками наголо пытались остановить бегущих пехотинцев, вынуждая их вернуться на прежние позиции.

А.Ф.Вальчук. 2002 г.

Немцы обошли город и оказались за спиной у

оборонявшихся боевых групп, которые в разных местах старого города, около табачной фабрики, консервного завода, Сенного базара, занимали верхние этажи и чердаки зданий. По приказу оставшегося неизвестным общевойскового подполковника я с карабином в руках занял оборону в чердачном окне школы №3. Оттуда вел огонь по перебегавшим фашистам. Со мной было 5-6 солдат из моего взвода.

В полдень 16 мая автоматная стрельба из немецкого оружия, доносившаяся со стороны завода им. Войкова, возвестила о том, что противник вышел в тыл оборонявшихся в городе. Вместе с группой бойцов, возглавляемой капитаном-пехотинцем, мы из района консервного завода стали пробиваться к переправам. Вначале использовали две «полуторки», куда погрузили раненых. Однако доехать удалось лишь до ул. Аджимушкайской (ныне ул. Гагарина). Здесь немецкие стрелки, засевшие на крышах построек, с разных сторон обстреляли нашу группу, автомашины оказались разбитыми, многие погибли. Мне досталось пять пуль в обе ноги и руку, одна пуля застряла в левом подреберье. Но двигаться я был в состоянии. В районе нынешней улицы Пошивальникова оставшиеся со мной четверо бойцов, тоже раненые, встретили двух моряков, назвавшихся разведчиками. С ними была автомашина, благодаря чему группа вдоль берега моря смогла добраться до пос. Еникале».

Как вспоминает Вальчук, здесь на открытом пространстве скопились тысячи людей – раненых, здоровых, гражданских и военных, пытавшихся попасть на переправочные средства, изредка причаливающие к

берегу. Несколько медсестер, как могли, перевязывали раны. Периодически на «пятачке» рвались мины, снаряды. Вальчук не чаял живым попасть на ту сторону: от кровотечения он двигаться не мог, а на катера и баржи надо было пробиваться силой.

Но ему повезло. На следующий день, 17 мая, в массе лежащих раненых его опознал сослуживец по 12-й стрелковой бригаде, комроты, который дал команду своим бойцам перенести Вальчука на несамоходную баржу, стоявшую на якоре в сотне метрах от берега. Она уже была заполнена ранеными, но катера не брали её на буксир. Любое плавсредство бралось штурмом. В их баржу вплавь с ручным пулеметом перебрался сержант-артиллерист с несколькими солдатами. Его присутствие с оружием предотвратило расправу над ранеными, заполнявшими палубу и трюм: группа каких-то возбужденных военнослужащих, человек 50, требовала очистить баржу от «обреченных умирать» и «полумертвецов», чтобы посадить здоровых и боеспособных, и уже вплавь вознамерились захватить переправочное средство. Но сержант дал очередь над их головами, чем пресек эту попытку. По его приказу все, кто мог двигаться, вооружились кусками досок от настила, переборок и пр., и после подъема якоря, стали грести, чтобы отогнать баржу на безопасное расстояние в ожидании буксиров.

К утру 18 мая Вальчук очнулся, когда баржу течением прибило к юго-восточной оконечности косы Чушка. Здесь выгружали на песок живых и мертвых. Ожидали прибытия санитарных машин с медперсоналом. Обстрел косы не прекращался все эти часы, снаряды, к счастью, падали с недолетом.

День прошел, пока Вальчук получил помощь и был погружен на бортовую автомашину, шедшую в Темрюк. Но ехать ему пришлось лежа на подножке «Зиса», заполненного ранеными. Придерживала его медсестра, пристроившаяся на той же подножке, и оба терпели тряску все 35 км. Из Темрюка по реке Кубань эшелоны раненых отправлялись в Краснодар, а оттуда через Ставрополь – в Тбилиси на долечивание.

Еще в начале мая 1942 г. Крымфронт насчитывал 266104 человека. Эвакуировано было с Керченского полуострова 106 672 воина. Точность эта настораживает. По донесениям медслужбы Крымфронта с 12 по 20 мая 1942 г. через Керченский пролив было эвакуировано 42 324 раненых, больных и контуженных, в т.ч. – 5 тысяч тяжело раненых. А сколько их осталось на этом берегу?!

За бои под Керчью в мае 1942 г. и полученные здесь ранения Вальчук получил орден Красной Звезды. Когда он берет в руки эту награду, у него в памяти всплывает одна и та же картина – последний рубеж на берегу пролива под Еникале, оказавшийся кровавой точкой в трагедии Крымфронта.

Кто знает, может быть в те майские дни 1942 г., когда пехотный лейтенант Вальчук плечом к плечу с моряками отбивался от наседающих «фрицев» на керченских улицах – он вполне мог встретиться с другим таким же защитником города-крепости Мозжухиным Анатолием Владимировичем.

Военная судьба занесла его на берег Керченского пролива в числе расчета счетверенного зенитного пулемета роты ПВО 45-й базы морской авиации ЧФ. Из-

под Геническа по приказу личный состав с матчастью отходил к Керчи, имея задачу эвакуироваться на Тамань. Анатолий Владимирович, тогдашний старшина 2 статьи ВМФ, вспоминал:

«В Керчи перемещались несколькими колоннами… Одной из них приказано было командовать мне. Распоряжался всем какой-то генерал-майор (судя по ромбам в петлицах), с саблей в руке, на которую он опирался (*не исключено, что это был командир 72-й казачьей дивизии генерал Книга, примеч. Л.В.*).

В Керчь уже проникли немецкие автоматчики. С нами была бронемашина с пушкой на прицепе. Пришлось всем отстреливаться от немецкой разведгруппы. Помнится, в проулок в центре города выскочил фриц. Я ему скомандовал: «Хенде хох!». Он увидел моряков в черных бушлатах и бросился бежать. Пришлось уложить его из карабина. Он был в немецкой офицерской форме и черном плаще. При себе имел полевую сумку, в которой оказалась наряду с конвертами и бумагой, фотография Антонеску с надписью «За храбрость» и с печатью. Немец оказался румыном.

Удивительно, но и через столько десятилетий, я все еще вспоминаю, как анекдот, что при румыне обнаружилась бутылка московской водки марки «Особая», которую мы и распили по глотку на брата со смехом: «Вот сволочь, с нами воевать пришел, а водку пьет русскую». Мы вышли с боями к переправе на берег Керченского пролива. Катера взяли нашу группу и под обстрелом ушли к косе Чушка».

Как мало, катастрофически мало, осталось тех, кто

мог бы сейчас рассказать молодому поколению россиян о тех событиях мая 1942 г., когда подлинно решалась судьба нашей страны, когда враг торжествовал победу в Крыму, на юге страны, когда чаша весов исхода войны опускалась в пользу противника.

Вот уже нет на белом свете моего друга и единомышленника в ветеранском движении Анатолия Владимировича Мозжухина: 15 января 2016 г он отметил свое 95-летие, а 6 июня того же года, мы его проводили в последний путь.

Не знаю, жив ли теперь Александр Федорович Вальчук, с которым я виделся последний раз накануне Дня Победы в 2002 году? Как и другой участник эпопеи боевых действий на Крымфронте - Николай Ильич Ильин, поведавший мне свою историю летом 2004 г. Для него 14 мая 1942 г. стало днем второго рождения. Вот его рассказ, записанный мною:

Участник боев за Крым, Керчь, Кавказ, Новороссийск - А.В.Мозжухин (справа) и автор.
Сопка Героев, Кубань 9 мая 2010 г.

«Родом я из Псковщины. После окончания с похвальной грамотой 7 класса я поступил в Псковское медучилище, оно называлось «фельдшерско-акушерская школа». С 1937 по 1940 г.г. был студентом и готовился стать медфельдшером. Диплом получил 30 июня, почти накануне своего двадцатилетия (мой день рождения – 5 июля 1920 г.). Но работать по этой специальности мне не пришлось: в ту же осень 1940 г. я стал курсантом Харьковского военно-политического училища. Нас должны были готовить три года.

Н.И.Ильин. 1942 г.

На первом же году учебы попал на финский фронт, но до передовой не успел добраться – боевые действия закончились. Через год я был выпущен в звании младшего политрука с двумя кубиками («кубарями») на петличках обмундирования. Был назначен в формируемый на Донецщине автомобильный батальон политруком роты. В части у нас было в составе трех рот 120 автомашин, преимущественно – ЗИС-5 (трехтонники с деревянными кабинами). Пока формировались – доставляли боеприпасы, снабжение в 91-ю Армию, потом в 51-ю, которая сосредотачивала силы на Таманском полуострове после боев под Ростовом-на-Дону. Мы дислоцировались в Тамани и Сенной. В начале

января 1942 г. наш армейский автобат с техникой погрузили на большой пароход и через Керченский пролив доставили на Крымское побережье, в порт Камыш-Бурун. В это время дивизии 51-й и 44-й армий укрепились на позициях западнее Ак-Моная. Моя рота была занята доставкой грузов (снарядов, продуктов, водки и т.д.) с базы в районе причалов порта Камыш-Бурун в расположение дивизий 51-й и 47-й армий, которой были подчинены.

Перевозки шли днем и ночью. В роте первоначально было около 40 единиц автотехники. При бомбежках порта немецкой авиацией, которая действовала даже ночью, особенно - гоняясь за автотранспортом, - мы сразу потеряли несколько автомашин.

В условиях бездорожья, особенно в весеннюю распутицу, многие машины на марше (ходили, в основном, по-взводно) застревали на обочинах, ломались. Приказы же были строгими: за несвоевременную доставку боепитания могли командиров отдать под суд военного трибунала. Я обычно ходил в замыкающей машине.

Был случай, когда почти вся колонна с грузами застряла вдоль трассы под Горностаевкой. Мы с комроты были на грани отчаяния – отдача под суд неминуема, но в ту же ночь от переправы на марше к передовой, куда и мы должны были подать снаряды в одну из танковых бригад, - оказалось танковое подразделение. Его командир, видя наше безнадежное положение, приказал выделить один танк, который и вытащил из грязи все наши «трехтонки». Этот танк сопровождал нашу роту до места.

При общем отступлении наш батальон был снят с перевозок за пару недель до катастрофы Крымфронта и отведен к причалам Камыш-Буруна и Еникале, и большая часть автомашин была переброшена на Таманский берег. Моя рота вывозила технику и личный состав до середины мая. В составе подразделения оставалось не более 25 человек. 4 мая на автомашине вместе с зампотехом батальона старшим лейтенантом Дмитрием Побирским (он из Ленинграда) мы добрались до пос. Еникале. Машину бросили, т. к. переправа техники уже исключалась. Отдельные катера и буксиры еще подходили к причалам, но капитаны боялись приближаться, так как сотни людей вплавь устремлялись к борту, цеплялись за него. На наших глазах рыбацкий катер от перегрузки опрокинулся вверх днищем. Люди пытались вплавь уйти от берега подальше - немцы обстреливали и бомбили причалы. Мы с Дмитрием поняли, что надеяться на судно бесполезно, надо что-то делать самим.

Мы вернулись к брошенной автомашине, демонтировали пару колес, вынули камеры, и, спрятав их под шинелями, чтобы отчаявшиеся спастись любой ценой бойцы не приметили нас и не отобрали камеры, двинулись дальше по берегу. Когда нашли укромное местечко, надули камеры, переложили документы, сбросили шинели и кинулись в воду. Она обожгла холодом, но потом мы привыкли и поплыли рядом, держась за камеры. Волны накрывали с головой, иногда теряли друг друга из вида, перекликались.

Немецкие самолеты шмыгали над проливом, поливая огнем переправлявшихся. В какой-то момент я позвал Дмитрия, а ответа не было. Остался один.

Постепенно стал погружаться – камера уже не держала, наверное, зацепило осколком или пулей.

Я понял, что не выплыву – сил больше не было. После нескольких попыток удержаться на поверхности, пошел ко дну. Очнулся я уже на суше. Это оказался берег косы Чушка. Видимо кто-то на проходящем близко катере заметил меня, барахтающегося в последней попытке вынырнуть из глубины, зацепил за обмундирование и вытащил на борт. А Дмитрий, наверное, погиб в проливе. Думаю, что половина тех, кто решился переплыть пролив на подручных средствах, не добрался до противоположного берега.

Из наших 24 человек, кто вышел к переправе в последние часы 14 мая 1942 г., на Кавказский берег добрались только 12. Еще в июне море выносило на берег останки воинов, пытавшихся переправиться на подручных средствах. Пока я находился в районе Тамани, увидел однажды, что к берегу прибило плот из бревен, на котором находилось шесть тел в обмундировании: оказалось, что двое были еще живы. Вот так же могло вынести на берег и мое бездыханное тело. Тот день – 14 мая – стал для меня как бы вторым днем рождения.

После переформирования и пополнения наш автобат участвовал в обеспечении боевых действий под Новороссийском и Туапсе. Мы полтора месяца вывозили запасы и коллекционные партии вин завода Абрау Дюрсо. Но все запасы так и не смогли эвакуировать. Под Туапсе меня контузило, отказала левая ступня. Дальше военная судьба забросила меня через Сталинград (он был уже очищен от врагов) в

Саратов, где я переучился на командную должность в танковых частях. Был командиром учебной танковой роты в Учебном Центре самоходной артиллерии в Подмосковье и на фронт больше не попал… В звании полковника в 1964 г. уволился в запас… Двое дочерей и внуки живут в Керчи. Уже и память стала подводить, не все события военной поры могу восстановить в мыслях. Но день 14 мая 1942г., когда я потерял друга Диму и остался один на один с морской стихией, проносится в деталях и ощущениях, как будто это было вчера».

Когда представляешь обстановку, в которой приходилось действовать транспортникам, доставлявшим к передовой снабжение и боепитание, о чем поведал Николай Ильич Ильин, то невольно задумываешься: а почему обратные рейсы с пустыми кузовами не использовались командованием для эвакуации раненых и больных воинов 51-й или 47-й армий (об этом в воспоминаниях бывшего политрука нет ни слова)? А их собиралось тысячами в эти весенние недели боев 1942 г. под Керчью. Достаточно обратиться к архивной статистике санитарных рейсов через Керченский пролив и акваторию Северного Кавказа. Тогда, почти 75 лет назад, вода в проливе вблизи берегов Кубани кипела от взрывов воздушных налетов вражеской авиации. А целями фашистских стервятников чаще всего оказывались тогда наши пароходы и катера, заполненные ранеными и больными воинами Крымфронта.

К середине мая 1942 г. санитарные операции по эвакуации с восточного побережья Крыма, из портов

Феодосии, Камыш-Буруна, Керчи тысяч и тысяч вышедших из строя бойцов и командиров приобрели характер настоящей эпопеи.

Архивы военно-медицинского музея МО РФ (г. Ленинград) ныне хранят сведения о привлечении в период войны 1941-45 г.г. гражданских судов в качестве водных эвакуационно-транспортных средств. Всего в этой работе на фронтах - от Карельского до Южного – участвовало около 480 пассажирских, грузопассажирских и грузовых пароходов. На них было эвакуировано в тыл более 600 тысяч ранбольных.

В военно-медицинском архиве обобщены сведения об участвовавших судах санслужб Закавказского, Кавказского и Крымского фронтов в эвакуации ранбольных, подсчитано число рейсов, совершенных каждым транспортом, количество погруженных пациентов.

Из этих учетов вытекает, что в 1941 г. в ноябрьские бои под Керчью в ходе 28 рейсов санитарно-транспортными судами (СТС) было эвакуировано 8713 ранбольных (из 15420, отнесенных к числу санитарных потерь). За время Керченского-Феодосийской десантной операции (25.12.1941 г. – 02.01.1942 г.), переросшей затем в наступление, а позднее – в оборонительные бои зимы-весны 1942 г., - было эвакуировано морем и через Керченский пролив 213145 человек, при этом число рейсов составило 230. Из этого количества на долю войск Крымфронта приходится 117396 вывезенных ранбольных. Число рейсов – 194. Этот подсчет не совпадает с официальной цифрой, приводимой в Сборнике ГШ МО РФ «Гриф секретности снят» *(изд. 1993 г., М, стр. 256)*: здесь в таблице «Санитарные

потери с эвакуацией в госпиталь» значится 83236 человек, вывезенных в тыл за 111 дней существования Крымфронта. Разница существенная – 26160 человек. Приходится допускать, что эта цифра относится к периоду действий Кавказского фронта (30.12.41 г. – 28.01.42 г.). Как же проходила эвакуация через пролив на Кавказское побережье раненых, обмороженных, контуженных и больных воинов? 35 грузовых и гражданских пароходов Азовского и Черноморского бассейна были переоборудованы в СТС и вместе с экипажами переданы в состав военно-морских сил. Тоннаж этих судов был от 9000 до 528 тонн. Вместимость также была разной: в среднем от 473 до 1486 человек. Загрузка в каждый рейс была более чем максимальная: при штатной емкости в 60 ранбольных, например, бывшее ГПС «Львов» брало от 335 до 616 человек.

Находчивость, изворотливость и способность выдерживать чрезмерные нагрузки в беспрерывных рейсах проявили экипажи и военные медики каждого СТС. Они развертывали на борту операционные, по нескольку перевязочных для обработки в пути израненных воинов. В ходе одиннадцати совершенных рейсов на СТС «Антон Чехов» - 5 врачей, 12 медсестер и 17 санитаров каждый раз принимали и размещали на имевшихся ста местах от 400 до 600 ранбольных. На этом судне моряки и медики спасли в общей сложности, жизнь пяти тысячам беспомощных и ослабевших воинов, практически, вырвав их из неизбежного плена или неминуемой смерти на оставленной нашими войсками земле.

Попасть на санитарное судно – вовсе не означало остаться в живых. Надо было еще пересечь пролив. Чем крупнее было СТС, тем большей опасности подвергались все, кто находился на нем. Немцы охотились именно за такими беззащитными, по сути, целями.

24.04.42 г. торпедной атакой в проливе было поражено СТС «Куйбышев» (10000 тонн водоизмещением).

29.04.42 г. от торпеды на пути из Камыш-Буруна в Новороссийск погибло СТС «Ворошилов». На нем находилось 2607 раненных. При взрыве 507 утонуло.

От удара торпеды при разгрузке раненых в порту Новороссийска 20.04.42 г. погибло СТС «Калинин». В проливе подорвались на мине СТС «Антон Чехов» и «Восток». В мае 1942 г. под бомбежками погибли СТС «Красный моряк» и «Потемкин».

Несомненно, что цифры эвакуированных с крымского побережья и фактически прибывших на СТС на кавказский берег, не совпадают: не всем удалось тогда в этих драматических рейсах пересечь пролив и остаться в живых.

На раздумья наводят и такие данные военной статистики: считается, что после 20.05.42 г. на Таманском побережье остатки войск Крымфронта насчитывали немногим более 120 тысяч (из 250-260 тысяч первоначального состава трех армий), тогда как только эвакуированных СТСами (как мы теперь знаем) было отправлено из Крыма числом более 117 тысяч.

А где же десятки тысяч, что значатся как переправленные в плановом порядке или добрались на

кавказское побережье самостоятельно? Может быть, эти самые 117 тысяч, учтенные как ранбольные, и есть те остатки Крымфронта? Это остается загадкой.

Последней точкой в трагедии мая 1942 г. под Керчью является ликвидация командного пункта 51-й Армии на склоне горы Митридат. Это тоже загадка истории.

В начале октября 2000 года один бывший сотрудник керченского горотдела госбезопасности при встрече сообщил мне, как военному историку и работнику музея, следующее.

Примерно, в 1985-86 г.г. руководящий работник партийных органов поделился с ним содержанием необычного разговора, который он имел с гостившим в Керчи ветераном ВОВ. Этот ветеран сообщил тогда, что в годы войны он служил в инженерной части. В начале мая 1942 г., когда наши войска под давлением должны были отступать и оставить противнику Керчь, его и еще 3-4 младших офицеров вызвал старший начальник и передал приказ взорвать подземную галерею под горой Митридат, где, как известно рассказчику, располагался узел связи и КП штаба 51-й Армии.

Приказ этими офицерами был выполнен: штольня и все помещения, вместе с документами, техническими средствами, одномоментно были взорваны. Гость Керчи поделился, что все люди, находившиеся внутри подземных помещений в момент подготовки взрыва, остались там и погибли, погребенные под завалами.

Этот человек показал на местности расположение бывшего КП 51-й Армии. Парторганы Керчи тогда же, в 1985-86 г.г. сообщили письменно в ГШ СА о

полученной информации и просили подтвердить факт подрыва, чтобы наметить меры поискового порядка и перезахоронения останков в случае их существования в завале. По «ВЧ» (правительственная связь) в Керчь пришло устное сообщение, что указанный случай в мае 1942 г. в ГШ известен, всякая информация должна быть закрыта и никаких раскопок вести не следует.

По моей просьбе пенсионер госбезопасности показал на местности характерные ориентиры расположения входа в подземное сооружение, названное «штабом 51-й Армии».

Нам с ним представилась возможность переговорить с жителями близлежащих квартир об известных им обстоятельствах ликвидации подземной галереи в этом месте. Одна гражданка сообщила, что из усадьбы дома №7 когда-то можно было войти в подвальное помещение под стеной на склоне горы Митридат. Жители дома, в т.ч. семья Овчаренко, пользовались этим подземельем для хранения здесь запасов на зиму, «закаток» и т.д. Примерно, лет 15-20 назад этим подземельем интересовалась какая-то комиссия из Москвы, велся поиск в галерее, копали грунт, который выносили наружу. Результат жителям неизвестен. Через несколько лет усадьбу Овчаренко ликвидировали, семья их была отселена, дом разрушен и превращен в насыпь вместе с землей, закрывшую вход в подземное сооружение.

В таком засыпанном виде портал и вход в сооружение находился в момент нашего визита в октябре 2000 г. Оперработник помнит, в каком виде предстало перед ним помещение галереи, когда он его осматривал

впервые: каменное обрамление заключает вход внутрь помещения размером 2,5 на 2,5 м.

На склоне горы Митридат есть впадина над подземной частью сооружения. Полагаем, что это – открытая часть осевшего при взрыве подземелья грунта.

Мною был установлен Овчаренко Евгений Иванович, 1943 г.р., проживавший в 2000 г. по ул. Героев Сталинграда, 10, кв. 36., бывший моряк, пенсионер. Он подтвердил при нашей с ним встрече один на один, что в горе Митридат еще до войны было устроено бомбоубежище, которое имело два входа, - один из них - из дома №7. Второй выводил во двор соседнего дома. В бомбоубежище вела лестница на 10-12 ступеней вниз. Галерея, стены, сама лестница были бетонными, свод оштукатурен и побелен. За лестничным маршем следовал горизонтальный арочный свод шириной и высотой около 2,5 м., протяженностью метров 10-12, далее галерея плавно поворачивала вправо. Прямой участок имел протяженность около 15 м, затем следовал такой же поворот вправо, и через коридор, аналогичную лестницу существовал выход наружу. В обоих отсеках было установлено по металлической двери. Посередине прямолинейного участка галереи, перпендикулярно ее оси имелся коридор, ведущий вглубь горы. Во времена проживания рассказчика в его усадьбе, этот коридор на удалении метров 8-10 от галереи всегда был перегорожен глухой кладкой.

Овчаренко вспомнил, что в 1970-75 г.г. на склоне Митридата, над подвальными помещениями образовалась впадина, в которую позднее скатилась

каменная глыба со скального участка горы. Вскоре сюда наведалась комиссия якобы из горвоенкомата. Члены ее ходили по верху и в бомбоубежище. Он что-то слышал о гибели здесь, в подземелье, людей при взрыве штольни.

Как предположение, можно сделать заключение, что в конце 80-х – начале 90-х годов власти реально предприняли попытку пресечь возможные действия по изучению подземного захоронения в этом месте.

В этой истории много неправдоподобного, нелогичного, хотя удивляться нечему: война сама по себе лишена логики и смысла, а уж какие невероятные случаи бывают в такие, не поддающиеся здравой оценке, времена, - знают не только военные историки. Меня моя работа как научного сотрудника музея свела с удивительным человеком – бывшим военным и граждански летчиком – Нетруненко Степаном Степановичем. Он вырос в семье бывшего буденновца и участника Гражданской войны. Отец его – Степан Иванович тогда был дважды ранен, и, несмотря на это и на возраст – прошел Отечественную войну.

До ее начала сам Степан Степанович окончил Тоцкую летную школу в Оренбургской области. Потом был назначен инструктором в 25-й Невинномысской (на Кубани) школе по переучиванию пилотов ГВФ на боевых летчиков. В 1942 г. попал в 764-й ночной авиаполк, базировавшийся в дер. Хаджи-Бие (это западнее Керчи, в 7 км от с. Марфовка).

Основным типом самолета был ПО-2 (биплан, бывший У-2, «кукурузник», собранный из дерева и перкали). Очень надежная в управлении машина. В январе-феврале 1942 г. Нетруненко летал бомбить

Владиславовку, что под Феодосией является крупным ж.д. узлом. Потерь не имели, т.к. над немецкими позициями и объектами летали без шума. Когда же наше командование, готовя февральско-мартовское наступление, стало выдвигать на позиции танки, - авиаторы для маскировки умышленно «шумели» в эти часы над противником, заглушая звук работающих танковых двигателей. Все летчики этого полка имели звание «сержант» или «старшина»: таков был приказ наркома обороны С.К. Тимошенко – выпускать из училищ некоторую часть летчиков в сержантском (но не офицерском!) звании; наверное, имелась в виду экономия на обмундировании и окладах. Так их и называли – «Тимошенковские сержанты».

В том же феврале 1942 г. полк получил новые самолеты С-2 Казанского завода. Это санитарный самолет, модифицированный ПО-2 большей вместимости. Запас топлива у него был рассчитан на 9 часов полета. На этом самолете предстояло выполнять особые задания специально отобранным летчикам. В своем штабе в Хаджи-Бие они узнали, что им предстоят рейсы, связанные с полетами к партизанам в Кировский район и район горы Демерджи. Но этому предшествовали тренировки с посадкой и взлетом в полной темноте без всякой подсветки. Делали по 5-6 вылетов за ночь, и никто не допустил аварии или поломки. Но настоящие рисковые операции были еще впереди. И к ним привлекали особо подготовленных летчиков, умевших выполнять посадку «вслепую», на интуиции и расчете.

К этим полетам привлекли Нетруненко и еще

нескольких летчиков. Это были секретные задания. Они заключались в заброске в немецкий тыл наших разведчиков и сотрудников НКВД. Перед выполнением задания Степан Степанович должен был слетать в зону с проверяющим, чтобы убедить военных руководителей разведотдела в том, что место высадки и окружающую местность он, как пилот, хорошо знает.

1 мая 1942 г. с полковником он полетел на задание. Слетали в район пос. Кировского. Полковник проверил ориентировку летчика на местности, снизились на 50-70 м, прошли над линией фронта. Для маскировки разведполета сбросили бомбы на немцев. С земли открыли огонь. Нетруненко был ранен в голову, однако сознание не потерял, самолет вывел на свою территорию, посадил машину. Как оказалось, это было расположение танковой части. Посадка произошла прямо среди запрятанных в капониры броневых машин. Здесь пилоту сделали перевязку и проводили на свой аэродром в Хаджи-Бие.

Стоят справа налево: С.С.Нетруненко, Л.Брут, В.Лобарев, Сидит слева: М.Слепченко. 1942 г.

В августе 1942 г. в полку уже не осталось из-за потерь боевых экипажей. Нетруненко был переведен в 931 авиационный смешанный полк. Здесь летал на Р-5, УТ-2, ПО-2. Последней была машина И-153 («Чайка»).

Задачу выполнял по патрулированию неба и пролива. 12 августа Степан Степанович был обстрелян четырьмя «Мессершмидтами-109», ранен в плечо и правую руку, в спине оказалось более десятка осколков. Довел самолет до своего аэродрома в станице Гостагаевской, посадку совершил, управляясь со штурвалом левой рукой.

В госпитале в Кутаиси стало ясно, что рука не годится для управления самолетом: сухожилие в локтевом сгибе поражено, мышцы атрофировались, кисть усохла. Нетруненко был списан «по чистой». За бои в 1942 г. он был награжден орденом Красной Звезды (вручена награда была только в 1944 г.).

На этом эпопея его боевой службы не кончилась. Пока он лечился в госпитале, к нему наведывались его товарищи по полку, оставшиеся в живых. По-разному сложилась их судьба. Вот Михаил Слепченко. Был ранен в ногу в Крыму в 1942 г., сбежал из госпиталя без документов, ухитрился пройти все контрольные пункты, переправиться с Тамани через пролив в Крым к своим однополчанам в район Марфовки под Керчью. Вот Брут Лев. На Таманском полуострове после выполнения летного задания вернулся на свой аэродром, а полка уже нет – перебазировался. Подбегают морские пехотинцы: «Кто таков и почему здесь сел?» А Лев чернявый, на нерусского похож, подозрителен. Его приняли за румына или итальянца.

Пока «пехота» прикидывала – что да как, Брут газанул мотором и пошел на взлет. По нему открыли огонь вслед самолету. Одна пуля застряла в спине летчика. Еще один друг - Василий Лобарев. Зимой и весной 1942 г. летал к партизанам Кировского района Крыма, доставляя в нужные точки военных разведчиков и сотрудников НКВД. Однажды он высадил в глухой местности двух чекистов, через несколько дней прилетел за ними, как и было условлено. Для обозначения своего места пребывания и посадки самолета они должны были зажечь костры, расположив их особым образом. Впоследствии Василий рассказывал товарищам: «Вижу сигнал – костры, вроде - мои, снижаюсь. Замечаю – блестит вода кругом, что-то не то. Перескочил, снова на земле сигнал мой опять. Сел. Бежит мужчина, тот самый. Спрашиваю: «А второй где?». Отвечает: «Потом, потом, летим!» Через линию фронта мы прошли мористее, это было безопаснее».

С.С.Нетруненко. 80-е годы.

Оказалось, что второй разведчик попался немцам, при этом они, видимо, смогли узнать от него о посадке самолета. Немцы ждали посадки на заболоченном лугу, устроили ловушку. Опытный летчик Лобарев не попался на нее.

В связи с невозможностью летать Степану Степановичу пришлось начинать гражданскую жизнь «с азов».

На родине, в Северо-Казахстанской области работал в деревне в тракторной бригаде, потом – директором маслозавода. Зимой, при глубоких снегах, доставлять на приемный пункт паки с маслом стало невозможно на санях. Прислали самолет, для приема которого Нетруненко организовал расчистку взлетной площадки. Походил однажды вокруг самолета, а летчик в шутку спрашивает: «Что, хочешь полетать?» Степан говорит: «Хочу». Тот с иронией подначивает: «Давай, садись». Нетруненко вспоминает потом: «Я сел, запустил двигатель и тут же взлетел. Сделал круг и сел. Летчик в шоковом состоянии подбегает и просит: «Никому и никогда ни слова об этом». А я почувствовал, что могу снова летать. Четыре года разрабатывал руку и пальцы и добился своего».

Его взяли на работу в Семипалатинский отряд – сначала комендантом, потом – начальником службы движения. В 1946 г. в него поверил начальник аэропорта – Лопогонов. Степан Степанович с улыбкой вспоминал: «Я успешно прошел все проверки. Попросил своего родного дядю – Марка Ивановича Нетруненко, боевого чекиста, прошедшего всю войну до Праги, сходить вместо меня на медкомиссию с документами, где фотографии не требовалось. Все прошло удачно. В заключении медиков было указано, что я годен к летной работе. Так я снова стал пилотом».

Степан Степанович за четыре месяца 1942 года на ПО-2 совершил 197 вылетов. Работая в Усть-Каменогорском и Кокчетавском авиаотрядах, он делал, казалось бы, невозможное. В авиаотряде спецприменения ГВФ с октября 1946 г. по январь 1952 г., он налетал 5491 час на ПО-2 и С-2, пролетав без аварий

и поломок 1 млн. 168800 км.

При опылении лесных массивов ежедневно делал по 35-40 взлетов и посадок, обработал своим коллективом эскадрильи более 96 тысяч гектаров казахстанского леса.

В итоге был награжден орденом «Знак Почета», медалью «За трудовую доблесть», двумя медалями ВДНХ. До 1979 г. работал пилотом и заместителем командира эскадрильи в Керченском авиапредприятии. Для ухода на пенсию летчику гражданской авиации нужно было налетать 6 тысяч часов. Степан Степанович Нетруненко налетал 23 тысячи часов.

Уже много лет прошло с тех пор, как мы с ветераном-авиатором Степаном Степановичем Нетруненко познакомились и подружились. Довелось мне и в последний путь провожать его. А я вот все думаю: откуда брались такие люди, способные совершить невозможное?! Какое надо было иметь тончайшее мастерство, чтобы ночью вслепую садиться и взлетать на «пятачке», на незнакомой территории, занятой противником? Какое надо было иметь мужество, чтобы обливаясь кровью и владея одной левой рукой, дотянуть до своих и ухитриться, не теряя сознания, вырулить среди траншей и окопов? Какую надо было иметь силу воли, чтобы поверить в свои силы и заставить себя преодолеть немощь скрюченной и высохшей «куриной лапы» и вернуться в авиацию? В воздушные рабочие, где нужно иметь здоровые «рычаги» - руки и ноги?

Воистину такие люди для суетливого человечества – штучный подарок матери-природы. А ведь их

в ту войну были тысячи!!! Помни это, мой молодой читатель.

У меня есть немалый опыт общения с ветеранами той Великой войны. И я отмечаю, что до конца 80-х годов прошлого века и создания Поминальной Книги Памяти они, в общем-то, не любили вспоминать о боях и рассказывать, о себе. Это пришло позже, когда Государство соизволило, наконец-то, поднять статус ветерана Великой Отечественной.

А сегодня, когда пишутся эти строки, можно лишь случайно встретить тех, кого опалила война, и кто прошел через ее испытания, как участник боевых действий. Это поколение уходит навсегда. Но, Слава Богу, остаются записи их рассказов – порой, горьких воспоминаний о пережитом, а порой – благодарений Судьбе, пощадившей у самой роковой черты. Эти воспоминания, эти свидетельства о былом и составили основу книги, которую, ты, мой дорогой читатель, держишь в руках.

Глава IX

Керчь продолжает бороться

Отрезанные от переправ, многие десятки тысяч воинов трех армий Крымфронта пали в неравной схватке у стен Керчи или попали в плен.

Но были и такие, кто ушел в подземные выработки местного камня – известняка, и там продолжали борьбу

с оккупантами. Одной из таких групп, насчитывавшей несколько тысяч воинов всех рядов войск, стал командовать полковник Ягунов П.И. Его сводный отряд занял Большие Аджимушкайские каменоломни.

В историю боев за Крым и в летопись Великой Отечественной войны такие боевые действия нескольких подземных гарнизонов, в том числе в Аджимушкае, вошли как пример проявленного мужества, стойкости и самопожертвования советских воинов, решивших бороться с врагом не на жизнь, а на смерть. В условиях газовых атак и голодания, болезней и медленного умирания от ран, - солдаты и офицеры подземной крепости наносили урон оккупантам, поддерживали железную дисциплину, искали связь с крымскими партизанами и другими патриотическими группами в городе Керчь. Из них, последних, наиболее известна деятельность радиофицированной резидентуры разведотдела Северо-Кавказского фронта – «Тоня», которую возглавила керчанка Евгения Дудник. За период май-июль 1942 г. группа передала более 80 радиограмм со сведениями о группировке немецко-румынских войск в восточной части и о планах фашистов по десантированию на Таманское побережье (Действительно, 4 сентября 1942 г. немцы через пролив десантировались на побережье Тамани).

Массовый характер приняло патриотическое движение по оказанию помощи попавшим в плен советским бойцам. Молодежные группы помогали воинам документами, одеждой, укрытием, знакомили с активными борцами в тылу врага. Такой группой

в эти месяцы 1943 г. являлась подпольная организация отца и сына Стрижевских. Ею также организовывались диверсии, распространялись листовки, саботировалась отправка людей в Германию, осуществлялась подготовка к побегам из лагерей военнопленных.

Многие бывшие пленные из числа патриотов проявили стремление к организации партизанских отрядов! Так в сентябре-октябре 1943 г. в пос. Аджимушкай стихийно сформировались два отряда – им. Сталина и «Красный Сталинград» численностью в 31 и 46 человек, соответственно; в пос. Старый Карантин и Багерово возникли два отряда по 100-150 человек, куда вошло значительное число местных жителей.

Как боевые единицы, отряды Аджимушкая проявили себя в период 3-11 ноября 1943 г., когда произошел штурм Керченского полуострова десантом войск 56-й Армии Северо-Кавказского фронта. Рассказать хотя бы кратко о движении сопротивления в Керчи в годы фашистского нашествия – мой долг. Но сначала поведаю вот о чем.

Разные судьбы

После выхода к проливу, противник оставил для обороны керченского полуострова: на Северном побережье -19-ю пехотную дивизию (пд) румын; на восточном побережье – 46-ю и 10-ю пд румын; на южном побережье – 8-ю пд румын. Остальные части перебросил под Севастополь. Сосредоточив здесь до

14 дивизий, противник 2 июня 1942 г. начал свое третье наступление на Севастопольский оборонительный район, длившееся целый месяц и закончившееся 30 июня выходом немцев на мыс Херсонес. К июлю 1942 г. враг захватил всю территорию Крыма.

Они чувствовали себя победителями. Керчь, май 1942 г.

Это была страшная трагедия, до сих пор будоражащая воображение наших недругов и ставящая все новые вопросы перед военными историками. Началась почти двухгодичная оккупация Восточного Крыма вместе с городом Керчь. Движение сопротивления вражескому нашествию в этот период носило стихийный характер: это был вызов, брошенный оккупантам сначала аджимушкайцами из остатков

войск Крымфронта, а потом – молодежными группами, объединившимися с бывшими красноармейцами. Судьба их была трагичной и разной. Как и судьба молодежи, оказавшейся беззащитной перед оккупантами, взявшимися за внедрение «нового порядка» и превращение людей в рабов.

Несколько лет тому назад по телевидению зрителям была представлена история дезертира, а может быть, правильнее сказать, «уклониста», который, чтобы не попасть в Красную Армию и на фронт, всю войну прятался на чердаке своего дома, обманув и своих и чужих. А после Победы отсидел в своем закутке еще полвека, опасаясь неминуемой, как ему казалось, кары от советской власти. Вся его жизнь прошла в норе из-за желания выжить. Дорогая цена, не правда ли? И ради чего?

Эта история чем-то сродни со случаем, описанным одной из керчанок - Волобуевой Раисой Ильиничной в обращении к нам, в районную группу по созданию Керченской Книги Памяти. Речь она вела о своем брате (двоюродном) – Шулякове Владимире Григорьевиче, павшем на фронте Великой Отечественной войны.

Вот что она вспоминает на основе рассказов ее родственников. Володя с семьей жил в пригороде Керчи – в дер. Катерлез. Хотя ему было уже 20 лет, на фронт он призван не был по здоровью. В 1942 г., летом, разнесся слух, что возможен угон молодежи в Германию. Володя решил во что бы то ни стало избежать этого, и нашел способ, чтобы укрыться от оккупантов. Как? Еще в 1941 г. они с двумя друзьями

на огороде Шуляковых выкопали колодец. Воды в нем не оказалось, колодец, хотя и был глубокий, но стоял сухим и имел приспособление для спуска вдоль стенки. Чем ни убежище? Перед приходом немцев друзья с семьями эвакуировались на Кубань. А когда осенью 1943 г. всех жителей стали выселять в западные и северные районы Крыма, Володя остался в Катерлезе и снова спрятался в этот колодец. Он заранее вырыл в его стенке у дна глубокую нишу, замаскировал ее, благо родители перед уходом побросали в колодец многие вещи, которые не под силу было взять с собой.

Во дворе их дома немцы устроили полевую кухню. Ночью Володя ухитрялся подниматься наверх и запасался какой-нибудь пищей. Также использовал соления, которые еще раньше были заготовлены матерью и оставались в доме. Так прошло полгода.

Уже весной, при очередном выходе к дому, он был замечен немцами. За ним погнался солдат, но парень сумел проскользнуть между строениями и огородами, сделать круг по деревне и вернуться к своему укрытию. Володя сходу прыгнул в колодец. Потом он рассказывал родным, что не представлял, сколько времени пролежал без сознания от удара при падении с высоты, очнулся от страшной боли. Кое-как дополз до своей ниши. Хотелось пить, но скоро вода в банке кончилась. Володя решил выкопать ямку в дне, это удалось с невероятным напряжением от боли; наконец, появилась влага. Как мог, он набирал жидкость, но жижа вскоре усохла. Без пищи и воды он почувствовал, что погибнет. А тут еще немцы от кухни стали выбрасывать в колодец всякую гниль, кости, помои. От вони добровольный узник стал задыхаться.

На его счастье в деревню зашли наши части, жители указали на колодец. Солдаты стали звать: «Володя! Ты живой?» А у него не было сил отозваться им.

Как написала тогда Раиса Ильинична, старые люди в деревне Войково (бывш. Катерлез) помнят эту историю с колодцем. Володю наши воины отправили в госпиталь, где обнаружилось, что у него оторвалась почка. В военкомате вняли его просьбе направить добровольцем на фронт в действующую армию. Его встреча с семьей произошла в ту же весну 1944 г. в Инкермане, под Севастополем. Здесь Володя все рассказал родителям, что с ним произошло. Они как-то смогли тогда узнать адрес его полевой почты и разыскали сына. Это была их последняя встреча.

Мать Володи в конце войны получила известие от командования о том, что он погиб в Чехословакии, в уличном бою его убил снайпер. Имя рядового Шулекова Владимира Григорьевича, 1921 г. рождения, уроженца дер. Катерлез, занесено было в 1995 г. в Керченскую городскую Книгу Памяти. Вот он сохранил себя в условиях безнадеги в оккупации, чтобы, когда потребовалось – положить на алтарь Отечества самое дорогое – жизнь и этим приблизить День Победы!

Разные судьбы, но еще более неожиданные повороты преподносит в них жизнь, когда человек не хозяин своей судьбы.

Когда Зоя Альшевская летом 1942 г. оказалась вместе с матерью в деревне под Керчью (об этой девушке я рассказал в одной из предыдущих глав – V с подзаголовком «На борьбу поднялся и стар и млад»), то ее сестры оставались в квартире в самом городе. В дом пришли два полицейских из русских. Приказали

без вещей выходить, привели в комендатуру, около которой собралось уже много парней и девчат. Наташе было 15 лет, а Иде – 16. Наташа прихватила из дома каким-то образом оказавшуюся в руках кастрюльку из их кухни. Немцы погнали всех на железнодорожный вокзал, где стояли телячьи вагоны. В них ревели коровы. Оккупанты приказали некоторым девчатам, в том числе и Наташе, доить этих коров. Пригодилась та кастрюлька. Людей в пути не кормили. Привезли в Германию и большинство отправили работать на какую-то химическую фабрику. Ее хозяевами были Циммер и Шварц. С приходом американцев все восточные рабочие оказались в городе Гера, откуда их передали нашим войскам в г. Лигнице в Польше.

Это было в мае 1945 г. Наташа и Ида до 1949 года работали в наших войсковых частях в ПНР. Им довелось обслуживать в специальной гостинице маршала Рокоссовского и членов Военного Совета, когда они останавливались в гарнизоне. Казалось бы – злоключениям конец. Но…

В 1956 году, уже из Керчи, Наталья Федоровна выехала для работы в Сухуми, она как опытная штамповщица сначала работала здесь на консервном комбинате. 14 августа 1993 г. она была на работе в санатории МО СССР, где к тому времени трудилась с 1969 года. В этот день со стороны Тбилиси налетели вертолеты, в городе появились грузинские танки. По территории санатория со стрельбой из автоматов стали перемещаться грузинские военные. К 16 августа 1993 г. все отдыхающие были вывезены из санатория. Обстрел города шел с обеих сторон, бомбежка осуществлялась с вертолетов. В самом Сухуми шел

грабеж, сплошное мародерство. С фабрик, заводов грузины вывозили все подряд. От бомбежек и артобстрелов жители прятались за наиболее прочными стенами своих домов, в своих и чужих квартирах.

Война шла 413 дней. Власть менялась все время. В их доме из 68-ми семейств осталось жить не более 10 человек.

Наталья Федоровна уехала из Сухуми в августе 1997 года. Она вспоминает, как при проверке документов грузинские военные демонстративно вырывали из паспортов листки на абхазском языке. Она вернулась в Керчь как беженка (но без оформления документов), ибо к русским отношение все ухудшалось. Считает, что то был не «конфликт», а самая настоящая война, куда она угодила под старость, не забыв еще вторую Мировую, опалившую ее юность.

Для многих, кто попал тогда, летом 1942 г. под оккупацию Керченского полуострова новоявленными «крестоносцами», было уже счастьем, хотя бы остаться живыми.

Моя работа музейщика не раз сводила меня с людьми, в чьих судьбах переплетались такие события, которые сами по себе составляют целый пласт в истории. Такова эпопея керчанина Анатолия Семеновича Радченко, в прошлом инженера, а ныне – пенсионера. Вот как он рассказывает о себе: «Родился я в 1928 году в пос. Аджимушкай. Зарегистрировали меня в Катерлезском сельсовете, а крестили в Аджимушкайской церкви. В этом селении начинались семьи моего деда и прадеда Емельяна. На его деньги, а также на средства других семей – Чичеровых, Токаревых, Жученковых,

Работаевых и была в свое время построена эта церковь. Все эти семьи занимались резкой камня и его продажей. В районе Еврейских каменоломен были две ветряные мельницы, одна из них принадлежала моему деду по матери – Афанасию Жученко. Ему же, а также Парфенцевым и Работаевым принадлежали два колодца вблизи Вергапольских каменоломен.

К 1941 г. я закончил 6 классов. Когда начались бомбежки Керчи, мать забрала нас, двоих детей в Вергапольские каменоломни, потом мы прятались в погребе у деда Жученко. Когда в декабре 1941 г. развернулись бои за полуостров, то много наших десантников, моряков и солдат-пехотинцев полегло под огнем немецких зенитных батарей, располагавшихся в саду правее высоты «Трехгорка». Дед вместе со мной на подводе, как и другие жители, собирал по низине полузамерзших наших раненых воинов. Из них семь человек мы привезли в дом деда. Моя мать ухаживала за ними, затем раненых отправили в больницу в поселок Войкова.

А.С.Радченко (слева). Конец 90-х

У деда Радченко дом был разрушен, поэтому до самой сдачи Керчи в мае 1942 г. мы все жили у деда Жученко. Опять пришли оккупанты, мы вновь прятались в Вергапольских каменоломнях. Немцы потребовали выйти на поверхность и даже стали

бросать гранаты в предвходовую часть. Жителей погнали в Булганакские каменоломни. В эти дни через поселок немцы гнали колонны наших пленных.

Дней через 10 мы пошли к тетке, которая жила неподалеку от противотанкового рва за нынешним железнодорожным переездом под Аджимушкаем. Я часто видел автомашину, в которой, по словам старших, немцы возили из тюрьмы на расстрел наших людей. Однажды я увидел, как немец из автомата «косил» группу людей, выстроенных вдоль бровки рва. Потом их закапывали военнопленные.

Вместе с теткой мы ушли в деревню Хаджи-Бие (это в 4-5 км от Марфовки). Колхоза уже не было. Но существовала община и велись сельхозработы. Руководили немцы, полицейским был татарин по имени Санька. Он устроил сторожем на току моего отца, который раненым и контуженным добрался из-под Калача в Крым. Вскоре мы перебрались в дер. Кезы. Здесь в сентябре 1943 г. при облаве немцы забрали меня и еще человек десять из молодежи в лагерь под дер. Баксы. В лагере было человек 200-300, жили в палатках, спали на соломе. На работу гоняли на близлежащие возвышенности, где строились блиндажи и окопы.

В лагере оказалось много военнопленных. С одним из них - Николаем Селезневым мне удалось незаметно выбраться за лагерную проволоку через дырку в уборной. Балками добрались до дер. Кезы, а потом вместе с дедом Жученко под покровом темноты вернулись в Аджимушкай.

Многие решились уйти в каменоломни в партизанский отряд. Молодежь, вроде меня, по графику

дежурила здесь на выходе, ребята имели при себе винтовки или карабины. Весной 1944 г. в каменоломни к нам зашел председатель рыбколхоза им. Сталина – Казас. Он сказал, что не хватает людей в военизированной флотилии для ловли рыбы. Мне было 16 лет, и он взял меня с собой. Снасти переправляли с Таманского побережья, искали плавсредства. Рыбколхоз им. Сталина оказался вблизи линии соприкосновения наших войск с противником.

Мы незаметно для немецких наблюдателей забирались на территорию колхоза и ухитрялись перегонять то баркас, то байду. Когда стали сетями ловить селедку, то все время опасались немецких наблюдателей. Однажды немцы открыли по нам огонь. До берега было метров 250-300. Взрывом нашу лодку подбросило так, что потеряли весла. Кое-как выгребли к берегу. Нас встретил советский артиллерист – офицер, который посоветовал нам ходить за рыбой только тогда, когда солнце начинает всходить над горизонтом: тогда немцам нас против солнца не будет видно. Селедку мы сдавали военным по ведомости. Под 1 мая 1944 г. нам разрешили «отовариться» за рыбу, сданную армии. Мне выдали 7 мешков муки, две эмалированные чашки сливочного масла, пак папирос «Беломор», много крупы.

Весной 1946 г. мы в очередной раз возвращались с путины на сейнере «Заозерный». Наутро капитан приказал собраться для перехода в порт. А я проспал, и экипаж ушел без меня. Когда «Заозерный» был в районе завода им. Войкова, он подорвался на мине. Погибло пять человек: старший помощник капитана Полубинский Антон, моторист Сергей Попов, пом.

мотористa по имени Алексей, ученик мотористa Сергей Гаголкин.

Их останки потом нашли на пляже у Старого Карантина. Среди них мог быть и я, если бы не случай, обернувшийся счастьем остаться среди живых».

Каждый раз, соприкасаясь с документами той далекой военной поры, вглядываясь в личные трагедии людей, в неожиданные извивы в их судьбах, мы видим как бы кривые усмешки войны, собирающей урожай – обязательные и нелепые жертвы, которые, зачастую, и сейчас еще отдаются неослабевающей болью в сердцах ныне живущих.

Любая война – это патология в существовании человеческого сообщества. Но эта война 1941-45 г.г. была особой. Столько пропавших без вести не знала никакая вооруженная схватка. Самое страшное для бойца – сгинуть бесследно, не иметь возможности дать о себе знать даже в самой безысходной ситуации. Вот некоторые примеры, взятые мною из подборки воспоминаний, записанных при встречах и ставших Историей.

Прошло 75 лет, как керченская семья Карповых-Иньшиных лишилась своего отца, мужа, деда и прадеда – Николая Григорьевича, пропавшего в пекле той войны в первые же месяцы.

Николай Карпов в 1919 г. поступил в Полтавское юнкерское училище. Было ему тогда 17 лет. После года учебы курсантов бросили на фронт против войск буржуазной Польши. Уже опытным воином Николай Григорьевич в 1921 году вступил по призыву в Красную Армию и прослужил в ней семь лет, оказавшись в

Феодосии. А после демобилизации остался жить и работать в Керчи, в управлении торгового порта.

Когда началась война, он явился в керченский горвоенкомат для отправки на фронт добровольцем (у него был «белый билет» - ампутированы пальцы на ноге, поэтому имел льготу, как невоеннообязанный). 28 июля 1941 г. жена и 14-летняя дочь проводили Николая Григорьевича; таких добровольцев на вокзале было человек 50.

Н.Г.Карпов. 30-е годы.

В этот же день из Джанкоя от рядового Карпова пришло первое письмо. Его восемь открыток и одно письмо за месяц боевого пути – целая жизнь. Они хранятся в нашем керченском музее-заповеднике как отпечаток военной истории. Надо вчитываться в них, чтобы понять и ощутить трагизм положения, расшифровать в полных оптимизма фразах (включенных специально для военной цензуры, но понятных близким родственникам) ту тревогу в душе бойца и предощущение катастрофы, которые не оставляли опытного воина.

«28.07.41 г. Пишу со ст. Джанкой… Радуют хорошие сводки Совинформбюро… Теперь с каждым днем будем слышать все о новых победах Красной Армии…»

«03.08.41 г. Усиленно проходим учебу. Чувствую, что поздоровел…»

А вот письмо за 22.08.41 г., которое привез один из сослуживцев, попавший по ранению в тыл: «До 5 августа мы были в Запорожье. Нас в составе маршевого батальона, в который вошли крымские добровольцы, направили на пополнение части, на фронт. Долинская. Дальше путь был уже прерван и от этой станции начался отход на Кривой Рог, Никополь, Запорожье… Тысячи беженцев, главным образом – евреев: старики, женщины, дети. Брошенные и неубранные колоссальные массивы хлеба, идущие в тыл гурты скота, трупы коров, лошадей, горящие и взрываемые фабрики и заводы… Мы отходим с правого берега уже под огнем немцев».

Последнее письмо Николая Карпова было за 25.08.41 г., полученное 16 сентября 1941 г. Погиб он в начале сентября при переправе на понтоне. О случившемся уже после войны рассказал семье бывший сослуживец Карпова. Никаких сообщений командования и архивных органов о его гибели на фронте нет до сегодняшних дней…

Нередки случаи, когда воин, оказавшись в безысходной ситуации, не мог дать знать о себе и опасался несправедливого мнения со стороны своих товарищей о потере им чести и нарушении присяги. Это заботило многих, попавших в плен.

К нам в музей в свое время было передано одно письмо, когда-то случайно обнаруженное жителями

Ленинского района Крымской республики на местах былых боев.

Этот документ-обращение к добрым людям летчика, капитана Бабайлова Павла Константиновича, оказавшегося в плену у гитлеровцев в ноябре 1943 г. Воздушные бои шли за наш город и Крым, в одном из них был подбит самолет командира авиаэскадрильи 163-го истребительно-авиационного полка 229 ИАД Бабайлова П.К.

Оказавшись на вражеской стороне в районе села Семь Колодезей, он был схвачен немцами и заключен в лагерь. Летчик стал писать записки в надежде, что через местных жителей его письмо попадет за линию фронта к своим. Уже были освобождены поселки Капканы, Аджимушкай, Баксы, бои шлы в районе Булганака, 21 ноября 1943 г. Бабайлов смог отправить очередное послание. Вот его текст (публикуем с некоторым сокращением):

«… Советский человек! Отошли это по почте п/п 21237 «К»… Командиру. Братцы, может попадет к вам в руки хоть это письмо. По первому – моих вещей не найдете, я их перепрятал. Найдите их так: на самом западе четвертого квадрата (карты) Керчи есть один курган, на нем воронки, штук шесть. Так в нижней, что к востоку, найдите присыпанной гильзу снаряда, и в гильзе партбилет в портянке, удостоверение личности, летная книжка, пистолет, все ордена.

Это пишу вам уже третье письмо. В плен попал после тарана, фашист упал, но я тоже сел на пузо. Машину от удала раскололо. Пока отстреливался, спрятал документы. Стрелял так, что и на себя не оставил пулю. Я несколько фашистов уложил, но

они меня мало били, а стали сразу фотографировать возле самолета, полагая, что все «звездочки» на нем – мои… Так за это возятся со мной, кормят, лечат, хотят отправить в Берлин, на трофейную выставку. Я над фашистами смеюсь, посылаю их матом. Если так не сбегу и отправят все же меня самолетом, то я по дороге выпрыгну – лучше разобьюсь, чем дать фашистам посмеяться надо мной.

Так что во мне не сомневайтесь, я до конца, как и все однополчане – наш, советский, коммунист. До последнего вздоха с вами, за Родину, за Сталина. Верю, что скоро Крым будет наш и будет свободной вся наша советская земля.

Сегодня видел, как бьете вы немцев, бомбили так, что под ногами тряслась земля. У фрицев паника, а я танцевал от радости. Чуть не удалось убежать, если бы еще побомбили дальше – и сбежал бы…

Герой Советского Союза П.К.Бабайлов

Когда возьмете Крым, то найдите все мое, особенно партбилет и ордена. Боюсь, что вы меня посчитаете трусом, а не таким, каким я был всегда с вами. Жалко, что не смогу с

вами полетать вместе. Я бил бы фашистов еще и не так. Отомстите им за меня. и моей жене скажите, что не был трусом. Считайте меня живым, с вами. Желаю победы. Ваш боевой друг П.К.Бабайлов».

Летчик-истребитель Бабайлов вырвался из немецкого плена, вернулся к своим через линию фронта уже спустя три дня, на лодке переправившись через Керченский пролив. До этого у него было на счету несколько вражеских самолетов, которых он «приземлил» в сражении 1942 г. за Крым.

29 декабря 1943 г. в группе из четырех истребителей под его командованием Бабайлов вступил в воздушную схватку с 17-ю немецкими самолетами. В бою он лично сбил одного. В сентябре 1944 г. он был представлен к званию Героя Советского Союза, на его счету было уже 27 побед в 417 боевых вылетах. Указ об этом в части получили 23 февраля 1945 г. Но герой не узнал об этом – 15 октября 1944 г. при выполнении боевого задания он погиб. Похоронен в районе гор. Замбров (Венгрия).

Наверное, так же верили в свое освобождение из подземной крепости заблокированные здесь оккупантами защитники Аджимушкайских каменоломен, так же надеялись, умирая, но не сдаваясь, что их чистые имена Родина не забудет.

Об этой эпопеи написано много. Поисковая работа на месте расположения гарнизона подземной крепости «Малые и Центральные каменоломни» Аджимушкая ведутся уже сорок лет. Многое удалось установить на основе документов и даже свидетельских показаний живых участников, которых еще в конце 20

века насчитывалось 120. А теперь и их, наверное, не осталось на белом свете.

В 2010 году газета «Московский комсомолец» напечатала статью Екатерины Петуховой «170 дней под землей». Это запись воспоминаний одного из тех мальчишек 1942 года, кто попал вместе с семьей в каменоломни, укрываясь от нашествия немецко-фашистских оккупантов, расположившихся в поселке Аджимушкай, и оказался свидетелем борьбы остатков войск Крымфронта, отрезанных от своей армии Керченским проливом. Тогда он был пятнадцатилетним Мишей Радченко. Он последним покинул каменоломни из числа гражданских лиц за месяц до того, как оборону держать уже было некому. То были воины из резерва Крымфронта, командовал ими Павел Максимович Ягунов, полковник с довоенного времени. Они получили приказ прикрыть отступление и переправу частей трех армий, вернее – того, что от них осталось. И были отрезаны от побережья пролива, после чего ушли в подземные выработки.

М.П.Радченко. 2010 г.

Гражданские люди уже были там вместе со скарбом и скотиной. Первый раз фашисты вкачали газ в штольни 23 мая 1942 г., предлагая всем выходить. Часть народа и воины вышли наверх. Второй раз газовая атака была 28 мая.

Тогда почти все гражданские покинули подземелья, в том числе и родня Миши Радченко. Осталось мирного населения человек 15, а военного около 3 тысяч. Парнишка прибился к штабу обороны и стал выполнять обязанности солдата: стоял на посту, ходил на разведку обстановки. Потом немцы заблокировали все входы и лазы, уже невозможно было приносить от колодцев воду и из поселка – продукты. Самое трудное было – это отсутствие воды. Чего только не пришлось придумывать бойцам, чтобы добыть живительной влаги: губами слизывали конденсат на камне, сосали места скопления капель, втягивали трубочками из дырочек в камне. Потом пробили 15-метровый колодец.

Надежда на спасение своими войсками при десанте с Тамани теплилась у аджимушкайцев до 3 июля 1942 г., когда рации приняли известие о падении Севастополя и прорыве немцев под Ростовом к Сталинграду.

Продуктов не было, добывали молодую траву и ели. Немцы всеми силами старались сломить сопротивление гарнизона. Подземный отряд выходил в боевое соприкосновение с противником, нанося ему ощутимый урон. При взрыве боеприпаса в штабе гарнизона погиб полковник Ягунов.

За несколько месяцев травли газом, отсутствия света, воды, пищи люди уже привыкли к этому аду. Начались взрывы кровли посредством бурения скважин под тротиловые шашки. По звуку бура люди определяли, где произойдет взрыв и обрушение камня, вовремя покидали это место.

Все защитники постоянно испытывали озноб от сырости и температуры + 7 градусов. От голода люди

готовы были грызть конские копыта, оставшиеся и зарытые в первые недели обороны, даже резину, чтобы обмануть желудок. Умерших зарывали тут же в братских могилах. К 26 сентября 1942 г. военных в гарнизоне оставалось не более 20 человек. Мише приходилось часто стоять на посту, охраняя лаз от непрошенных гостей. В один такой день к нему подошел комиссар гарнизона Иван Павлович Парахин и сказал: «Миша, ты сегодня должен покинуть каменоломни. Ты должен добраться в лес к нашим партизанам. Может быть, ты останешься жить».

Михаил Петрович Радченко понял позднее, что комиссар просто пожалел его и решил попытаться сохранить жизнь подростку. Ему дали с собой сахару, денег и выпроводили наружу. Буквально через два дня «стараниями» соседей Миша был опознан оккупантами и отправлен в гестапо, а оттуда в керченскую тюрьму. На его счастье 35 жителей Аджимушкая подписали обязательство взять парня на поруки: если бы он сбежал, всех бы расстреляли. Потом был концлагерь, здесь надо было резать камень. После освобождения нашими войсками восточной части Керченского полуострова в ноябре 1943 г. Михаил Радченко добровольцем попал в роту связи ВНОС, став бойцом Красной Армии…

На месте одного из входов в подземные выработки Больших каменоломен сейчас высится Мемориал защитникам Аджимушкайского гарнизона, а в подземелье устроен мемориальный комплекс, воспроизводящий в натуре жизнь, борьбу и гибель героических людей, которым досталась такая необычная судьба.

Гарнизон погиб, выполнив свой долг. Его участники заслужили того, чтобы им отдали почести и наградили хотя бы посмертно.

За годы, что существует музей обороны Аджимушкайских каменоломен, здесь побывали миллионы людей, среди экскурсоводов музея-заповедника на общественных началах водил под землю посетителей ветеран Великой Отечественной войны Михаил Петрович Радченко. По крайней мере, так было десять лет тому назад. Как он там сейчас, в своей хатке, не забывают ли его навещать три дочери, пятеро внуков и столько же правнуков? Мы были с ним коллегами целых 13 лет. Снимаю перед ним кивер…

Каких только необычных историй из жизни наших земляков-керчан не удалось мне услышать в период работы над темой «Керчь военная» в 90-х годах 20 века. Некоторые просто поражают своей драматичностью и многогранностью сюжета. Не могу обойти молчанием одну из них, вот эту, несущую на себе налет мистики. У этой необычной истории как бы несколько авторов и нет окончания. Свидетели и невольные участники тех событий, о которых хочется поведать, возможно, и ныне живут или раньше проживали в Керчи, Владивостоке, Симферополе, других городах.

Речь идет о Людмиле Антоновне Черниковой – участнице сопротивления в Керчи летом и осенью 1943 г., - и ее семье. О боевых делах против немецко-фашистских оккупантов группы Алексея Стрижевского, в которую входила Людмила Черникова, начиная с 1958 г., писал неоднократно керченский журналист

В.В.Биршерт. В его публикациях о личности и роли Черниковой в делах группы патриотов-комсомольцев отведено немного места. Может быть другой информации и не нашлось тогда. Дополняю своим материалом теперь, спустя годы. Много лет прошло со времени тех встреч, которые помогли мне как бы заново переосмыслить все, что стало известно и было написано о Миле Черниковой. Так ее всегда называли в семье, таким именем будем называть героиню и мы.

Вот что я узнал в 1999 году из рассказов нескольких членов семьи Черниковых. Вспоминает Нина Дмитриевна Ганичева – двоюродная сестра Милы: «До войны я жила вместе со своими родителями в пос. Капканы. Мой отец – Дмитрий Петрович и мать Милы – Прасковья Петровна – родные брат и сестра. Отец Люды – Черников Антон Иванович был моряком. В семье был еще сын - Евгений, 1917 года рождения. В Керчи проживал в конце 90-х годов его сын Александр Евгеньевич с женой Тамарой.

С Милой, хотя она была старше меня (она родилась в сентябре 1920 г.), мы часто общались, я бывала у них в доме по ул. Петра Алексеева. Это был собственный дом Петра Ивановича Нечистенко – отца Прасковьи Петровны (дом был снесен при устройстве «ковша» КУОРа – рыбохозяйственной организации периода 1960-2000 г.г.). Петр Иванович во вторую немецкую оккупацию был ими расстрелян за отказ эвакуироваться в Джанкой.

Это была очень крепкая и интересная семья. Жили они в достатке. Дядя Антон до войны ходил в загранплавание на торговых судах. Он был кочегаром,

хорошо зарабатывал. В комнатах была добротная красивая мебель, много хороших вещей. Но не это отличало родителей Милы, они сами по себе были привлекательными людьми. Дядя Антон был авторитетной фигурой на флоте в Керчи. Впоследствии я узнала от знакомых, что еще в довоенные годы он выполнял задания разведывательных органов в период командировок за границу.

Тетя Паша – мать Милы, была, если применять нынешнюю терминологию, экстрасенсом или астрологом, умела гадать, предсказывать события, могла «заговором» помочь в болезненном состоянии души и тела человека. Тетя Паша была родом из г. Чегирин Полтавской обл., их семья в 20-х годах переехала в Керчь. Сколько я ее помню, Прасковья Петровна была очень доброй, гостеприимной хозяйкой. Аккуратная, вкусно готовила, могла красиво накрыть стол.

Люди к ней приходили за советами, она очень чутко относилась к окружающим. Мила была вся в нее. Когда училась, помогала отстающим, неспособна была оставить человека в беде. Тоже – аккуратная, следила за собой, фигура у нее была красивая, роста высокого 170-175 см. За два года до начала войны Мила окончила 10 классов в школе им. Короленко, поступила в Симферопольский мединститут на стоматологическое отделение. Хорошо знала немецкий язык. Вообще была девушкой развитой, общительной, играла на рояле, пела, была всегда в центре внимания молодежи.

В начале войны Мила приехала в Керчь. Когда стали бомбить центр города, она перебралась к нам

в Капканы, так как очень боялась бомбежек. Когда первый раз на полтора месяца немцы оккупировали город, Мила почти не появлялась на улице или одевалась «старухой», чтобы не бросаться в глаза. Во вторую оккупацию Мила изменила прическу, чтобы не выделяться, носила только одно и то же платье. Мне было 12 лет, и я помню, что когда Мила работала в Керчи на бирже труда, к ним в дом приходили немецкие офицеры».

На этом прервемся в рассказе Н.Д.Ганичевой и обратимся к письму Елены Алексеевны Черниковой, первой жены брата Милы – Евгения Антоновича: «Мы с Милой одногодки, но видеть ее лично – я не видела, будучи жительницей Владивостока. О ее деятельности я узнала от ее мамы, а также от керчан, которые ее знали и очень хорошо отзывались… Мила осталась в оккупации в Керчи. Как попала она на биржу труда? Мне помнится, что ее устроила Валя Стрельникова, которая работала на мясокомбинате переводчицей и была соседкой по улице , где жили Черниковы… Когда Мила поступила на работу на биржу труда, она была связана с немецкими пропусками. Стрижевский Алеша руководил, кому что надо достать из документов, кого устроить на работу. Мила снабдила документами и раненого летчика, которого переправили затем в Мариуполь.

… В тот вечер ее увезли, забрали якобы всех, 60 человек… Мама Тамары Клоконос (*член группы Стрижевского, примеч. Л.В.*) узнала, что их повезли в совхоз «Красный» под Симферополем. Она каким-

то путем добралась туда… Увидела Тамару и Милу, но только издали. Со слов тети Паши, ее племянник в Симферополе в то время работал в депо. Когда пошел слух, что будут грузить пленных, он побежал туда и услышал, что кричала Мила: «Керчане! Керчане! Кто-нибудь здесь есть? Передайте, что нас грузят на БДБ (*быстроходные десантные баржи в составе ВМФ Германии, примеч. Л.В.*) и отправляют в Констанцию!» Вот так и все о Миле!». На этой фразе воспроизведение воспоминаний Черниковой Е.А. закончим.

Вернемся к рассказу Н.Д.Ганичевой: «Как потом, уже после войны, говорили горожане, среди немецких офицеров, приходивших в дом Черниковых, были наши разведчики из разведотдела Черноморского флота, переодетые в немецкую форму или служившие в немецкой администрации. Когда Милу и ее группу арестовали оккупанты, эти офицеры якобы вывезли ее вместе с другими в Симферополь, где из гестапо смогли ее спасти, используя свое положение в немецких органах. Бытовала версия, что Мила не расстреляна и оказалась после 1948 г. за границей, пройдя соответствующую подготовку в СССР. О том, что она была жива уже после войны говорит такой факт: примерно, в 1948 г. Черниковы получили открытку с изображением картины «Сирень над скамейкой», а текст был вписан так, как бы в саму картинку. Он содержал поздравление Жени – брата Милы. Открытка была без обратного адреса с почтовым штемпелем «Керчь-2», текст выполнен черными чертежными буквами. Все родственники Милы в Керчи признали, что это ее почерк: так она могла писать, когда хотела добиться четкости в письме.

Именно эту открытку, как мне известно, вместе с другой запиской от Милы, переданной ею еще в период пребывания в немецком карательном органе для тети Паши, положили в гроб последней, когда хоронили Милину маму – Прасковью Петровну в 1987 году…

Было еще несколько версий о пребывании Милы в Крыму уже после окончания войны. Несколько жительниц Керчи, мужья которых отступили с немцами, после освобождения города вызывались на допрос в органы НКВД в Симферополе, при этом с ними общалась и спрашивала о Керчи сотрудница в военной форме, в которой эти керчанки якобы узнали Милу и рассказали об этом тете Паше».

Как далее рассказала Нина Дмитриевна Ганичева при нашей с ней беседе в феврале 1999 г. (в 2014 году ее не стало), после 1948 г. периодически Прасковья Петровна по неизвестным каналам получала письма, которые давали повод для уверенности, что ее дочь Мила жива, находится за границей, живет в роскоши, имеет массу слуг в собственном поместье. Тоскует о родине и надеется на встречу после того, как ей будет разрешено. До самого смертного часа тетя Паша – Прасковья Петровна Черникова верила, что дочь жива, приедет навестить свою мать. С тем и умерла, наказав положить в гроб все, что напоминало ей о Милочке. Эту последнюю волю страдалицы выполнила Тамара – супруга внука тети Паши.

Родные и близкие всегда знали, что те послания сочиняет одна из родственниц Прасковьи Петровны, чтобы поддержать у нее волю к жизни, облегчить ее нравственные муки и укрепить надежду на встречу с дочкой на том свете. Кто их осудит?

Трудно сказать, что было гуманнее в той странной истории: сорок лет продолжать мистификацию (в духе экстрасенсов и астрологов?) с существованием благополучно бодрствующей дочери, но почему-то не торопящейся к встрече с родительницей, иссохшей в ожидании своего дитя; или же дать возможность, наконец, зарубцеваться кровоточащей ране на сердце старенькой матери, которая могла бы в храме ставить по церковным датам свечку за упокой своей девочки?

Группа А.Г.Стрижевского, в состав которой входил его отец – Г.С.Стрижевский, А.А.Архангельская, Н.М.Гвоздева, ее дочь Н.Гвоздева-Кобзева, Т.А.Клоконос, В.Г.Сапсай, Л.А.Черникова, С.Н.Чиж распространяла листовки и сводки Совинформбюро, снабжала фиктивными справками о состоянии здоровья молодежь, подлежащую отправке в Германию; организовывала побеги военнослужащих из плена, переправляя их через пролив, вела диверсионную работу: взорвала склад с боеприпасами на Широком молу и устроила крушение воинского эшелона на станции Керчь-2. В сентябре 1943 г. выданные агентом немецкой контрразведки все они были арестованы, некоторые были расстреляны на территории совхоза «Красный» под Симферополем. Судьбы и имена многих остались неизвестными.

На острие «меча»

С группой Стрижевского связан был партизанский отряд из числа военнопленных, укрывшихся в каменоломнях пос. 3-й Самострой в Аджимушкае.

Назывался отряд «Красный Сталинград». Здесь собралось до 20 военнослужащих. Сюда же вошло несколько местных жителей из числа молодежи. Отряд занимался сбором оружия, распространением листовок. Постепенно численность отряда достигла 46 человек. Этот период - август-октябрь 1943 г. - характерен совершением боевых вылазок с нанесением незначительного урона врагу.

После высадки нашего десанта в начале ноября 1943 г. отряд активизировался: уничтожено несколько транспортных средств отходящих через Аджимушкай немецких подразделений, убито небольшое число солдат и офицеров (цифра весьма неопределенная, как выяснилось впоследствии).

Казалось бы, люди в тех обстоятельствах делали свое дело, выполняя долг советского человека, оказавшегося перед лицом смертельной опасности и противостоявшего врагу.

Но порой жизнь подбрасывает такие сюжеты, что невозможно не взять в руки перо, чтобы поведать о событиях, напоминающих эпопею «Хождение по мукам». К сожалению, наши главные герои - действующие лица, были далеки от ведения каких-либо записей, подобных мемуарам, и рассказывать о своих страданиях они были не расположены долгие годы, а сейчас на склоне лет, многое выветрилось из памяти. Многое. Но не все.

…11 ноября 1943 г. освободители Крыма с боем ворвались в Аджимушкай. Уцелевшие жители спешили им навстречу, покидая подземелья каменоломен, ставших для многих единственным местом, где

можно было сохранить жизнь в условиях фашистской оккупации.

Среди тех, кто обнимался с воинами 696-го стрелкового полка 383-й СД, освободившей поселок, были братья Блохины – 19-летний Дмитрий и 14-летний Михаил. Оба избежали немецкого рабства и, к счастью, не оказались в числе заложников в летние месяцы 1943 г., уйдя тогда же в партизанский отряд «Красный Сталинград», который собрали в Аджимушкае и 3-м Самострое бывшие военнопленные.

Партизаны “Красного Сталинграда”, Д.С.Блохин (стоит справа). 80-е годы

Уже 12 ноября по распоряжению командования дивизии часть мужчин призывного возраста из числа ранее пребывавших на оккупированной территории

была направлена в г. Темрюк на госпроверку. В составе этой группы оказался и Митя Блохин. Люди понимали необходимость такой процедуры. Ведь немало было случаев, когда какой-нибудь сосед или даже кум патриота отправлял того под расстрел, оказавшись пособником жандармерии либо агентом гестапо.

В Краснодаре человек сорок проверяемых керчан включили в эшелон, который направлялся в город Кизел Молотовской обл., где, как, оказалось, был один из фильтрационных лагерей НКВД. В лагере проверяемые работали в шахте, потом на лесоповале.

Как-то Блохина вызвали в комендатуру, где старший лейтенант-комендант объявил ему: «Из Керчи пришел вызов, приказано тебя этапировать туда». Дмитрий принял это известие спокойно, ведь в Крыму его знают как партизана, там быстро разберутся. Таких, как он в отряде «Красный Сталинград» было более 40 человек, и многие остались на месте вне подозрений. В пути в Керчь, в городе Молотове, присоединилось еще человек пять из их отряда. А дальше начались кошмарные дни и ночи допросов и истязаний. Содержали в тюрьме на ул. Кирова. Арестованные доставлялись в здание на углу улиц Советской и нынешней Самойленко.

Здесь «царствовал» следователь с погонами старшего лейтенанта по фамилии Сливин: «Расскажика, как был завербован гестапо, когда жил под оккупацией?» - «Я был партизаном, а не немецким прихвостнем». – «Что ты мудришь, немецким агентом был?» Дмитрий Савельевич, повествуя об этих допросах почти шестидесятилетней давности, не может унять дрожь пальцев на правой руке (левую он

потерял в лагере при гангренозном воспалении осколочной раны, полученной в Аджимушкае в 1943 г.).

Уже в 1959 г., будучи в гостях у своей тетки – сотрудницы правоохранительных органов (она служила в Сталинградском облсуде), он узнал, что тогда, в 1943 г. был циркуляр Берии, по которому лица, находившиеся на оккупированной территории, подлежали преследованию. Глава карательного аппарата тогда писал: «Лучше арестовать 100 невиновных, чем отпустить одного виновного».

Как полагает сам Блохин, следователю Сливину очень хотелось оправдать надежды своего высшего начальства в «очередном» разоблачении участников так называемых «лжепартизанских отрядов», создававшихся немцами на Украине и в Крыму. Всего советскими органами тогда было арестовано 12 бывших партизан из названного отряда. Всех их на допросах били.

Дмитрий Савельевич вспоминал, как терял сознание при ударах в солнечное сплетение: «Очнусь во дворе, во рту снег с песком. Рядом стоит солдат, говорит: «Вот так всегда, я с ним с самого Ташкента». В тюрьме при помывке в бане меня осмотрел врач. Спрашивает: «Что это за синяки на теле?» Отвечаю: - «Так ведут следствие». Врач, видимо, поднял этот вопрос у начальства. А мне дали трое суток карцера, поместили раздетым на цементном полу, без пищи. Спасли меня от воспаления шерстяные носки на ногах. На третий день заводят к следователю. Сидят Сливин, Вайсман, Мойсевич – молодой парень (он раньше на допросах говорил мне: «Что ты уперся, подпиши

протокол. Уже все известно, что вы все ни при чем. Но надо подписать: раз сюда попал, срок получишь – такой закон»). В этот раз на столике чай, булочка: «Подпиши и будешь отдыхать».

Потом узнал, что было написано, - «агент», «лжепартизанский отряд», «работал на врага». Я двинул стол, все полетело прочь: - «Я на себя такую пакость подписывать не буду». Опять удары, падение, потеря сознания, двор, снег с песком во рту».

Так продолжалось почти два месяца. Судила их «тройка» в комнате на втором этаже в помещении НКВД. Процедура проходила в два приема – сначала одну группу осудили, потом – вторую. Дмитрию Блохину дали 20 лет каторжных работ. Из Симферополя в марте или апреле 1945 г. этапом отправили в Тайшет под Иркутск. Попал в режимный лагерь № 57. Здесь был до августа 1945 г., а потом весь Тайшетлаг перебросили в Джезказган, Акмолинск на рудники, карьеры. Далее был Спасск, Темиртау, Караганда. Здесь, в начале 1956 г. Блохина вызвали, сказали, что он реабилитирован.

Д.С.Блохин. 80-е годы.

Просидел Дмитрий Савельевич 11 лет, 3

месяца, 9 дней. Документ о невиновности содержит формулировку – «за отсутствием состава преступления». В этом же документе фамилии всех 12 человек. Из них в живых тогда (в 2001 году, когда записывался этот грустный рассказ невинно пострадавшего патриота) оставались один мужчина – Дмитрий Савельевич Блохин, и одна женщина – Александра Пантелеевна Гуманенко.

В конце шестидесятых годов в Керченском горвоенкомате Блохину вручили боевую медаль – «За отвагу». Его брат – Михаил Савельевич за участие в партизанском отряде «Красный Сталинград» был награжден медалью «За боевые заслуги». Такие же награды заслужили другие участники этого отряда. Таков вот сюжет…

Родина извинилась за ошибки своих следователей. Но ведь цена этой ошибки – одиннадцать лет, вычеркнутых из жизни человека. Дорогая цена, мой, достойный светлого будущего, молодой читатель! Что ж, ради правды и справедливости, надо сказать здесь, что не из подлецов и карьеристов состояли наши контрразведывательные органы. Да, как выяснилось, были такие Сливины, но были и Поляковы (о нем я поведал в главе VII с подзаголовком – «Страницы минувшего»), и их было гораздо больше. Иван Александрович Поляков в составе оперативно-чекистской группы Управления НКВД Крыма при оставлении нашими частями в мае 1942 г. Керченского полуострова на плоту переправился на косу Чушка, а оттуда – в Темрюк. Он вспоминал в 2002 г.: «17 мая 1942 г. я получил приказ от руководства Краснодарского краевого Управления НКВД: с группой чекистов

из 5 человек и со взводом бойцов из 72-й Кубанской кавалерийской дивизии организовать на развилке дорог – Славянская – Крымская – контрольно-пропускной пункт. Надо было собирать людей из числа разрозненных групп и подразделений наших частей, формировать из них во главе со старшим маршевые команды и направлять по маршруту в армейский пункт сбора».

Когда нашими войсками в начале октября 1943 г. был очищен от немцев Таманский полуостров, в Темрюке была вновь сформирована оперативно-чекистская группа НКВД Крыма. Иван Александрович вошел в нее. На пятый день после начала нашего десанта на Крымский плацдарм как хорошо знающий Керчь и ее окрестности он был направлен через пролив катером военной разведки. Высадились в районе Опасной. Целью было – обезопасить наши части от действий диверсантов и террористов, а также заниматься немецкими карательными органами.

Группе контрразведчиков пришлось работать пять месяцев на передовой линии, которая проходила через Ново-Карантинную слободку, территорию совхоза им. Сакко и Ванцетти, хлопкозавода, по железнодорожной насыпи в сторону завода им. Войкова, западнее Аджимушкая и Юргакова-Кута. Со второй половины ноября 1943 г. группа базировалась в пос. Новая Дача. Выясняли обстановку вокруг Керчи, в городских районах. В Аджимушкайских каменоломнях собралось не менее 600 человек гражданского населения. В связи с постоянными обстрелами и бомбежками военное командование использовало каменоломни как места для укрытия войск и складов.

Надо было проверять посторонних людей здесь, особенно перебежчиков из занятой немцами стороны, чтобы не допустить враждебных актов. После 2 часов ночи 11 апреля 1944 г. старший лейтенант Поляков участвовал в мероприятиях по захвату вражеских агентов и их документов, войдя вместе с военными саперами в только что оставленный немцами наш город.

За боевую работу дважды орденоносец Иван Александрович Поляков также был награжден именным боевым оружием (пистолет ТТ), которое хранится в фондах Керченского музея-заповедника.

Повествуя о работе оперуполномоченного органов госбезопасности И.А.Полякова на Кубани по очистке фронтовой зоны от подозрительных лиц и праздно шатающихся без своих подразделений военнослужащих, я упомянул о взводе кавалеристов, составлявших заградотряд, которым руководили чекисты. Эта тема всегда будоражила воспоминания фронтовиков, порождая всевозможные домыслы и суждения. Поэтому не могу не высказать здесь своих убеждений в том, что, по большей части, суждения негативного толка о заградотрядах – результат вымысла недобросовестных воинов. Именно среди этой части фронтовиков до последних лет бытовало мнение, что заградотряды времен Великой Отечественной войны – это изобретение и «инструмент НКВД или «Смерш» («Смерть шпионам» - официальное название отделов контрразведки при штабах дивизий, корпусов, армий и центрального аппарата РККА).

Почему-то в популярной литературе до недавнего

времени не было четкой линии на эту тему, поэтому молодому читателю представляется, что якобы «стойкость воинов в боях обеспечивалась пулеметами заградотрядов, выставленных за спинами обороняющихся или брошенных в наступление» и что это были якобы чекисты, «готовые стрелять в своих». Глупость и навет!

В действительности сотрудники органов НКВД контролировали фронтовую зону. Ветеран войны керчанин В.Н.Козлов (о нем мы уже рассказывали выше) вспоминал, что в мае 1943 г. перемещаться по дорогам Таманского полуострова и далее – в сторону Ростова-на-Дону – можно было только при наличии специального пропуска. На всех дорогах и переправах, подходах к станциям действовали КПП с бойцами и офицерами. Специальные подразделения по прикрытию тыла войск из состава частей спецслужб (ГПУ, ОГПУ, НКВД) действовали еще со времени Гражданской войны 1918-20 г.г., в финскую кампанию такие подразделения заградительной службы проводили проческу местности от диверсантов и «кукушек».

В войне 1941-45 г.г. заградотряды как специальная служба были сформированы по приказу Верховного Главнокомандующего 28 июля 1942 г. В пункте 2-м в нем было сказано: «Сформировать в пределах каждой армии 3-5 хорошо вооруженных заградительных отрядов («ЗО») до 200 человек в каждом, поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии, расстреливать на месте паникеров

и трусов, и тем помочь честным бойцам дивизии выполнить свой долг перед Родиной».

Заград отряд («ЗО») – это отнюдь не войска НКВД, а инструмент командующего армией. В «ЗО» подбирались лучшие бойцы, награжденные орденами и медалями.

По мере развития боевых действий, менялись и задачи «ЗО». Так, отряд № 7 54-й Армии (а всего их здесь было восемь) состоял из 127 человек: 1-й автоматный взвод занимался охраной второго эшелона армии; 2-й автоматный взвод – охрана линий связи от 11-го корпуса до штаба армии; пулеметный взвод – в резерве командира «ЗО».

Заградотряды находились на удалении от передовой, прикрывая войска с тыла от диверсантов и вражеского десанта, задерживали дезертиров (которые, как известно, были в войсках), наводили порядок на переправах. Можно ли себе представить, что взвод пулеметчиков «ЗО» обеспечивал бы стойкость в обороне целой дивизии, нависая над ней, сидя за спиной целых полков, причем - сразу нескольких, растянувшихся на километры и километры окопов и ходов сообщения? Абсурд и воспаленное воображение!.

«ЗО» были расформированы в ноябре 1944 г., личный состав использовался для пополнения стрелковых войск. В конце войны на коммуникациях и вблизи госграницы были сформированы и несколько месяцев действовали этапно-заградительные комендатуры. В одной из них – ЗКЭТ-66 служил наш, уже знакомый земляк – Владимир Николаевич Козлов.

Личный состав – около 25 человек, обеспечивал по линии командования контроль за передвижением на ж.д. узле Бельцы (Молдавия). Проческа и проверка людей и грузов проводилась с участием сотрудников органов госбезопасности и милиции. Вылавливали «власовцев», бывших карателей, немецких пособников и агентов противника. В июне 1945 г. ЗКЭТ-66 была расформирована. Вполне понятно, что оперативной работой на КПП, в заградотрядах, на этапно-транспортном контроле могли плодотворно заниматься только сотрудники органов госбезопасности, закрепленные за такими армейскими структурами. Кому же еще быть на острие меча, как не им!

Когда линия фронта в конце мая 1942 г. установилась по южному побережью Таманского полуострова, вдоль Керченского пролива, операции сотрудников отделов контрразведки и территориальных органов были направлены на заброску к противнику на Керченский полуостров разведчиков и на поддержание связи с оставленными на оккупированной территории агентурными группами.

Такой же работой активно с мая по сентябрь 1942 г. занимались разведотделы (РО) штабов 47-й Армии и Керченской военно-морской базы (КВМБ). Таким подразделением, подчиненным временно РО-47, был ОП-1 (оперпункт). Одним из его сотрудников до середины 1942 г. был Степан Федорович Багнюк. (*О нем упомянуто ранее в главе V с подзаголовком «Чтобы помнили». Прим.Л.В.*). С ним мы познакомились летом 1997 года. Вот что он вспоминал: «В Красной Армии я начал служить в августе 1938 года. Был

курсантом Тамбовского пехотного училища. После выпуска в январе 1940 г. был назначен в распоряжение Военного Совета 9-й Армии на финском фронте и включен в отряд дальних разведчиков. Им командовал знаменитый впоследствии полковник Мамсуров (тот самый, что стал генерал-лейтенантом и руководил 5-м Управлением ГРУ Генштаба Советской Армии). В то время разведчики принимали и вторую присягу – под расписку. После окончания войны с белофинами я служил командиром взвода пешей разведки в 417-м сп 156-й СД в Одесском военном округе. В декабре 1940 г. меня направили в распоряжение Главного Разведывательного Управления (ГРУ) Красной Армии. Проходя подготовку, изучал немецкий и болгарский языки. Перед самой войной я получил назначение в Кагульский оперпункт, подчиненный РО штаба Одесского ВО.

С начала боевых действий в пределах округа под Одессой была сформирована Приморская армия Южного фронта. Начальник штаба армии получал информацию от нас из оперпункта. Мне, как помощнику начальника ОП-1 было приказано готовить людей для отправления и оставления на территории, занятой противником.

Я получил мандат, подписанный командующим Приморской армии генералом Чибисовым, дающий мне особые полномочия. В августе 1941 г. к нам прибыл Измаильский ОП-1. Начальник этого пункта проштрафился, на его место был назначен старший лейтенант Кваша, а я переведен к нему помощником.

В ОП-1 было около 30 человек. Начальником

радиостанции служил лейтенант Гаврилюк, помощником начальника – шифровальщиком был лейтенант Щеголев. На должность заместителя назначен ст. лейтенант Иван Смирнов. С переброской Приморской армии из Одессы в Крым наш ОП-1 прибыл в Симферополь. Из штаба Южного фронта поступил приказ нам передислоцироваться под Ростов-на-Дону, но в этот период начался отход 51-й Армии к Керчи, и нашему ОП-1 пришлось выходить на Кубань через Керченский пролив. В это время мы были переподчинены РО штаба 51-й Армии.

В Керчи ОП-1 располагался в большом многоэтажном доме на ул. Набережной. Всех жильцов отселили. Наш личный состав был обмундирован в пограничную форму. Среди персонала были люди из Керченской таможни – пограничники лейтенант Чашка и младший лейтенант Осыпа.

Моей главной задачей как разведчика являлось создание в тылу оккупантов сети надежных источников информации из числа местных жителей, заведомо остающихся на занятой врагами территории. В военкомате отобрал несколько десятков учетно-послужных карточек на радистов, со многими провел знакомство и беседу, остановился на четверых. Особое внимание привлекла радистка из Керченского рыбтреста. Последующие два дня я употребил на более детальное знакомство с ней, побывал даже у ее родителей. Она согласилась стать зафронтовой разведчицей, дала подписку, приняла присягу, выбрала псевдоним «Тоня» для связи с разведцентром. Это была Женя Дудник. Свое внимание на ней я остановил

из соображений конспирации – кто мог заподозрить девятнадцатилетнюю девушку в принадлежности к военной разведке. Я учел ее боевой характер, уверенность в себе, а главное – принял во внимание ее практическую подготовку как радиооператора.

…На этой территории радисткой оставалась только Женя Дудник. Правд, радиостанцией она «обеспечена» не была: в начале войны новая техника еще не поступила в армию, а старые рации были сняты с вооружения или оказались тяжелыми, громоздкими и требовали много питания, хотя работали также на отраженных волнах.

Женя должна была ожидать доставки рации и батарей питания. А до этого ей предстояло собирать данные о войсках противника и их передвижении в Керчи. Связь по паролю – через связника. Других негласных сотрудников разведки она не знала, и выйти на связь с оперпунктом самостоятельно не могла.

Когда в декабре 1941 г. командованию 51-й Армии потребовались данные о Керченской группировке войск противника, я лично связался с «Тоней». Она доложила о наличии немецких и румынских частей, о малочисленности авиации на аэродромах, о действии партизан и о фактах расстрела мирных жителей оккупантами. В ту же ночь я вернулся на побережье Азова и тем же путем возвратился к своим в Темрюк, где с момента эвакуации с середины ноября 1941 г. располагался ОП-1. Дело в том, что выполнить приказ следовать в Ростов-на-Дону в штаб Южного фронта мы в этот период не могли, т.к. по приказу представителя Ставки – Кулика капитан Кваша и его подчиненные были назначены в комендатуры или КПП, которые

должны были задерживать и определять в части всех «болтающихся».

После освобождения нашими частями Керченского полуострова в начале января 1942 г. начальник РО штаба 51-й Армии подполковник Шилов приказал переправиться в Керчь и с отходом немецких войск вглубь полуострова отправлять туда же наших людей.

Женю Дудник я не встречал до середины мая 1942 г., когда наших войск, кроме Аджимушкая, в Керчи уже не было. В этот период у меня возникли осложнения по службе, не связанные с основной работой. По приказу Шилова я был отстранен от выполнения служебных обязанностей, находился в распоряжении Военного Совета армии. Пришлось участвовать в действиях заградотряда, состоявшего из батальона парашютистов-десантников и пограничников. Обеспечивали переправу на Еникале.

В пос. Маяк удалось попасть ночью на катере, который шел на Кубань. Прибыл я в Темрюк, в резерв. Потом в Краснодаре разобрались по документам, что я разведчик, и меня назначили снова в мой ОП-1. А в Темрюке состоялась моя встреча с Женей Дудник, она бросилась ко мне на шею от радости. Выяснилось, что наши вывезли ее еще раньше, в ОП-1 она проходила подготовку по специальности радистки, ее наставником был лейтенант Гаврилюк, а по шифработе Женю учил лейтенант Щеголев.

Через неделю я вновь был выведен в резерв и назначен в РО 47-й Армии. Подготовил для заброски в Одессу разведчицу Бутенко Елену. Она стала героиней, ее имя есть в музее в Одессе.

С середины 1942 г. заброской дальних разведчиков – патриотов из числа гражданских лиц стали заниматься не армии, а только разведотделы фронтов. Я уехал в Ташкент, в Академию им. Фрунзе, которая находилась здесь в эвакуации. Потом переехал в Москву. После учебы был на должности помначальника разведки 16-й дивизии ВДВ. В 1959 г. в Москве окончил высшие академические курсы. Здесь встретился с Гаврилюком, который к тому времени тоже был подполковником. Он рассказал, что Женя Дудник им была подготовлена, заброшена в Керчь, что в 1942 г. ее расстреляли немцы.

О ней осталось впечатление на всю жизнь – было что-то притягательное в Жене как личности. Кроме нее и другие девушки прошла перед моими глазами, пока готовили людей для заброски. Может быть они тоже погибли. Но мне особенно приходится тяжело, когда я вспоминаю, что «крестным отцом» в разведке у Жени Дудник был я, а она и ее семья погибли».

Они не любят рассказывать о себе, но все же иногда человеческая память просится выплеснуть наружу то, что когда-то было глубоко запрятано приказом, присягой или собственным осознанием разведчика.

Я вернусь к рассказу о деятельности группы Жени Дудник чуть ниже. А сейчас обратимся к истории разведчицы Елены Бутенко, другой воспитанницы Степана Федоровича Багнюка, с которым мне вновь довелось пообщаться в 1998 г., когда ему было уже 80 лет. Тогда он и рассказал об этой девушке:

«Осенью 1942 г. я был переведен в распоряжение штаба вновь созданной 58-й Армии Закавказского фронта и работал в 3-м отделении разведотдела

армии, получив приказ готовить людей из числа гражданских жителей для агентурной работы в тылу врага. Занялся этой работой в г. Буйнакске. Здесь мне встретились эвакуированные женщины, среди которых была Елена Бутенко из Одессы. Я взял ее с собой в составе разведподразделения для дальнейшей работы. В Махачкале полковник Смирнов из ГРУ принял решение готовить Лену для заброски в оккупированную Одессу. Ее отправили в Тбилисси для подготовки. Потом она мне написала из Поти, что ее готовит наставник по фамилии Семенов, что ее на подводной лодке под фамилией «Багнюк» перебрасывают для негласной работы.

Когда я служил в составе 15-го воздушно-десантного корпуса, меня послали в командировку в Одессу. Здесь я узнал, что Лена, как героиня, отмечена правительством, а материал о ней находится в местном музее. В 1942 г. ей было 19-20 лет».

А вот рассказ самой Елены Николаевны Бутенко, 1922 г.рождения, кавалера ордена Красной Звезды, резидента разведывательной группы РО штаба Отдельной Приморской Армии, проживавшей в 1955 г. в Ольшанском районе Одесской области: «До войны я работала воспитателем в яслях, была в войну сандружинницей. Эвакуировались в Дагестан. Начну рассказ с ноября 1942 г. Ночь. Внезапно приезжает майор Мерцалов, с ним два подполковника – «В Одессу хотели бы попасть?» - «Конечно!» - «А не страшно?» - «Нет». На другой день - путь в Грозный, после этого – ряд городов, томительное ожидание. Наконец, лето 1943 г., попадаю к капитану Семенову. На другой день

меня знакомят с веселой девочкой Надей. Она - моя радистка. Надя Одессы почти не знает. Начинаем усиленно ее изучать. И вот Одесса изучена. Все знаем назубок. В один из дней Сергей Михайлович приходит с торжественным видом: через день летим. Подписывают приказ. Основной упор командование делает на порт.

22 сентября 1943 г. – вылет. Засыпаю в самолете. Через некоторое время меня будит капитан. Оказывается, прилетели. Прощаемся. Надя идет первая, я за ней. Приземлились. Освобождаюсь от парашюта. Разыскиваю Надю. Утром нас останавливают жандармы. Мы откупаемся и уходим. Нас останавливают опять, дело кончается сигуранцей (румынская контрразведка) в Одессе. Суд. Дальше лагерь в Тирасполе, оттуда мы, спустя полгода, уходим за две пары часов.

В Одессе в течение нескольких дней мы устроились с квартирой, успели привезти и определиться с радиостанцией… Я решила завербовать в нашу группу соответствующего человека из морского порта, знающего обстановку и близкого к начальству. Случай не заставил себя долго ждать. Весовщик Ильенков Михаил Николаевич с первого дня включился в работу. Контролировалось абсолютно все: прохождение судов, следовавших через Одессу, порт, переброска войск по железной дороге. К этому времени я работала в диспетчерской портовой железной дороги. Через некоторое время мы узнали, что немцы собираются взорвать весь порт, и встал вопрос – как его спасти. Через наших людей в ночь на 2 апреля 1944 г. были перерезаны электрические провода на причалах.

Не могу еще не вспомнить радистку Надю Зайцеву (в Одессе имя ее было «Машенька»), которая одна закрывалась в комнате и по 4 часа сидела в эфире, передавая сведения об Одессе, о порте, рискуя каждую минуту быть запеленгованной или вообще застигнутой на месте «преступления». Благодаря переданным радиограммам авиация в Черном море потопила большое количество судов, транспортов и барж противника с войсками, вооружением, продовольствием.

Наблюдение я вела с Ильенковым и привлеченными грузчиками порта – Павленко Кириллом Федоровичем и Клицким Станиславом Иосифовичем. Жила я с Надей по ул. Победы, 8, кв. 19. Радиостанция находилась там же. Конспирация у нас была настолько хороша, что никто из посторонних не знал до нашей демобилизации из армии».

До апреля 1944 г. группа Бутенко смогла передать в ГРУ ГШ РККА 350 радиограмм о немецких гарнизонах в Одессе, Николаеве, Тирасполе.

Она осталась жива и увековечила свое имя в Одессе, а вот Евгения Дудник погибла на боевом посту. Почему я так подробно остановился на работе этой воспитанницы Багнюка С.Ф., действовавшей в Одессе и не имевшей отношения к Крыму?

О Дудник Е.Д. есть большой материал, в том числе опубликованный мною в 2007 г. в Симферополе в журнале «Историческое наследие Крыма» № 19. Но теперь вот мне захотелось вернуться к описанию работы разведчицы Дудник Е., чтобы в некоторых деталях сравнить условия деятельности резидентуры «Тоня» и группы Бутенко.

Приковывает к себе внимание вопрос о работе их радиостанций. Из архивов ГРУ ГШ МО СССР известно, что начало передач радиофицированной резидентуры «Тоня» датируется 27 мая 1942 г. С этого дня в течение месяца Женя выходила на связь 38 раз и передала 27 радиограмм. Это значит, что остальные десять сеансов шли на прием. Уточним: 19 июня прошла радиограмма под № 29. В июле было 30 сеансов с передачей 29 радиограмм. Значит, сеансов связи у Жени было, как правило – один в день, и лишь иногда два и три. Конец работы радиоточки «Тоня» датирован 7 августа 1942 г. Есть моя версия, что последние несколько августовских сеансов Евгения Дудник проводила под непосредственным контролем немецкой спецслужбы, после чего разбила рацию и этим сорвала радиоигру противника.

Итак, за два месяца радиообмена «Тоня» на передачу работала около 70 раз и была как-то засечена и арестована гитлеровцами. А вот Бутенко Елена за пять с небольшим месяцев (с начала ноября 1943 г. по апрель 1944 г.) подготовила, а радистка Надя Зайцева передала 345 или чуть больше радиограмм. Получается – за 175 дней работы одесских разведчиц интенсивность радиообмена была в два раза выше, чем у резидентуры «Тоня». А значит, вероятность быть запеленгованной у Жени Дудник была в два раза ниже. Она мастерски владела радиопередачами в скоростном режиме, выходя в эфир буквально на минуты. На связь выходила каждый раз из других точек на местности, чем, безусловно, затрудняла работу немецких (а может быть – румынских)

радиопеленгаторных станций.

У Бутенко Елены в воспоминаниях говорится, что Н.Зайцева («Маша») «по четыре часа (подчеркнем это) сидела в эфире, передавая сведения…, рискуя быть запеленгованной». И вот обошлось же все благополучно, если сравнить с судьбой Жени Дудник…

Невольно возникает мысль, что провал «Тони» был обусловлен не успехом технической контрразведки противника, а выдачей кем-то самого существования группы «Тоня». Ее просто выследили наружным наблюдением и захватили с рацией где-то на пути к месту радиообмена. Иначе Женя успела бы разбить рацию и уничтожить документы кодовой связи.

И теперь вопрос о конспирации. Если радистка «Маша» выход в эфир осуществляла неизменно из одного места – из их квартиры и, тем не менее, оккупанты не засекли работу рации, то скоротечные сеансы «Тони» из разных кварталов в районе горы Митридат вряд ли могли вывести вражескую радиоконтрразведку на ее группу. Тут дело, видимо, сложнее. Из архивных документов РО штаба 47-й Армии известно, что в условиях, когда в мае-июне 1942 г. резидентура «Тоня» была единственным источником информации в ОП-1 (а вопросов у командования армии возникла масса, и самых разных, особенно - готовятся ли немцы к десантной операции с Керченского полуострова на Таманское побережье), то перед Женей Дудник, как перед руководителем резидентуры была поставлена задача: «Для выполнения задания использовать все возможности – родственников, знакомых, другие связи». При этом «Тоня» была ограничена в сроках до

минимума – ей отводилось пять дней!

Кого она в спешке могла привлечь к сотрудничеству в эти дни – неизвестно. Вполне вероятно, что эта поспешность могла обернуться в дальнейшем провалом «Тони». И еще. Резидент и радист в одном лице – это положение как минимум, удваивает риск обезглавливания организации в случае расшифровки противником. У Бутенко Е. на связи было всего три человека, но эти источники, как мы увидели из ее воспоминаний, были расставлены на ключевых позициях, дающих максимум информации и минимум риска расшифровки (весовщик, грузчики, никаких начальников!).

Из всего этого хочется сделать вывод: опытный разведчик Багнюк С.Ф. смог среди других распознать подходящих кандидатов на привлечение к разведывательной работе – наиболее талантливых и преданных делу сотрудниц, таких как Дудник и Бутенко с их природными качествами негласных разведчиков. А вот дальнейшее их подключение к выполнению заданий разными руководителями разведслужбы протекало отнюдь не одинаково – с разной интенсивностью и осмотрительностью, как и заботой о безопасности. Бутенко ходила по лезвию меча, а Дудник попала на самое его острие. Не уберегли…

Впрочем, напомню – символика «Щит и меч» отражает направленность работы именно органов госбезопасности: защищать своих и карать врагов. Чекистские подразделения Крыма в те летние месяцы 1942 года также забрасывали своих негласных помощников на занятую противником территорию

Керченского полуострова.

В задачу одного из них – Кацыки Якова входило продвижение дезинформации немецкого командования относительно реальности наших планов по десантированию советских войск летом 1942 г. в Крым.

В действительности сил и средств для этого у Северо-Кавказского фронта не было. Нашему командованию было важно сковать силы противника на восточной части Крыма угрозой такого десанта с тем, чтобы ослабить нажим на Севастопольский оборонительный район. После 1 июля 1942 г. – оставления нашими войсками Севастополя – мероприятия по такой дезинформации потеряли смысл, и наше командование в конце августа 1942 г. начало отвод войск 47-й Армии и КВМБ вглубь Таманского полуострова. 2 сентября 1942 г. немецкие части начали высадку своих войск на косу Тузла и на южное побережье Тамани. Вот только тогда завершилась двухмесячная операция гитлеровцев по захвату Кубани. Но впереди еще были их попытки удержаться летом 1943 г. под напором наших войск на «Голубой линии», затем - отступление в сентябре через Таманский полуостров на крымское побережье, где они надеялись отсидеться до «лучших времен» - обещанного Гитлером «кардинального изменения обстановки» на южном участке советско-германского фронта. Дивизии 17-й немецкой армии ускользнули через пролив. 9 октября 1943 г. ни одного живого гитлеровца, кроме пленных, на Кубани не осталось. Они окопались в восточном Крыму, под Керчью.

Глава X

Керченско-Эльтигентский десант

А для Керчи снова начались фронтовые дни. Как написал в своей книге «Любовь наша и боль – Эльтиген» керченский писатель Н.Славин: «Есть места особой избранности… Малахов, Мамаев курган, разъезд Дубосеково, Невский пятачок – они запечатлены в народной памяти. В том же ряду – Эльтиген».

«Эльтиген» - это название маленького поселка южнее Керчи на берегу Керченского пролива. Отсюда началось освобождение Керченского полуострова. Вот как это было…

В октябре 1943 г. Северо-Кавказский фронт вышел к Керченскому проливу, и наше высшее руководство планировало устроить гитлеровцам в Крыму ловушку. 4-й Украинский фронт закрыл горловину полуострова с севера, а войска генерал-полковника И.Е.Петрова должны были через Керчь – Карасу-Базар (ныне Белогорск) взять в клещи дивизии 17-й немецкой армии с востока.

План предусматривал высадку южнее Керчи дивизий 18-й Армии, а на северо-восточное побережье – гвардейских частей и батальонов морской пехоты 56-й Армии, при этом удар должен был произведен одновременно в двух пунктах.

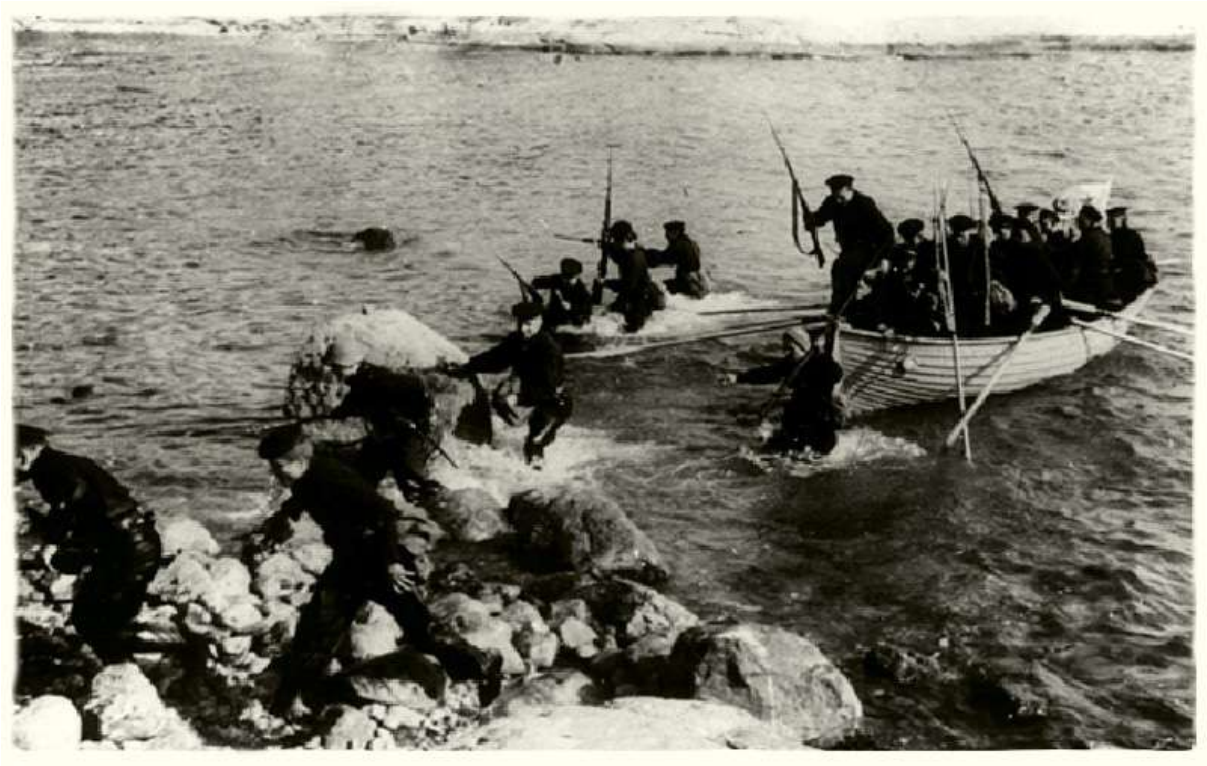
1 ноября 1943 г. Южный десант в составе 318-й СД, морских пехотинцев и частей поддержки смог зацепиться за участок суши около деревни Эльтиген и создал здесь небольшой плацдарм. За несколько ночей

на захваченный «пятачок» через бушующий Керченский пролив (в этом направлении он имеет ширину 15 км) было переброшено до 9 тысяч воинов. Но уже через трое суток враг оправился от внезапности удара советских войск, с моря и суши заблокировал подходы к Эльтигену. Десант поэтому не получил поддержки.

Десант в Эльтиген. Керчь, ноябрь 1943 г.

Воины в окружении дрались с наседающими вражескими пехотинцами, бросались под танки, схватывались врукопашную, проявляя личный героизм и самопожертвование. Так продолжалось 36 суток. Остатки десантного отряда – около 2000 воинов – в

ночь на 7 декабря прорвались через тылы немецко-румынских войск к Керчи, преодолев 20-километровое пространство, и через несколько дней боев в центре города были приняты на борт группой катеров Азовской военной флотилии и эвакуированы на Тамань.



Десант в Подмаячном. Керчь, ноябрь 1943 г.

Развитие операции на северо-востоке произошло лишь в ночь на 3 ноября 1943 г. В течение трех суток севернее и восточнее Керчи высадились части 11-го гвардейского стрелкового корпуса, а затем 16-го стрелкового и 3-го горно-стрелкового корпусов.

Враг был отброшен на несколько километров, но не бежал, а «зацепился» за гряду высот и созданные заранее опорные пункты. Кровопролитные бои продолжались в течение многих недель ноября, декабря 1943 г. и января 1944 г., но продвижения наших войск под Керчью не произошло до апреля 1944 г.: враг

держался за обороняемые рубежи, развил крепкую систему ПВО и противодействовал нашей авиации. Наращиванию сил на плацдарме препятствовало водное пространство пролива.

Лишь после начала наступления войск 51-й и 2-й ударной армий 4-го Украинского фронта в первой декаде апреля 1944 г., части северо-восточного десанта Отдельной Приморской армии (20 ноября 1943 г. так была переименована 56-я Армия Северо-Кавказского фронта) 11 апреля освободили Керчь и стали продвигаться на запад, вглубь немецкой обороны, громя и пленяя гарнизоны немецко-румынских опорных пунктов вплоть до Карасу-Базара и Ялты. Впереди был Севастополь.

В списках героев не значатся.

В 2004 году вышла в свет упомянутая выше книга керченского писателя-фронтовика Н.А.Славина «Эльтиген. Взгляд сквозь десятилетия». Она привлекает внимание удивительной своей достоверностью и близостью к реальным событиям, вызывающим до сих пор многие вопросы, на которые читатель этой книги может найти ответы, касающиеся героической Эльтигенской эпопеи. Обратимся к ее страницам.

Эльтигенский десант, его судьба особенны тем, что в нем видится как бы малая проекция той войны: героизм высшей пробы, порыв, проявление чувства боевого превосходства над противником и вместе с тем – «родимый наш «авось», несостоятельность планов,

неурядицы, выдававшиеся за предопределенный успех, победный тон именно там, где уместнее проявление самокритики.

При штурме с преодолением Керченского пролива использовался удачный опыт десантов летом и осенью 1943 г. на Северо-Кавказское побережье силами 18-й Армии. Передовым батальоном, обязанным обеспечить успех в высадке и преодолении прибрежной линии вражеской обороны подразделениями 318-й СД, явился 386-й отдельный батальон морской пехоты, носитель традиций и славы бывшего командира авангарда на Малой земле – Цезаря Кунникова. Командиром батальона был капитан Беляков. Замполитом батальона, его «душой» был капитан Рыбаков. В этом батальоне 12 воинов на Эльтигене станут Героями. В составе батальона в десанте были две стрелковые роты, рота автоматчиков, рота противотанковых ружей (бронебойщики). Всего 513 человек. Пушек и минометов не было. Зато была придана 613-я штрафная рота в количестве 219 человек. Было 19 расчетов «станкачей» (пулеметов «Максим») и 35 ручных пулеметов, 23 противотанковых ружья.

Предполагалось, что весь 20-й стрелковый корпус будет переброшен десантом для немедленного движения вперед, – на Багерово и далее - вглубь Керченского полуострова, до Акмонайского перешейка и до Феодосии. Десант 1 ноября 1943 г. не предусматривал участия крупных кораблей: основа десанта – это катера, тральщики-катера, десантные мотоботы, баркасы. Упоминается о 119 вымпелах, участвовавших в высадке и снабжении десантников

18-й Армии. 318-й дивизии был придан сводный отряд из 255-й морской стрелковой бригады.

При высадке одного из полков этой дивизии погибли сразу 23 офицера. Артподготовка с Таманского побережья по позициям вражеского боевого охранения не дала должного эффекта, хотя было израсходовано 8334 средних и тяжелых снаряда.

При высадке первого эшелона роковую роль сыграло наличие песчаной отмели (так называемого – бара, гуляющего под воздействием морского течения отложения песка), о которой почему-то никто не знал. Десантные суда, не доходя до кромки берега метров 50-70, неожиданно врезались в дно, при этом ломались лопасти винтов и повреждался руль, ход терялся, и судно становилось легкой добычей для артиллеристов и минометчиков обороняющихся. Люди прыгали в воду со снаряжением и тяжелым вооружением, чтобы добраться до берега, но попадали в «ловушку» - резко уходившее из-под ног дно прибрежной полосы. Многие тонули, не справившись с грузом и глубиной.

И все же через три часа десантники уже занимали участок суши по фронту 4-5 км, в глубину – 1,5-2 км. Плацдарм заняли около 2 тысяч бойцов из 318-й СД и 335-го гвардейского полка 117-й гв. СД.

Первый день 318-я СД действовала без комдива полковника Гладкова. 335-й гв. сп - это личный состав прежней реформированной 81-й морской стрелковой бригады. Его возглавлял полковник Нестеров. В первые сутки десантниками было отражено 19 вражеских атак. Немцы подбросили сюда подкрепление на 17 автомашинах с артиллерией. Немецкие контратаки

не прекращались весь ноябрь, были введены танки. Вторая высадка составила 3270 человек. На третью ночь переправились еще 840 воинов из 335-го гв. сп и было доставлено 7 пушек из 305-го артполка. Вместе с ними на плацдарм прибыли комдив – 117 полковник Косоногов и полковник Нестеров. Первого из них стразу же отозвали на Большую землю, и он погиб на катере, взлетевшем на воздух в проливе на пути к Тамани.

П.И.Нестеров. 1944 г.

Через неделю боев немцы смогли осуществить морскую блокаду занятого нами рубежа под Эльтигеном, названного историками «огненной землей». Особенно ощутима оказалась нехватка продовольствия. Десантников выручали «Дуняшки», как любовно называли они летчиц из 46-го полка легких ночных бомбардировщиков, знаменитых «кукурузников – У-2». Мешки с продуктами падали с неба прямо на позиции наших подразделений.

Из 40 дней и ночей «Огненной земли» самыми томительными были дни блокады. Ее осуществляли быстроходные десантные баржи – БДБ, их в Камыш-Буруне базировалось до 30, кроме того, здесь действовало 37 торпедных катеров и 25

сторожевых катеров. Наш флот не смог организовать противодействие им. Зато наши летчики крепко пошерстили эти морские силы противника.

Л.Косногов. 1943 г.

К началу декабря 1943 г. немцы усилили нажим на позиции эльтигенцев. Потери среди них были огромными, половину составляли раненые. Оставив их на попечение медиков, десант идет 7 декабря на прорыв к городу. На несколько часов они стали хозяевами центра города и района горы Митридат. Всего через две недели после начала кровавых схваток на Эльтигене наш Верховный Совет СССР принимает беспрецедентное решение о массовом возведении в звание Героя участников этого десанта: 34 эльтигенца стали ими. Кроме этого были еще Указы от 22 января и 16 мая 1944 г. Всего шеренгу Героев Эльтигена составили 61 человек. Немало тех, кто стал героем посмертно. Своей дерзостью и напором все без исключения участники Эльтигенского десанта отвлекли на себя внимание командования 17-й немецкой армии, сосредоточившей на Керченском полуострове против войск 56-й Армии, ставшей Отдельной Приморской (второго формирования), свои дивизии.

Многие наши воины погибли в момент выхода остатков десанта во главе с полковником Гладковым в тыл противника для соединения с частями ОПА-2. По немецким отчетам при ликвидации ими Митридатского плацдарма было убито 450 и взято в плен 600 наших бойцов. Часть личного состава из 117-й гв. СД под предводительством полковника Нестерова пробилась к Старому-Карантину, бойцы соединились с партизанами, а затем небольшими группами вышли через линию фронта к своим. Из 335 гв.сп. на плацдарме погибло 880 бойцов. Из общего числа высаженных под Эльтигеном десантников - 9,5 тысяч, - 3 тысячи попало в плен, это те, кто израненный и изможденный не смог принять участие в рейде 7 декабря 1943 г. под воительством комдива – 318. Не все оставшиеся живыми участники эльтигенского десанта были отмечены должным образом, как они того заслуживали.

Мне хочется воспроизвести некоторые страницы истории боев за освобождение Керчи осенью и зимой 1943 г. и этим воздать должное памяти о тех эльтигенцах, фамилии которых либо совсем не вошли в мемуары участников (например, в книгу В.Ф.Гладкова «Десант на Эльтиген», изд. 1954 г.) и другие издания, либо так и не были достойным образом отмечены в истории.

Одним из самых активных участников драмы на Эльтигенском плацдарме был зам. командира 386-го батальона морской пехоты Николай Васильевич Рыбаков. В 1944 г. ему было 43 года. Капитан Рыбаков первым ворвался на укрепленное побережье под Эльтигеном 1 ноября 1943 г. Он возглавил

подразделение штурмового отряда в отсутствии командира 386-го батальона (его командир – капитан Беляков высадился только в середине этого дня), организовал захват и удержание важной позиции здесь – противотанкового рва, обеспечивал поддержание высокого морального духа морских пехотинцев, именно он возглавил передовой отряд при прорыве к Митридату 7 декабря. В числе героев значится имя комбата Белякова. Капитан Рыбаков был представлен к ордену…

Н.В.Рыбаков

Комроты из 386-го ОБМП Титов Георгий Михайлович за участие в первых схватках на плацдарме был награжден орденом Красного Знамени. Раненым был оставлен здесь врагу. Из плена совершил побег и присоединился к движению сопротивления голландских антифашистов. Как указано в его анкете, хранящейся в фондах Керченского музея-заповедника, за доблесть и героизм в десанте представлялся к званию Героя в 1943 г., а потом – в 1945 г. и в 1965 г., но так же безрезультатно.

Командир отделения из 355-й морской стрелковой бригады, а потом – командир санитарного взвода сержант Федор Сергеевич Чинякин в своих воспоминаниях утверждает, что его поздравили там же, на

Эльтигене, с награждением орденом Отечественной войны 1 ст., но награда ему так и не была вручена. А обиды остались…

Награды участникам десанта из 318-й СД и особенно из – 386-го ОБМП пролились «золотым дождем». Но вот, ручной пулеметчик из 318-й СД восемнадцатилетний солдат Василий Константинович Пороснов, весь период десанта находившийся в боевых порядках, никакими наградами тогда так и не был отмечен. Хотя награды раздавались весь период сражения на самом плацдарме, после рейда с выходом на Митридат, потом – уже в госпиталях и на отдыхе. Среди героев не оказалось фамилий бойцов из 1331 сп – Бурлянского, Глущенко, Заболотного, Хота и Шазо, повторивших подвиг севастопольцев в 1941 году: 3 ноября 1943 г. в бою за высоту в центре обороны полка они со связками гранат бросились под гусеницы вражеских танков. Нетрудно понять такое, казалось бы странное положение, в которое попало их командование, если учесть, что эти герои значились бойцами 313-й штрафной роты, приданной данному полку. Как их «представишь»?!

В формулировках награжденных участников во многих представлениях к высоким наградам, в т. ч. к званию Героя, повторяются фразы: «Был шесть дней непрерывно на передовой». «Участвовал в отражении всех атак». И кроме тех, кто был возведен в звание Героя, - высшую награду – орден Ленина получили и другие 47 эльтигенцев. Но разве все те, кто был в десанте на передовой под Эльтигеном и не был отмечен наградой, не соответствовали вышеупомянутым

формулировкам в «наградных»?! По существу, каждый эльтигенец был героем…

Подводя итог своему исследованию, писатель Н.Славин в книге «Эльтиген. Взгляд сквозь десятилетия» полагает (и я с ним согласен), что с военной точки зрения Эльтигенский десант – это средство оттяжки, отвлечения вражеских сил от основного Еникальского плацдарма. Но при этом, бойцами-эльтигенцами был продемонстрирован образец воинского мужества и стойкости. Именно поэтому Эльтиген остался в народной памяти.

«Даешь Керчь!»

Начатая успешно десантная операция 1-3 ноября 1943 г. по освобождению восточной части Керченского полуострова от немецко-фашистских войск вдруг затормозилась в ее развитии и вскоре перетекла в противостояние двух сторон, длившееся под Керчью целых пять месяцев и потребовавшее, в конечном счете, огромных усилий, сопряженных с многочисленными жертвами и расходом материально-технических средств.

Возникнуть должен вопрос: как и почему это случилось? Такой вопрос действительно был и остается предметом изучения военными историками, в том числе научными сотрудниками Керченского историко-археологического музея-заповедника. Попробуем и мы с вами, мой дорогой читатель, взглянуть на давно известные факты и обстоятельства эпопеи по освобождению Керчи в 1943-44 г.г., но с другой стороны,

как бы из окопа противника.

Эльтигенский десант приковал к себе немалое количество войск противника. Когда под утро 3 ноября 1943 г. под прикрытием огня артиллерии и штурмовых ударов авиации гитлеровцы бросили три полка пехоты в сопровождении танков и самоходок против южной группировки десанта у Эльтигена, - в районе приморских поселков Жуковка, Глейки, Опасная были высажены и штурмовые отряды из батальонов 2-й гвардейской Таманской стрелковой дивизии генерал-майора А.П.Турчинского и 55-й гвардейской стрелковой дивизии генерл-майора Б.А.Аршинцева.

Немцы были дезориентированы неожиданными активными действиями наших войск, полагая, что это отвлекающий маневр для облегчения положения на эльтигенском направлении. Как показали дальнейшие события, этот расчет наш оправдался. Несмотря на тяжелейшие условия для выхода наших передовых отрядов к керченским кручам, сквозь бушующее, нашпигованное минами море, - десантные корабли и суда Азовской ВФ контр-адмирала С.П.Горшкова числом вымпелов 14 доставили роты первого броска из 369-го отдельного батальона морской пехоты (ОБМП).

Расчищая путь основным группам 1-го эшелона десанта, моряки обеспечили высадку не менее 4 тысячам бойцов из 2-й гв. СД уже к утру 3 ноября. К исходу дня 3 ноября 1943 года на побережье Керченского полуострова восточнее и севернее Керчи «зацепилась» почти целая дивизия – 12,5 тысяч войск из разных частей. В ночь на 4 ноября вдоль Азовского побережья высадились войска 32 -й гв. СД из того же

11-го гв. стрелкового корпуса. Гвардейцы выполнили свою задачу: к исходу 5 ноября были освобождены поселки Маяк, Глейки, Жуковка, Опасное, Еникале, Осовины, затем – Баксы (Глазовка). Подвиг воинов 56-й Армии был сразу же отмечен Советским правительством: из 2-й гв. СД стали Героями 19 человек (23 получили орден Ленина), из 55-й гв. СД это звание было присвоено 8 гвардейцам. На завоеванный десантниками плацдарм были переброшены дивизии 16-го стрелкового корпуса генерал-майора К.И.Провалова.

Десант в ноябре 1943 года

К концу дня 11 ноября 1943 г. наши войска овладели всей оконечностью полуострова от Азовского моря до предместий Керчи. Здесь укрепилось более 27 тыс.

войск с 300 единицами орудий и минометов при 10 танках.

20 ноября на базе 56-й Армии была сформирована Отдельная Приморская Армия во главе с генерал-полковником И.Е. Петровым. Дальнейшие бои по овладению Керчью и выходу к Ак-Монайским рубежам противника растянулись по времени и пространству; невольное топтание на месте, когда одни и те же высоты, опорные пункты переходили из рук в руки, - оплачивалось большой кровью. Немцы к этому времени под Эльтигеном создали зону полной блокады с моря, перебросили сюда и танковые роты, авиацию переориентировали на обработку Еникальского плацдарма.

Бой на окраине Керчи. Ноябрь 1943 года

Налеты немецкой авиации день ото дня становились все интенсивнее. К концу декабря 1943 г. с переброской на плацдарм 3-го горно-стрелкового

корпуса, группировка войск ОПА-2 насчитывала не менее 46 тысяч, в т. ч. здесь уже была 63-я танковая бригада и три отдельных танковых полка.

К февралю 1944 г. наши части закрепились на северо-восточных окраинах Керчи, на рубеже Колонка-Аджимушкай. Обе стороны вели силовую разведку. Кровопролитные схватки не прекращались ни на один день.

История этих боев содержит немало страниц, которые можно назвать неповторимыми в летописи Великой Отечественной войны. К таким событиям относится присвоение имени «Керченская», - но не части и соединению, а отдельному подразделению(!) – 9-й моторизованной разведывательной роте, подчиненной РО штаба ОПА-2. Она увековечена в бронзовом мемориале на главной площади в Керчи. Чем же отличилась эта рота?

С.Г.Тохтамыш

9-я ОМРР (таково ее сокращенное название) была сформирована на Кубани в 1943 г., в преддверии боев по прорыву «Голубой линии» - многокилометровой и многополосной оборонительной позиции немецко-румынских войск вдоль Таманского полуострова и западных отрогов Главного Кавказского хребта. Уже тогда здесь

сформировался костяк войсковых разведчиков во главе с офицером Сергеем Георгиевичем Тохтамышем. Он был родом из-под пос. Альма Симферопольского района Крыма, здесь до войны занимался садоводством. Человек сугубо мирной профессии стал знаменитым пластуном и специалистом добывать «языка». Он сумел приобщить к разведывательному делу своих ближайших помощников – офицеров Циганенко, Швачкова, Котенкова, Разводова. Все вместе они обучали самой рискованной и героической профессии разведчика своих подчиненных – сержантов Буряка, Никонова, Косицина, Долгого, Котельникова, Москаленко, Шепелева и многих других. А те, в свою очередь, воспитали плеяду героев – разведчиков – Чинчуру, Кременчугского (он стал полным кавалером ордена Славы), Тонконогого, Примака, Левочко, Моторина, жителей пос. Юркино Чистяковых – отца и сына.

Разведчики много времени отводили изучению топографии, приемов рукопашного боя, переползания по пересеченной местности. Они тренировались в поражении противника голыми руками, в схватках с помощью ножа, лопатки, каски. Овладевали техникой разминирования, проделывания проходов в минном поле. Учились стрелять из всех видов оружия, в т.ч. трофейного, управлять автомобилем. Разведчики безгранично верили своему командиру – Сергею Тохтамышу. Они его называли учителем, ценили за то, что он стремился сохранить жизнь каждому из своих подчиненных, умел прощать проступки и ставить человека на верный путь, проявлял требовательность и заботу как отец.

Накануне десанта под Эльтиген сам Тохтамыш выходил на бронекатере к вражескому берегу, вызывал огонь немецких батарей на себя, тем самым разведывал систему противодесантной обороны противника. Рота Тохтамыша была включена в авангард десанта в ночь с 9 на 10 января 1944 г., разведчики должны были вскрыть систему огневых точек врага. Они захватили и стойко удерживали высотку на скалистом побережье. До подхода основных сил десанта Тохтамыш взял на себя командование всеми высадившимися и закрепившимися группами моряков и пехотинцев. Его разведчики захватили 20 пленных. Когда подоспели войска, действовавшие на побережье, капитан Тохтамыш доложил о расположении немецких укреплений и огневых точек. За руководство боем и достигнутый успех он был награжден орденом Суворова 3-й степени. Это уникальный случай в годы войны, когда командир роты был удостоен награды, которая вручалась начальникам высокого ранга! Из той операции под Мамой-Русской из 140 вернулось только 33 разведчика. 9-я ОМРР участвовала в

С.Г.Тохтамыш 1947 г.

прорыве наших войск 11 апреля 1944 г. севернее Керчи для выхода к Ак-Монайским позициям противника, участвовала в освобождении Феодосии, а потом – совместно с партизанами - освобождала Старый Крым. 9-я ОМРР, ставшая «Керченской», во главе с кавалером ордена Суворова, трех орденов Красного Знамени, ордена Красной Звезды капитаном Сергеем Тохтамышем освобождала после Крыма Румынию, Венгрию, Чехословакию, а после 9 мая 1945 г. была переброшена на Дальний Восток и, пройдя через монгольские степи и маньчжурские болота, участвовала в разгроме армии империалистической Японии.

В Керченском музее хранится блокнот, переданный навечно этим легендарным разведчиком, в нем 27 воинов роты написали слова благодарности своему отцу-командиру и «суворовцу» при их прощании в декабрьские дни 1945 г. в Хабаровске. Умер Тохтамыш на родине 14 января 1984 г. Уникальной судьбы был человек…

В десантной операции 1943-44 г.г. каждый воин, чтобы попасть на Керченский полуостров с Таманского побережья должен был пересечь 4,5 или 15 километров водного пространства Керченского пролива, пролива – вздыбленного навалившимся зимним штормом и всплесками разрывов снарядов или коварных плавающих мин. И здесь уже играло роль не мастерство экипажа плавсредства, а счастье и удача: повезет-не повезет…

Ветеран 227-й СД из 16-го стрелкового корпуса, который по плану десантировался во втором эшелоне 56-й Армии, - старшина Сморкалов Иван

Владимирович (его рукопись воспоминаний под названием «Дневник солдата» была мною подготовлена к печати и опубликована в виде книжки в г. Крымске в 2015 г.) поведал нам в свое время: «Нас готовят к десантной операции. Средства переправы – большие баржи вместимостью 300 человек, один катер ведущий, один – сопровождающий. Ночью над водой висят «фонари» - немецкие ракеты специального устройства на парашютике. Светло как днем. 9 ноября переправляется наш полк… Один за другим, мы все, не спеша, с деланным хладнокровием сняли с себя вещевые мешки сложили их к трубе катера, на который мы – штабники – погрузились. Освободили руки из рукавов шинели, накинув на плечи. Затем расшнуровали ботинки, распустили кожаные ремни, делали это все неторопливо, с паузами, молча, стыдясь один другого, поворачиваясь спиной к товарищу. Разрывы следовали то справа, то слева. Вдруг сзади нас раздался оглушительный взрыв. Мгновенно оглянувшись, я увидел вместо носа баржи высокий столб воды, летевшие вверх доски, обломки. Люди стали выпрыгивать из баржи в море через оседавший в воду борт. Мы на катере очутились в гуще барахтавшихся в воде людей».

И другим ветеранам запомнились эти смертельно опасные рейсы. Рассказывает капитан 1 ранга в отставке Исаев Александр Алексеевич, в 1943 г. – командир катерного тральщика из 15-го дивизиона, тогда 21-летний главстаршина: «Десант состоялся для меня 2-3 ноября 1943 г. Еще раньше наш катер с пехотинцами на борту – человек 30 – из Темрюка взял курс к керченскому берегу. Пролив и Азовское море

были сплошными немецкими минными полями. На наших глазах подорвались два катера. Сначала один, другой пошел ему на помощь и тоже взорвался. Мы пошли выручать людей, но нашли только одного солдата в воде, который ухватился за днище опрокинутого второго катера. Когда подошли вплотную, чтобы поднять на борт этого счастливца, и вот тут увидели, что у днища болтается мина… Еще бы мгновение и… Он рассказал, что был на первом взорвавшемся катере. Когда его подобрали со второго катера, он не полез вовнутрь, а пристроился возле рубки, уже того, второго катера. При взрыве его на мине все, кто был внутри, погибли, а его смерть дважды обошла стороной!.. 3 ноября успешно высадили свой десант, в последующие дни перевозили с кордона Ильича к керченскому побережью группы десантников и боезапас.

А.А.Исаев. 1943 г.

Свой катер мы потеряли в один из этих ноябрьских дней. На новом КТЩ-167 своим экипажем доставляли войска и боеприпасы в район Еникале, оттуда – раненых. Занимались тралением немецких минных полей в акватории Керченского полуострова…» Их экипаж в составе группы «сработал» 42 немецкие морские мины… За боевую работу в ноябре 1943 г. главстаршина Исаев А.был награжден орденом

Отечественной войны 2 ст., а за январское обеспечение наступления под Керчью – орденом Красной Звезды. Тогда он действовал как командир самоходного понтона посменно с лейтенантом Лопотенко Олегом. В своих воспоминаниях Исаев отмечает: «Весь февраль и март 1944 г. я перевозил к причалам Еникале и Опасное боезапас, танки, автотранспорт. Все время действовали под артобстрелом противника. Рейсы совершали круглосуточно. Очень редко не кипела вокруг понтона от разрывов вода. Нужно было все время маневрировать, чтобы не угодить под очередь снарядов, но идти требовалось в пределах обозначенного фарватера. Он был отмечен вехами на буйках с якорем, сверху у вехи – красный клеенчатый флажок.

А.А.Исаев (слева). 90-е годы.

Ночью тоже надо было ориентироваться по вехам, но каких-либо огней не было. Чуть в сторону от трехсотметрового фарватера ушли – сразу же можно налететь на немецкую мину. Болтающихся в проливе их попадалось не много, это были случайно сорвавшиеся с якоря – рогатые шарообразные. Но в темноте их можно было просмотреть. Один наш товарищ на таком же самоходном понтоне в январе 1944 г. решил спрямить путь к причалам на крымском берегу и подорвался. Погибло около 100 человек».

Бой в пос. Войкова. Керчь, ноябрь 1943 г.

Страшнее всего было идти в десанте в числе первых штурмовых отрядов, прямо на огонь немецких ДОТов на берегу пролива и под очереди минометных батарей, укрывшихся за скатами. Дадим слово Козлову Владимиру Николаевичу, наводчику 45-мм

противотанкового орудия: «Вторая стрелковая дивизия участвовала в десанте в ноябре 1943 г. под дер. Жуковка (Глейки). Наши два орудия были на плоту, когда ударил снаряд. Плот разлетелся, пушки потонули. Я выплыл на берег невредимым. Участвовал в бою без орудия в захвате позиций под Глейками. На штурм нас вел ночью командир 1-го батальона майор Пушкаренко. Он один поднимался первым и с пистолетом в руке шел впереди цепи бойцов, бесстрашно увлекая за собой. Я больше не встречал таких смелых командиров».

Кровавая зима 1943 года

Стылый декабрь 1943 г. Наше наступление с целью захвата всего Керченского полуострова к 20 ноября заглохло, приостановилось. Противник подтянул свежие войска, успев перебросить новые дивизии даже из Франции и Голландии. Начав наступление с Никопольского плацдарма, немцы вынудили наше командование отложить операцию 4-го Украинского фронта по освобождению Крыма с северного плацдарма.

Сильное противостояние оказывала немецкая артиллерия, работавшая по проливу и скоплению наших войск на косе Чушка и косе Тузла. Не все артбатареи ОПА-2, расположенные у Таманского побережья были дальнобойными, чтобы вступать в контрбатарейную борьбу. Здесь «работало» 47 орудий (из 411 стволов всей полевой артиллерии на нашем берегу) Новороссийской ВМБ. Налеты немецкой

авиации становились день ото дня все интенсивнее. К 6.11.43 г. их бывало по 200-220 самолетовылетов, а уже к 15.11.43 г. – по 600 и более в сутки.

В воздушных боях за ноябрь наши летчики сбили 121 и подбили 16 самолетов врага, зенитчики – 18 и подожгли 7 самолетов. В эти дни наши штурмовики и бомбардировщики уничтожили на земле 21 танк, 134 автомашины, потопили 10 самоходных барж. К этому времени ЧФ еще не добился полного господства на Черном море. В районе Керчи немцы сосредоточили несколько десятков быстроходных десантных барж (БДБ), весьма эффективного морского средства, обеспечившего противнику блокаду наших войск у Эльтигена.

На подступах к Керчи. Декабрь 1943 г.

Тогда, в ноябре-декабре 1943 г., на восточной оконечности Крыма немцами была сформирована оборонительная группировка, которую они именовали «Керченским фронтом». Охрану восточного Крыма

осуществляла 98 пехотная дивизия (пд) во главе с генерал-лейтенантом Мартином Гарайсом. На северном и южном побережье противодесантную оборону обеспечивали румынские войска. Это были, по оценке самих немцев, некудышние вояки. Их подразделения, как и занявшие рубежи в восточной части Керченского полуострова батальоны 98-й пд, располагались в окопах и блиндажах опорных пунктов, заранее созданных в местах, удобных для десантирования с моря. Например, под Эльтигеном сторожевые посты состояли из одиночных окопов, располагавшихся через 60 метров один от другого вдоль побережья на протяжении 4-5 км. Немцы понимали, что при том ограниченном количестве личного состава и боевой техники, которыми необходимо прикрыть множество опасных в десантном отношении участков, невозможно быть одинаково сильным и поэтому их тактика была построена на переброске так называемых «пожарных команд» в составе батальона, выставляемого на угрожаемом направлении.

Такая «пожарная команда» в составе 2-го батальона из 282-го пехотного полка (пп)с моторизованной батареей и взводом 45 мм орудий 1 ноября 1943 г. в считанные часы была переброшена из Камыш-Буруна, где этот личный состав дислоцировался, - под Эльтиген, навстречу нашему десанту. 7 ноября 1943 г. после передачи участка под Эльтигеном румынской кавдивизии, 282 пп был переброшен на северо-восток, под Керчь. Бывший солдат 98-й пд Л.Хинтербергер, с которым автору довелось встретиться в 2001 г. и завязать короткую переписку, в своих воспоминаниях, присланных из Баварии, рассказывает: «В июне 1943 г.

мы прибыли из Германии через порт Керчь в местечко Тамань. Нас, 1600 молодых солдат в возрасте 18-19 лет, доставили на кубанский плацдарм около Крымска на высоту 121,4 (*Один из главных опорных пунктов в центре «Голубой линии», за который в июне-сентябре 1943 г. велись кровопролитные бои, а в конце 60-х годов эта высота официально стала носить наименование «Сопка Героев», примеч. Л.В.*). Там уже шли тяжелые бои. 28 июля 1943 г. я был ранен и направлен в лазарет в г. Симферополь, а позднее – в Ялту. В середине сентября я вернулся на кубанский плацдарм, а 5 октября через пос. Ильич попал в Крым. До начала высадки десанта и в последующих боях за Керчь я принимал в них участие как береговой охранник. Наш батальон действовал как, «пожарная команда» на разных участках под Керчью: в Эльтигене, Колонке, Булганаке, Баксах. После нового ранения 6 декабря 1943 г. на самолете, через Симферополь я попал в Одессу, после чего вернулся санитарным поездом в Германию».

К январю-февралю 1944 г. немцы довели группировку на «Керченском фронте» до четырех дивизий. На решающих участках «фронта» действовали батальоны 98-й пд генерала М.Гарайса. Интересна его судьба. Он был отстранен от командования своей дивизией в феврале 1944 г. за то, что отказался выполнять приказ своих начальников – штурмом вернуть захваченную нашими бойцами высоту северо-восточнее Керчи – 115,5. До нас дошли строки из немецкого источника о четырехкратно поступавшем приказе брать высоту, на что М.Гарайс дал такой ответ: «Я прошу исполнение данного приказа поручить другому офицеру. Я

отказываюсь от ответственности за бессмысленную кровь, за которую не хочу отвечать перед совестью. Это мое последнее слово». Этот факт и эти строки наводят на определенные размышления. Маршал Г.К.Жуков написал в своих воспоминаниях о том, что «не с дураками и тупицами нам пришлось воевать – нельзя умалять умение противника вести боевые действия и этим обесценивать нашу победу».

Об упорстве немецких подразделений в отражении штурма десантников, ворвавшихся в начале ноября 1943 г. на восточное побережье, говорят такие факты. 3 ноября восточнее пос. Маяк вступили в бой орудия 8-й батареи 198 артполка 98-й пд под командованием немецкого лейтенанта. Огнем нашей артиллерии батарея была разгромлена, блиндажи разбиты, связь оборвана. Однако с 5 часов 30 минут до 9 утра окруженная батарея продолжала вести огонь по нашим войскам и проливу. Оставшиеся исправными два орудия лейтенант приказал взорвать, а его артиллеристы вырвались из окружения.

Чтобы выбить немцев из поселков, окопов на высотах, нашим подразделениям пришлось неоднократно ходить в штыковые атаки, штурмом брать опорные пункты врага, гранатами подавлять огневые точки, которые не раз оживали в самые напряженные минуты боя. Известен такой факт. Воспользовавшись отсутствием боевого охранения на северных склонах уже упоминавшейся высоты 115,5, немецкая рота на рассвете 11 января 1944 г. сбила наши подразделения с занимаемых позиций. При этом потери в роте составили 50% личного состава. Такое упорство противника не может не вызывать особого интереса.

Через 10 часов остатки этой роты – 29 человек – были сброшены нашими бойцами с высоты 115,5.

Сравним соотношение сил противоборствующих сторон в январских боях 1944 г. В течение десяти дней января немцы усилили свою группировку в Восточном Крыму. Сюда перебрасываются 60 маршевых батальонов, на каждую дивизию приходится пополнения от 2 до 5 тысяч. Два полка нашей пехоты высадились в это время на побережье Азова и начали штурм слабо защищенной высоты 115,5. После двухчасового артналета две наши дивизии атаковали главную позицию немецкой обороны на северном крыле. Против наступающих наших дивизий немецкие позиции удерживались боевой группой, не превышающей полка(!) пехоты при поддержке двух батарей из бригады штурмовых орудий. Так в чем же истинная подоплека стойкости и упорства подразделений противника? Взглянем на это на примере 98-й пд. Она заступила на позиции по охране восточного побережья Крыма с 10 октября 1943 г., сменив части 10-й румынской пехотной дивизии и получив под свою ответственность оборону 120 километрового побережья Азовского, Черного морей и Керченского пролива. Отвлекающий маневр нашего командования под Эльтигеном имел успех лишь до 7 ноября 1943 г. К 8 ноября 1, 6 и 15 гв. стрелковые полки 2 гв. СД вышли к восточным окраинам Аджимушкая. В дивизии было 1018 человек. После боев за Аджимушкай в ротах оставалось по 50-55 человек. С момента начала переправы потери составили 830 человек (в проливе – 550). Немцы же в боях за этот поселок потеряли 210 человек.

К 14 часам 10 ноября полки 2-й СД вместе с 32 гв.

СД, имевшей в строю не более 1000 человек, выбили противника с ряда господствующих высот. Немцы провели здесь 9 контратак, потеряв 120 человек убитыми. А всего потери по 98-й пд с 1 по 7 ноября 1943 г. составили: офицеров – 40, унтер-офицеров – 170, рядовых – 875.

После 11 ноября 1943 г. в течение 5 дней наши части успеха не имели. 20 ноября в низине между Керчью и Булганаком разыгралось сражение, в ходе которого немецкие гранатометчики и зенитчики подбили и сожгли 10 наших танков. И немцы понесли урон. В результате под Булганаком образовалась двухкилометровая брешь. Но наше командование не воспользовалось этой возможностью для прорыва немецкой обороны.

Передний край немецкой обороны на всех участках 18-километрового фронта под Керчью – это ломаная линия траншей с поворотами под тупым углом (чтобы уменьшить поражение осколками), выдолбленных в грунте, местами в полный рост, с пулеметными и стрелковыми ячейками и извилистыми ходами сообщений. Немцы к местности приспосабливались умело: в обороне подбирали господствующие высоты для устройства НП и КП. Ячейки для ведения огня укреплялись досками и даже кирпичом. Для утепления в стужу в землянках устраивались печки из подсобного материала. Немецкие пехотинцы от холода защищены были утепленным обмундированием – куртками, брюками, подшлемниками, свитерами, имелись караульные ботинки, одевавшиеся на сапоги. Резиновые сапоги предохраняли от окопной сырости на посту. Все это повышало стойкость немецких

пехотинцев под Керчью зимой 1943-44 г.г.

Немецкие позиции под Керчью и Булганаком были оснащены реактивными гранатометами, противотанковыми минами, противотанковыми ружьями, магнитными кумулятивными минами.

У нас не доставало боеприпасов, особенно для тяжелой артиллерии. Переправа же нашей дивизионной артиллерии и артиллерии РГК затянулась до конца ноября. Наступление наших войск под Керчью зимой 1944 г. – это чередующиеся атаки укрепленных рубежей немецкой обороны в населенных пунктах и на высотах, которые помногу раз переходили из рук в руки. Хорошо прикрытые зенитным огнем позиции на переднем крае немецкой обороны; устойчивые к воздействию артналетов и бомбежке огневые точки; инженерные препятствия и вновь оживающие очаги сопротивления – все это свело на нет наступательный порыв советских войск первой линии в январских боях 1944 г. под Керчью. Немецкие солдаты стояли до конца на занимаемых рубежах, они были готовы ввязываться в рукопашную схватку и до получения приказа на отход сохраняли достаточно высокий моральный дух и стойкость. Они верили своим командирам, проявлявшим заботу о своем личном составе. Пример – комдив-98 Мартин Горайз.

С другой стороны нельзя не учитывать степень репрессивного воздействия на нестойкий контингент немецко-румынских войск: в феврале 1944 г. немецкое руководство ввело в действие приказ о военно-полевых судах и о приведении в исполнение смертных приговоров без служебного разбирательства.

К 15 марта ситуация на «Керченском фронте» стабилизировалась. За 153 дня боев ОПА-2 потеряла 14074 чел. убитыми и 55432 человека ранеными. С 1 ноября 1943 г. по 1 апреля 1944 г. немецко-румынские войска здесь потеряли 73 тыс. убитыми и ранеными.

Мера нанесенного врагу ущерба

На войне, где гибнут сотни и тысячи людей, человеческая жизнь, казалось бы, теряла свою обычную ценность, и эта цена определялась лишь мерой нанесенного врагу ущерба. У оккупантов было преимущество перед нашими войсками в расположении огневых средств, прежде всего – артиллерии. Батареи крупнокалиберных орудий и зенитных средств располагались на горе Митридат, на обратных скатах высот в районе села Булганак и в прибрежной зоне. С них наблюдатели противника просматривали боевые порядки наших частей на глубину дивизионных резервов. На эту же глубину вражеские артиллеристы и минометчики простреливали боевые порядки наших частей ОПА-2 и в решающие моменты обрушивали сосредоточенный огонь на отвоеванные приморцами господствующие высоты.

В те недели ожесточенных схваток особая роль отводилась войсковым разведчикам. О роте капитана Тохтамыша я уже рассказывал выше. От разведчиков, перед которыми ставились задачи изучения противника и добывания «языка», требовалось проявлять не только смелость, но и смекалку, чтобы обмануть врага,

например, выманить на телефонную линию немецкого связиста. Если раньше достаточно было перерезать провод, чтобы появился солдат-телефонист, ищущий на линии повреждение, то теперь настороженный противник посылал уже целую группу солдат. А вот если только оголялась изоляция, смоченная жидкостью, то сигнал затухал, постепенно пропадала слышимость – и надсмотрщик связи выходил на поиск неисправности в одиночку. И попадал в руки разведчиков.

В 777 сп 227-й Темрюкской СД зимой 1943-44 г.г. разведчики, чтобы выманить из окопа вражеского солдата, применяли такую хитрость. На нейтральной полосе юго-восточнее села Булганак разведчики полка у колючей проволоки положили чучело в шинели, в брюках и сапогах, не забыли надвинуть низко на «голову» стальную каску. На «руки» чучела были натянуты медицинские перчатки, которые белели в темноте. От «рук» и «ног» были протянуты два провода – каждый к одной из двух групп захвата, расположившихся по сторонам в воронках от бомб.

Перед рассветом в одной из групп, находившейся ближе к «приманке», зазвучали стон и зов о помощи (якобы кого-то из русских при минометном утреннем немецком обстреле – «зацепили»). Немцы стали освещать местность ракетами, открыли пулеметный огонь.

Когда развиднелось, чучело стало шевелить конечностями. Противник весь день вел огонь в зоне нахождения этого «раненого». Так продолжалось до темноты. Наши разведчики заметили, как из-за проволочного заграждения выползли два гитлеровца и устремились к чучелу. В этот момент обе группы

разведчиков оказались рядом с ними, оглушенные немцы попали к нам в руки и на плащ-палатках были перетянуты с нейтральной полосы в наше расположение.

Один из «языков» - фельдфебель – показал, что в ночь под Новый 1944 год сменяющие друг друга две немецкие части будут накапливаться у отдельного колодца у западной окраины Булганака. Комполка майор Чеботарев Н.И., в бытность свою начальником разведки 16-го стрелкового корпуса, части которого занимали позиции под Булганаком, знал эту местность и расположение колодца. Он рассчитал, когда немцы, «закончат с тостами» и разойдутся, чтобы заправить свои фляжки у колодца. По приказу 120 мм минометы полка грохнули по этому колодцу. Через три дня новый пленный сообщил, что минометный шквал разметал его батальон у колодца, в ротах осталась треть.

Но там, где разведданные оказывались недостаточными или неудовлетворительными – старшие начальники приказывали производить разведку боем. Что это такое? Это ничто иное, как вызвать на себя огонь противника, чтобы засечь его огневые точки. Вспоминает бывший командир батальона морской пехоты из воевавшей здесь 83-й морской стрелковой бригады полковник в отставке Зыков М.И.: «В начале декабря 1943 г. наша бригада начала штурмовать приазовскую высоту 71,3, однако взять ее не удалось… В конце декабря 1943 г. бригада вновь повела наступление левее высоты 71,3, противник обрушился мощным артогнем… Батальон захватил участок немецкой траншеи протяженностью в 200-300 метров, здесь наши воины уничтожили до сотни немецких

гренадеров, а 17 захватили в плен… Противник сильнейшим артогнем разрушил все укрытия и ходы сообщения, из-за больших потерь батальон вынужден был оставить эту высоту. Из 600 воинов батальона было потеряно 400… В начале февраля 1944 г. батальон был придан дивизии генерала Гладкова (318-я СД). Он сказал: «Ваш батальон должен увлечь за собой полки дивизии».

По сигналу атаки батальон преодолел проволочное заграждение, в траншеях завязал рукопашный бой, здесь был занят участок высоты 133,3 шириной в 300-350 метров. Было уничтожено до 200 гитлеровцев. Однако, примерно, через три часа противник открыл ураганный огонь, разрушил все окопы и траншеи. В батальоне оказалось убитыми и ранеными 700 человек. Атака полков дивизии справа и слева захлебнулась».

Далее М.И.Зыков упоминает, что пехота в эти зимние месяцы «стояния» под Керчью голодала, не было продуктов, ели павших лошадей, плохо было с питьевой водой. «Но все трудности были преодолены, - заключает ветеран, - Керчь была взята». В боях под Керчью тогда пало и было выведено из строя, почти 70 тысяч наших воинов. Такова оказалась для нас цена 153-суточного противостояния двух армий на Керченском плацдарме.

Любые боевые неудачи, а тем более – неоправданные потери людей в ходе военных действий, остаются в памяти ветеранов – участников тех боев незаживающей раной, воспоминания эти преследуют их, зачастую нарушая сон. И это понятно. От таких неудач и потерь зависел моральный дух самих участников в

то жестокое время противостояния с противником. И поднять этот моральный дух, возвысить его над моральным состоянием врага было святой обязанностью каждого командира и политработника в подразделении, возлагалось это и на старших и опытных бойцов – товарищей.

Залог нашей победы

Война – это постоянная опасность быть убитым. Страх сковывает волю человека. Но без преодоления чувства страха не бывает победы. Как достичь этого, если сама природа человека требует избежать опасности? О своем боевом опыте, в свое время, десять лет назад со мной поделились керчане Николай Ильич

Н.И.Ильин (справа). 1982 г.

Ильин и Иосиф Иванович Посмитный, прошедшие хотя и разными дорогами войны, но одинаково своим воинским трудом приближавшие День Победы.

В боевые действия Н.И.Ильин вступил в январе 1942 г. в Крыму. Он вспоминал: «В те месяцы 1942 г. особенно важна была роль политработника – политрука, парторга, комсорга. Ведь многие военнослужащие все еще были убеждены, что Германия – это цивилизованная страна, у нас были с ней дружественные отношения. Когда стали публиковаться сообщения о зверствах оккупантов, о расстрелах мирных жителей, - старослужащие, которым было по 30 лет, спрашивали: «Ну, а наших людей, почему власть арестовывала, даже расстреливала?». Ответить на такие вопросы было нелегко. Надо было работать индивидуально с людьми, разъяснять, за что воюет каждый, в чем смысл отпора врагу. Наши воины в то время, особенно из числа шахтеров (наша часть была укомплектована ими) были малограмотными – 4 класса, редко – 7. В роте были разные люди. Но члены партии являли пример в выполнении боевых задач. Совесть таких людей не позволяла вести себя иначе. А личный пример воздействовал лучше всяких красивых слов.

Во фронтовой печати популярными были тогда тексты о повсеместном обращении воинов перед боем или уходом на задание: «Погибну – считайте меня коммунистом». И это не просто пропагандистский прием: в этом виделся высокий авторитет большевистской партии и рядовых коммунистов. И этим способом воины как бы подбадривали себя, поднимали свой моральный дух и готовность к встрече со смертельной опасностью. Многие политработники,

составляя послание к родным павшего солдата, прибавляли: «Погиб как коммунист» или «просил считать его коммунистом». Пословица – «На миру и смерть красна», - как раз относится к таким случаям».

И.И.Посмитный. 40-е годы.

Иосиф Иванович Посмитный, в войну – рядовой артиллерист, а в 2006 году – полковник в отставке, вспоминал: «Я близко познакомился с военным делом в начале 1943 г., когда был зачислен в истребительный батальон местного райотдела НКВД по проческе освобожденной от оккупантов территории на Кубани. А в апреле этого же года был призван в армию. Присягу принял в июне 1943 г., хотя мне не исполнилось еще даже 17 лет. На фронт попал после прохождения курса обучения. Я не опасался за свою жизнь, потому что меня перед призывом благословил и перекрестил родной дед. Очень помогал наступательный дух. Психологическое состояние бойца во многом зависело от отношения к нему окружающих. Для меня взвод стал второй семьей. В первый день своего прибытия в часть я увидел своего командира взвода – Героя Советского Союза лейтенанта Шумелева. Он сразу расположил меня к себе словами: «Ну, что, браток, воевать будем

вместе?» Солдаты в расчете 76-мм пушки звали меня «сынком». На Сандомирском плацдарме командир взвода сказал мне: «Наша 22-я мотострелковая бригада 3-й танковой армии имеет перед собой 4-ю немецкую танковую армию, которую наша бригада била под Сталинградом, била под Курском, била под Киевом, и вот теперь будем бить и добьем эту армию здесь, на пути к Берлину!» Так проникновенно говорил нам командир взвода, и мы рвались в бой. Как-то перед операцией молодые солдаты стали писать заявления в комсомол. По примеру других решил сделать такой шаг и я. После собрания парторг тут же, без волокиты, выписал и вручил вновь принятым комсомольцам билеты.

Под Берлином, 16 апреля 1945 г., меня осколком ранило в плечо, кровью был залит мой билет ВЛКСМ. В боях стыдно было отставать от своих товарищей. Мы чувствовали себя освободителями, и это поднимало моральный дух, обеспечивало наступательный порыв. Бывали и критические минуты. Однажды немецкая группировка в районе города Герлиц попыталась прорваться через кольцо окружения, впереди они пустили танки. Поступила нам команда: «Приготовить связки гранат». В такие минуты человек, если и не молится, то вспоминает свою жизнь. Я во время немецкой танковой атаки себя успокаивал: «Тебя не могут убить, ты выживешь, ведь у тебя в кармане еще нечитанное письмо от мамы…» Это письмо я носил потом как талисман. За бои под Берлином меня представили к медали «За отвагу». Считаю, что я честно выполнил свой долг».

Не раз смотревшие смерти в глаза, фронтовики

уверены в том, что залогом нашей Победы стали высокие моральные качества советского бойца, его чувство долга и ответственности перед родными, товарищами, перед страной. Ему помогали жажда мести и ненависть к врагу. Он не мог себе позволить бежать с поля боя, ибо это считалось невиданным позором. Он был уверен в своих силах, потому что коллективный опыт, приобретенный в боях, давал возможность самообучаться. Присутствие рядом товарищей, чувство локтя помогало преодолевать страх, безысходность в самые напряженные мгновения. Наши люди не могли не победить. Иногда они сознательно шли на смерть, на явную гибель во имя выполнения приказа, а то и без приказа, ради сохранения жизней своих боевых товарищей.

В Керчи имена Героев носят 53 улицы. В том числе - в память о непосредственных защитниках и освободителях нашего города – 43 из них. Среди славных имен есть и фамилия главстаршины Павла Ивановича Костенко. В 2017 г. ему исполнилось бы 100 лет.

И.И.Посмитный. 90-е годы.

Не ошибусь, если отмечу, что личность этого воина самая яркая в созвездии Героев, заслуживших это звание

своим подвигом под Керчью. Морской пехотинец, парторг роты 142-го отдельного батальона 255-й морской стрелковой бригады, главстаршина Костенко в бою по захвату высоты 125,6 утром 11 января 1944 г. своим телом закрыл амбразуру фашистского дзота и этим самым дал возможность подразделению ворваться на немецкие позиции и очистить высоту от врага. Эта высота находится немного восточнее пос. Булганак (ныне Бондаренково), в котором в этот год оккупанты создали сильный опорный пункт и отбивали всякие попытки наших войск наступать в обход Керчи.

Указом от 16 мая 1944 г. Павел Костенко был возведен в звание Героя посмертно.

Как никогда в боях под Керчью проявилось подлинное единение народов всех пятнадцати союзных республик нашей страны. Плечом к плечу воевали русские, украинцы, представители кавказских и закавказских национальностей, выходцы из Средней Азии. Прославили свои названия национальные дивизии, созданные в боях за Крым еще в 1942 г. Вот некоторые данные. В освобождении Керченского полуострова в зимних боях 1943-44 г.г. приняли активное участие 89 армянская, 242 и 414-я Анапская СД (эта дивизия была сформирована в Дагестане, а потом полностью была укомплектована грузинами). После форсирования Керченского пролива 414-я СД, начиная с 4 января 1944 г. участвовала в боях по удержанию и расширению плацдарма восточнее Керчи.

В составе 3-го горно-стрелкового корпуса в десантной операции 1943-44 г.г. участвовала 242-я Таманская

Краснознаменная Ордена Кутузова стрелковая дивизия. Она была создана в Сухуми, укомплектована, в основном, грузинами. Наиболее отличились в боях за Керчь воины 89-й Таманской Краснознаменной СД. В январе-феврале 1943 г. дивизия вышла к Азовскому морю, участвовала в освобождении Тамани. 21-25 ноября 1943г. 89-я СД переправилась на Керченский полуостров, сосредоточилась в районе дер. Баксы (ныне Глазовка). В начале декабря 1943 г. дивизия участвовала в наступательных боях под Булганаком. Под плотным огнем опорного пункта за двое суток 4 и 5 декабря потери в ротах составили 90 убитых и 260 раненых.

В январе 1944 г. дивизия сменила под Колонкой 339-ю СД. 24 января 89-я СД штурмом заняла юго-восточную окраину Керчи – церковь в центре города, консервный завод, участок железной дороги. На следующий день достигла рубежа реки Катерлез. В районе рынка ее бойцы, отражая контратаки немцев, переходили в рукопашные схватки. За три дня боев – 27-29 января 1944 г. дивизия потеряла 100 человек убитыми и 180 ранеными. Немцев было уничтожено 100 человек.

На позициях юго-восточнее кирпичного завода 1 февраля 1944 г. 400-й стрелковый полк дивизии пять раз переходил в рукопашные схватки с наседающими немецкими пехотинцами. Тогда погибло 40 и было ранено 137 воинов. С января 1944 г. 89-я СД не отступила ни на шаг. В городской черте, среди восьми тысяч захороненных воинов, павших в 1943-44 г.г., обозначены на обелисках фамилии 1600 сынов кавказских и закавказских народов нашей страны.

Каждый пятый, павший за наш город – «лицо кавказской национальности» (как теперь иногда выражаются). Это были отважные воины, положившие на алтарь Победы самое дорогое, чем могли гордиться – жизнь. Они День Победы приближали, как могли.

Перед заключительным броском

Для решительного удара по окопавшемуся под Керчью противнику нашим войскам необходимо было создать троекратное превосходство в силах и средствах. А для этого нужно было накопить на занятом плацдарме боевую технику, особенно - так необходимую здесь тяжелую артиллерию, зенитные орудия, запас боеприпасов к ним, перебросить сюда с таманского побережья бронетанковые подразделения и части. Всему этому препятствовало многокилометровое пространство Керченского пролива и нехватка тяжелых переправочных средств. Имеющиеся скудные возможности в виде барж и полуразбитых при бомбежках и артобстрелах понтонов не удовлетворяли этим потребностям.

В историю боев за Керчь и Керченский полуостров вошла эпопея создания военной переправы в виде подвесной канатной дороги, а потом – временного моста через пролив. Вот как это было.

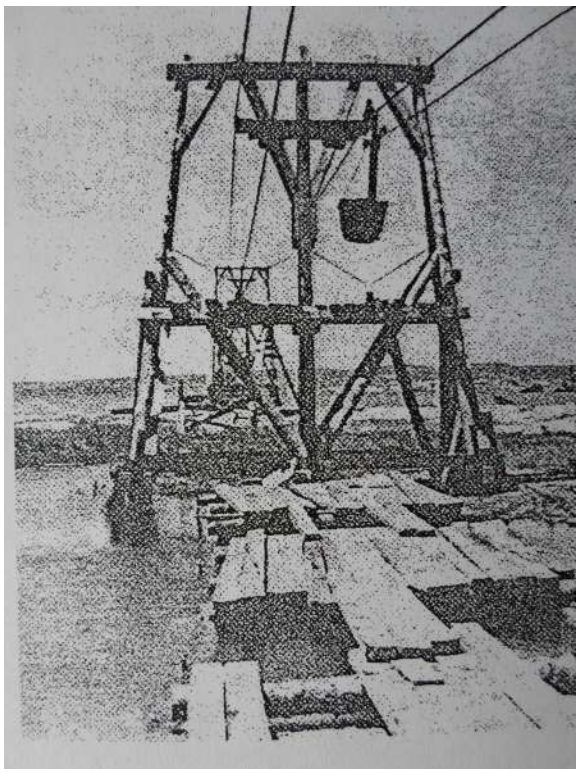
На половине косы Чушка, которая на 18 километров протянулась в юго-западном направлении от поселка Ильича, в военные годы имелись полуразбитые рыбацкие причалы. Отсюда начиналась фронтовая паромная переправа. В осенние месяцы 1943 г.

(ноябрь-декабрь) на ней действовали два парома. Под один была приспособлена старая самоходная баржа, под второй соорудили тупоносый плашкоут из нескольких саперных понтонов, установили двигатель от трактора. Пролив в самом узком месте имеет ширину чуть больше четырех километров. Это расстояние паромы преодолевали за час с лишним. Каких-либо других каботажных средств (катеров, сейнеров и т.п.) в этот период не было – ни в Сенной, ни в Темрюке, ни в Тамани – все погибло в дни десанта на крымский берег.

После Сталинграда, разгрома и потери Ростова летом 1943 г. немцы вынуждены были снабжать кубанскую группировку через Крым. Учитывая, что доставка военных грузов через пролив с помощью катеров и барж – ненадежное дело, немцы приступили к строительству канатной дороги с крымского берега на Чушку. Вот как об этом сказано в немецком источнике: «14 июля была открыта проволочно-канатная дорога из Еникале на косу Чушка с суточным объемом перевозок 1000 тонн. А рядом находился морской паром с объемом перевозок 35 тонн в день. 1 мая 1943 г. от Гитлера был получен приказ построить мост через море. К 5 сентября были полностью готовы 10 быков моста…».

А вот свидетельство тогдашнего местного жителя из пос. Подмаячное, шестнадцатилетнего в 1943 г. паренька, а ныне ветерана ВОВ и общественника Катанцева Николая Константиновича: «После второго захвата Керчи немцы начали строить через пролив подвесную на деревянных свайных опорах канатную дорогу с люльками, она была кольцевая.

Предназначалась для перевозки грузов, но случалось и солдат. Одна «станция» находилась на берегу между Капканами и Еникале, а другая на косе Чушка». По воспоминаниям Катанцева, они с парнями ухитрялись прокатиться из конца в конец, полный оборот занимал примерно, два часа. Немцы эту «канатку» взорвали, когда бежали с Кубани.



Опора канатной дороги через Керченский пролив. 1943 г.

Наши инженерные подразделения на прибрежной площадке из бетона в районе Еникале обнаружили штабеля металлоконструкций, огромные бухты стального троса, многоцилиндровый стационарный дизель в полной исправности.

Инженеры ОПА-2 получили приказ: не дожидаясь осеннего ледостава, в короткий срок восстановить канатную дорогу. Это решение было принято 26 ноября 1943 г., а срок был назначен на 1 января 1944 г. Установка в проливе опорных мачт для «канатки» выполнялась четырьмя инженерно-дорожными батальонами. К ледоставу канаты уже были натянуты поперек водной преграды. Паромы уже не ходили в ледяном крошеве. Саперы работали днем и ночью, иногда прямо со льдин. Дорога была введена в строй в декабре, но вскоре повреждена один, другой раз, а 17-18 марта 1944 г. в нее «въехала» баржа,

дорогу восстановили вновь, но авиация противника ее уничтожила.

В начале марта 1944 г. Военный Совет ОПА-2 принял решение, в котором предписывалось построить узкоколейку от причалов и от «станции» канатной дороги в районе Еникале к железнодорожной ветке «Керчь-завод». Но было ли это доведено до реальности – сведений не осталось.

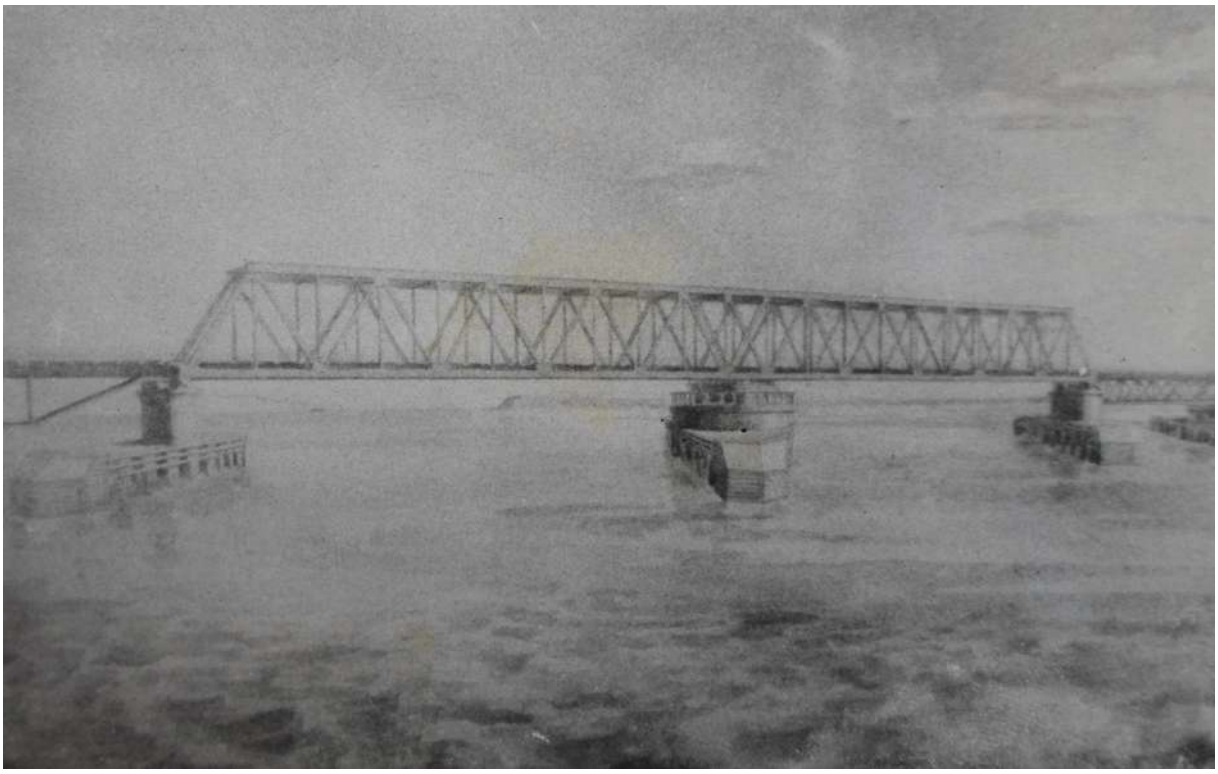
А еще ранее, в феврале 1944 г. ВС ОПА-2 принимал решение о строительстве силами Управления военновосстановительных работ (УВВР-12), которым руководил генерал – директор пути и строительства III ранга Зернов, железнодорожного моста через Керченский пролив. Этому решению предшествовало Постановление ГКО от февраля 1944 г. В распоряжение генерала Зернова передавался весь трофейный материал, оборудование, необходимые для восстановления моста.

Рисунок моста через пролив. 1944 г.

Судя по документам, построенный инженерами и военными саперами ж.д. мост должен был выглядеть так: общая длина моста – 4515 метров, высота – 9,2 м. Мост предназначался для однопутного движения под нагрузку паровоза типа «ФД». Береговая часть от кавказского берега (коса Чушка) начиналась дамбой, переходящей в деревянную эстакаду длиной 1003 м. Остальная часть – это шпрингельные (продольные) фермы на опорах. Пролеты ферм – 28,6 м., всего опор было 115. Каждая из них представляла собой «куст» из металлических свай (шпунтов фигурной формы), заполненные бетоном и нарощенные деревянным блоком. Фарватерная разводная часть имела пролет 58,35 м, перекрытый вращающейся над двумя пролетами фермой. Фарватерные опоры представляли собой бетонные блоки на кусте свай. Мост не имел ледорезов. 18 февраля 1945 г. северо-восточным ветром из Азова в пролив нагнало лед, который разрушил 32 опоры. К 20 февраля было повреждено 42 опоры. Сохранились 73 опоры, эстакада и земляная дамба. Восстанавливать мост не стали. Еще в 1968 г. продолжалась ликвидация в районе Керчь-Еникальского судоходного канала сохранившихся остатков опор. Выполняли эту работа водолазы керченской группы одесского отряда АСПТР Черноморского морского пароходства.

Через мост в период 4-5 февраля 1945 г. прошел литерный поезд с советской делегацией, участвующей в Ялтинской конференции союзников. И хотя этот мостовой переход через Керченский пролив был готов к эксплуатации точно к назначенному сроку – 7 ноября 1944 г. , - какой-либо роли в обеспечении

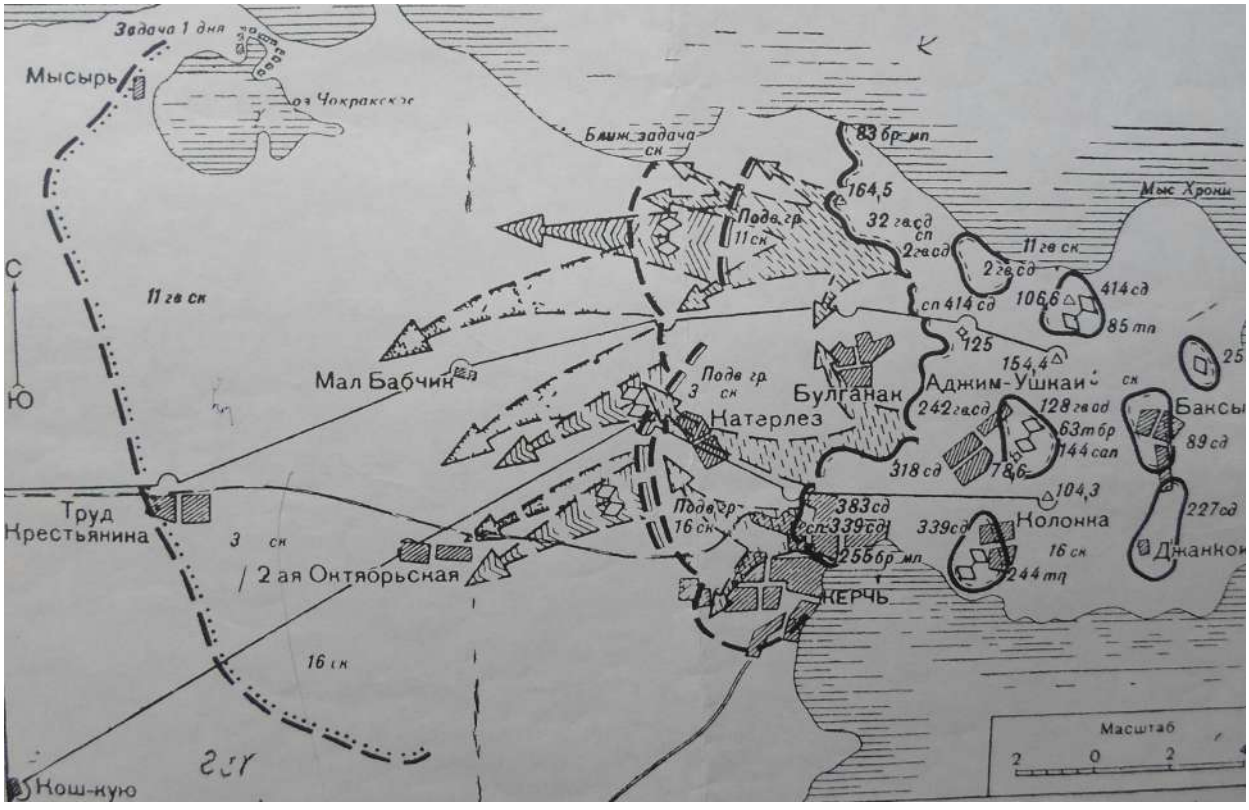
боевых действий на Керченском плацдарме он уже не смог сыграть: наши войска к этому времени очистили Крым от гитлеровских захватчиков и ушли на запад. События разворачивались так.



Военный мост: Поворотное звено над форватером. 1944 г.

Активными действиями в декабре 1943 г. - январе 1944 г. и далее - весной – непрекращающимися бросками в «разведку боем», воины-приморцы способствовали успешному продвижению ударных частей 4-го Украинского фронта на северной оконечности Крыма. 8 апреля 1944 г. начинается последний акт в судьбе немецкой группировки в Крыму. При подавляющем превосходстве в живой силе и технике, с двумя танковыми корпусами и восемнадцатью дивизиями, войска генерала армии Толбухина начали прорыв к Перекопу и на сивашском направлении. 10 апреля наши танкисты были уже в

Джанкое. В этот день командование немецких войск на керченском полуострове получает приказ от своих верхов на отход к Севастополю. И хотя оставление заранее подготовленных позиций и рубежей вплоть до Ак-Моная более походило на бегство, немцы пытались огрызаться, оставляя на пути своего отступления сильные арьергарды, усиленные противотанковой и зенитной артиллерией. В 22 часа 10 апреля Отдельная Приморская армия своим правым флангом заняла ОП Булганак, а левофланговый 16 стрелковый корпус на северной окраине Керчи разгромил заслоны противника. К 6-ти утра 11.04.1944 г. ОПА-2 полностью овладела городом Керчь.



Керченская операция. Апрель 1944 г.

Интересны воспоминания об этих первых часах продвижения наших войск сквозь «Керченский фронт» противника, легшие на страницы дневника солдата

227 СД 16-го СК Ивана Владимировича Сморкалова: «11 апреля. Перед наступлением в расположении нашей дивизии находился представитель Ставки Клим Ворошилов. Осматривая с наблюдательного пункта расположение противника и показав рукой в сторону Акмонайской позиции, он сказал, обращаясь к комдиву Преображенскому: «Возьмешь Акмонай – будешь генералом и Героем Советского Союза». – «Есть, товарищ маршал Советского Союза, взять Акмонайские позиции!» - твердо отчеканил Георгий Николаевич. Этот диалог состоялся в присутствии офицеров штаба… 18 июля. Нашему Георгию Николаевичу присвоили звание генерал-майора и Героя Советского Союза. Дивизию наградили орденом Красного Знамени». Отметим здесь, что 227 СД до выхода к Севастополю действовала, высылая вперед подвижные отряды на мехтяге, которые не должны были ввязываться в схватки с вражескими гарнизонами в опорных пунктах и не прекращать движения ударных подразделений. Далее И.В.Сморкалов записал: «12 апреля. Проехали Керчь. Сегодня стали попадаться пленные чаще. В одном хуторе сдался целый гарнизон – 30 человек с оружием… Сейчас нам повстречалась колонна немцев и румын, человек 400. Их ведут в тыл двое наших бойцов. Некоторые немцы идут понуро, румыны веселее. Попадались колонны пленных немцев. Их ведут их же союзники, румыны…»

А вот, что вспоминал в 2001 г. один из участников освобождения Керчи, в то время - лейтенант, комроты 2-го батальона 1133 сп 339-й СД 16-го СК Иван Антонович Алексеюк: «Утром, 11 апреля над позициями стояла тишина. Оказалось, что немца

перед нами уже не было, они снялись со своих позиций на автомашинах и на конной тяге… Наступали мы понад речкой в сторону Керчь-2. Я оказался почти рядом со своим домом (это около правления колхоза им. Микояна, сейчас на этом месте таксомоторный парк), но забежать к своим не смог. До Феодосийской дороги возле Мичурино противник сопротивления почти не оказывал. А дальше были румынские опорные пункты. Один из них сбили огнем, здесь очередью был убит старший сержант Алексей Голощапов, которому за участие в предыдущих боях было присвоено звание Героя Советского Союза, но он тогда еще не знал об этом. Нашу пехоту на автомашинах бросили вдогонку отступающему противнику. Дошли до Балаклавы…».

...без слов, Керченский полуостров, апрель-май 1944 г.

Нашим войскам пришлось предпринять три безуспешных генеральных наступления в ноябре 1943 г. – январе 1944 г., прежде чем фронт под Керчью был прорван 11 апреля 1944 г., тогда немец покатился до самого Севастополя, огрызаясь, как смертельно раненый зверь.

320 фронтовых дней Керчи завершились долгожданной победой.

Страшная картина опустошения представилась воинам Красной Армии. Все было изломано, изуродовано, сожжено. Исторические памятники осквернены,

культурные ценности выкрадены. С 13 апреля сапера-ми было обезврежено 41078 противотанковых и 58075 противопехотных мин. Подобрано и ликвидировано 85000 артснарядов, минометных мин и авиабомб.

За годы хозяйничанья в Керчи захватчики замучи-ли и истребили 14 тысяч мирных жителей, 15 тысяч военнопленных, угнали в рабство 14342 человека из числа молодежи города. Материальный ущерб, нанесенный городу, составил более 1,5 миллиарда рублей (по ценам того времени).

Все было в истории Керчи в эти раскаленные и кровавые военные годы: и самоотверженный труд в цехах, на оборонительных укреплениях и рыбных промыслах для нужд фронта; и шальные рейсы под бомбежками и артобстрелами на дере-вянных скорлупках с десантниками на борту; и беззаветные атаки переднего края противника полуобученными и невооруженными ратниками – ополченцами и пехотинцами Крымфронта, брошенными сумасбродным приказом свыше в бой, захлебнувшийся в крови; и заточение по соб-ственной воле в Аджимушкайских каменоломнях во имя будущей победы, о которой защитникам подземного гарнизона не суждено было узнать; и, наконец, прорыв на последней вздохе, но с надеждой вырвать у врага победу при штурме предместий многострадальной Керчи. На приазовской высоте 164,5, что виднеется в нескольких километрах от пос. Булганак, ныне носящего имя лейтенанта Бондарен-ко, и где свершались самые кровавые и решительные схватки с немецкими гренадерами, установлены после войны три памятные стелы. Когда-то на них

были прикреплены металлические памятные доски, увековечивающие имена и число павших здесь бойцов ОПА-2. Стелы стоят и поныне, полуразрушенные и поросшие бурьяном и кустарником. А металл еще пятнадцать лет назад содрали современные вандалы, возжелавшие по-своему отметить ратный подвиг предков и их боевых товарищей, сложивших головы за это будущее поколение. Вот такая диалектика получается…

Глава XI

Керчь не забудет ни кого и ни что

Мы не можем забыть того, что за 161 день боев за Керчь и восточный Крым ОПА-2 потеряла 17305 убитыми и 61699 человек ранеными, больными и обмороженными. Пропало без вести 2435 человек. А всего за годы защиты и освобождения города-крепости на Керченском полуострове пали десятки тысяч наших воинов. В «Книге учета захоронений в Керчи» значится 8183 фамилии. По данным составителей Сборника «Керчь военная» (вып. 2004 г.) было предано земле и покоятся ныне в братских могилах воинов по городу 15607 человек. А всего в боях за Керчь, когда война четырежды прокатывалась через этот город, пало свыше 50000 бойцов. Сам же Керченский полуостров и его жители оказались в эпицентре противостояния двух армий, в течение которого в 1941-44 г.г. в боях

приняли участие почти полмиллиона наших воинов. Здесь пролилась кровь около 180 тысяч израненных и обожженных бойцов, на поле боя погибло, а в море утонуло более 110 тысяч.

Памятники и обелиски, на которых значатся имена павших и указано число захороненных безвестных воинов, хранят странную, в сравнении с реальным числом жертв, арифметику – 32 тысячи. Об остальных – никого следа, только слова в поминальной молитве…

Памятники и памятные знаки, стоящие в восточном Крыму… Их больше 25. Керченских городских воинских захоронений – 10. Три относятся к 1942 году, остальные с 1944 года послужили основой для семи мест подзахоронений. Чем же определялся порядок выполнения этих ритуальных мероприятий?

Еще в апреле 1942 г. был издан приказ Народного комиссариата обороны, который предусматривал сбор трупов на бывших полях сражений, их документирование и захоронение силами специальных команд из гражданского населения. Места для захоронения определялись местными Советами, где по Инструкции оставались на постоянное хранение «Именные списки трупов военнослужащих, гражданского населения, обнаруженных на полях сражений». Такие списки в виде «Книги» начальники команд сдавали в местный Совет. При перезахоронении в книге указывалось точное место расположения бывших могил, место нового захоронения, число извлеченных останков.

Председатель Совета обязан был все сведения сообщать в Бюро Учета персональных потерь (БУПП), а оттуда – в Центральное БУПП (г. Москва, ул. Фрунзе,

19). В феврале 1946 г. СНК СССР издал Постановление для всех исполкомов о взятии на учет любых кладбищ и могил погибших воинов и партизан.

Предписывалось все индивидуальные могилы за пределами населенного пункта перенести в ближайшие воинские кладбища или объединить в отдельные братские могилы. Например, так было пополнено захоронение братской могилы в пос. Подмаячный, где значилось 674 бойца: в 1992 г. сюда были перенесены останки 47 воинов, поднятые с кладбища 27-го отдельного медсанбата 32-й гв. СД в пос. Глейки, в низине недалеко от маяка. Теперь в братской могиле покоится 595 известных, и еще значатся 224 неизвестных воина.

Кровавые недели только ноября и декабря 1943 г. отмечены под Керчью из числа внесенных в Книги учета захороненных в городской черте 2484-мя фамилиями. За время двух частных наступательных операций и штурмовых боев за наш город в январе-апреле 1944 г. керченская земля стала вечной усыпальницей для 4167-ми освободителей, фамилии которых мы все же знаем. А остальные 9 тысяч? Хотя бы какие-то намеки на их имена?!

В одной из хороших бардовских песен середины 60-х годов прошлого века поется о маках, которые расцвели на полях сражений минувшей войны, сдобренных кровью павших. Если бы камни и осыпи на склонах безымянных высот под Керчью, когда-то вобравшие в себя пролитую горячую кровь сражавшихся здесь солдат, смогли вдруг прорасти весной, это было бы бесконечное поле из маков, заслонивших алым цветом иссушенный Керченский

полуостров от моря до моря…

Свет далеких звезд

Мы не можем забыть, что в боях за Крым заслужили звание Героя Советского Союза 533 человека, в том числе - 120 посмертно. На памятных плитах на центральной площади Керчи высечены фамилии 146 Героев, проявивших себя в боях по защите и освобождению нашего города.

Известно, что эпопея защиты и вызволения в 1941-42 г.г. Керчи от захватчиков включает в себя не одну сотню примеров наивысшего взлета человеческого духа, признанного геройством и подвигом. И тем не менее, единственным Героем среди тогдашних освободителей был назван политрук-десантник Илья Тесленко.

До «дождя наград» тогда еще было далеко. Ведь Керчь весной 1942 г. была сдана. Сражения Крымфронта были отмечены лишь тремя присвоениями высшего звания. Стали Героями: парашютист-разведчик ефрейтор Г.И.Выглазов; рядовой 224-й СД Г.П.Схулухия; погибший в воздушном бою комполка летчик М.А.Федосеев.

Летопись освободительных боев на третьем этапе Великой Отечественной войны хранит свидетельства о двух массовых награждениях Золотой Звездой Героя: это – воздание должного за форсирование Днепра и, второе – за захват плацдарма под Керчью в 1943 г. Тогда эльтигенцы прославили себя 61-м награждением звездой Героя, а среди десантников

на северо-восточном побережье под Керчью стали Героями 59 человек.

Встреча освободителей, Керчь, май 1944 г.

Нельзя не отметить, что на решение Президиума, органа высшей власти страны о введении имени нашего города – Керчи в шеренгу городов-героев не могло не повлиять признание как значительного события в ходе войны факта именно этого массового присвоения звания Героя в течение лишь одной операции. В этом признании, несомненно, весомая доля относится и к подвигу аджимушкайцев, хотя звание Героя из них никто не получил. И это удручает…

Мы не можем забыть, что 45 лет назад, в сентябрьские дни 1973 года наш город принимал поздравление в признании Отчизной его заслуг в ратных и мирных делах. Керчи было присвоено звание «Город-герой». В честь такого события на главной площади города

15 сентября состоялся митинг трудящихся, на котором был оглашен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1973 г., согласно которому Керчь вместе с Новороссийском вошла в плеяду городов-героев нашей страны, называвшейся тогда СССР.

В последующие дни – 16, 18 сентября на имя тружеников города поступили телеграммы от главы нашего государства и от министра обороны маршала А.А.Гречко. Они отметили подвиг защитников и освободителей Керчи в годы ВОВ, мужество патриотов из числа партизан и подпольщиков в дни оккупации города, стойкость аджимушкайцев, всех трудящихся, проявивших огромную выдержку и упорство как в годы фашистского нашествия, так и в еще более суровые дни восстановления своего города.

Освобожденный город лежал в руинах. Коллективы предприятий, все жители Керчи дружно взялись за возрождение своего отчего гнезда. Только за несколько месяцев 1944 г. было возвращено к жизни 6 школ, ремесленное училище, школа ФЗУ, больница на 120 коек, поликлиника, аптека, детская консультация, молочная кухня для грудничков, детдом, три детсада, трое яслей, Дом культуры, кинотеатр. Заработала электростанция, первая очередь водопровода, баня, 7 парикмахерских. Торговля получила 27 точек, открылось 11 столовых.

В первые же месяцы после освобождения было убрано 200 тыс. кубометров мусора и хлама, построено три моста. Когда отхлынула фронтовая волна и боевые действия с Керченского полуострова были перенесены вглубь Крыма и далее - к Севастополю, наш город представлял из себя развалины, нашпигованные

металлом. Тысячи мин, снарядом и бомб оставшиеся после боев, в летние месяцы 1944 г. были изъяты и ликвидированы армейскими саперами. Тогда в пределах городской черты и пригороде, были ликвидированы 9 минных полей на 75-ти гектарах общей площади. Но

Одна из первых команд минеров-осоавиахимовцев. Шафраненко(Левенко) 4-я слева (сидит). Керчь, 1945-46 г.

войск для разминирования всей территории Керчи (а это более 10 тыс. гектаров) не хватало. Поэтому уже в мае 1944 г. было принято решение о подготовке и привлечении к разминированию и сбору здесь брошенной военной техники и боеприпасов рабочей молодежи. Эти ребята и девчата прошли тогда, в конце 1944 г. – начале 1945 г. обучение на курсах при районных организациях ОсоАвиаХима. К середине 1945 г. таких бойцов-минеров (это официальное название

членов команд по разминированию) было подготовлено 136 человек. В дальнейшем их число выросло до 210 человек. Сегодня самые активные из них являются значкистами «Отличный минер» Их – 26. Это те, кто в возрасте 17-18 лет (1926-1928 г. рождения) делали ту работу, что была по силам только взрослым, опытным бойцам.

М.Х.Куценко

Одна из них – Куценко Мария Хрисанфовна вспоминала в октябре 2005 г. при нашей с ней встрече: «После освобождения Керчи я с семьей вернулась в город. Работала аппаратчиком по контролю за водным режимом на ТЭЦ. Попала в число курсантов при ОсоАвиаХиме. По заявкам организаций нас выделяли на сбор взрывоопасной техники. Командовала нами Александра Никитична Моисеенко. Чаще всего нам приходилось собирать боеприпасы в плавнях в районе завода 532 (*нынешний «Залив», судостроительный гигант, примеч. Л.В.*), очищали от них местность вплоть до Крепости, каменоломен на Старом-Карантине».

Повествует Николай Григорьевич Васильченко: «Мы возвратились в Керчь уже 13 апреля 1944 г., поселились в пос. Опасном. Мне было 16 лет. Кругом валялось несметное количество техники, боеприпасов, военного имущества. Начал работать в рыбколхозе им. Моссовета. В начале октября 1944 г. председатель

Н.Г.Васильченко. 1946 г.

вручает мне направление на учебу. Так я попал в минеры. В группе было 24 человека, в основном – девчата. У нас было удостоверение на право производства взрывных работ, иногда вывозили боеприпасы на подводе, но чаще приходилось таскать на себе. С октября 1944 г. до 15 марта 1946 г. каждый божий день работал беспрерывно. Меня и еще нескольких керчан представили к ордену Красной Звезды, но награду никто из нас не получил…»

Характерны воспоминания Ивана Николаевича Козинец: «В апреле-мае 1944 г. я начал работать на судоремонтном заводе. По повестке вызвали в военкомат. Стали заниматься здесь с инструктором – старшиной по военной программе. Две недели шли занятия. ОсоАвиаХима еще тогда не было. Потом была сформирована вторая группа, которой командовала Мария Завгородняя. Задача – сбор боеприпасов по всей территории города. Особо «нашпигована» была мусорная свалка в районе

И.Н.Козинец. 50-е годы.

нынешней швейной фабрики. Нам было приказано все уничтожать на месте. В 1945 г. разминировали и собирали боеприпасы в районе пос. Мичурино. Все собранное мы взрывали в балке. Разминированием я занимался до 1946 года. В 1997 г. в военкомате получил удостоверение как участник боевых действий».

А вот что запомнилось Елене Нестеровне Давыдовой: «Мне в 1945-46 г.г. было 18 лет. Наш взвод бойцов-минеров был в составе, примерно, 30 человек. Наиболее заядлыми минерами были Завгородняя, Желнова Тоня, Кучуркин Коля, Куксин Коля. Штаб МПВО был рядом с кинотеатром «Пионер». Нам выдали щупы – палки 1,5 м длиной с острым наконечником в 20-25 см. Первая работа была на пустыре возле Мелек-Чесменского кургана. Особо предупреждали нас, чтобы не трогали невзорвавшиеся мины под названием «бабочки», имевшие крылышки. Аджимушкай был весь заминирован».

Е.Н.Давыдова. 1956 год.

Своими воспоминаниями, тогда же, в 2005 году, поделился Валентин Васильевич Скляров: «Родился в 1927 г. После освобождения Керчи стал работать на СРЗ. От завода оказался на курсах минеров. Они были на ул. 23 Мая. Примерно, месяц изучали мины, гранаты

В.В.Скляров. 1961 год.

– наши и немецкие. Там, где «Казенный сад» тогда был, - собирали боеприпасы, наверное – полтонны, выбрали воронку и рванули. Образовалась яма радиусом метров 50. Оказалось, что на этом месте в земле немцы делали свой «могильник» для боеприпасов. Поэтому взрыв у нас получился двойной».

А.М.Постников. 1995 г.

О некоторых особенностях работы бойцов-минеров поведал участник разминирования Александр Михайлович Постников: «В горвоенкомате нам, 16-17-летним, предложили учиться на минеров и работать по городу. Обещано было питание, добавка продуктов, оплата, сохранение оклада на работе в моей судоверфи. Практику проходил на Митридате. Работали на «завале» недалеко от очистных в пос. Бондаренково, также – под Крепостью, на Японском поле (недалеко от нынешнего вещевого рынка). Когда надо было ликвидировать

противотанковую мину, брали с собой «кошку» с веревкой, сдергивали мину, а сами прятались в окопчике. При подведении итогов за 1945 г. обещали представить к медали «За отвагу». Но ничего не было».

К весне 1946 г. наметился спад в темпах разминирования: руководители предприятий стали отвлекать своих рабочих из числа бойцов-минеров на свое основное производство. Молодежь еще продолжала действовать на энтузиазме, на сознании необходимости своей работы. Через несколько лет, с началом активного городского строительства, к этой проблеме пришлось вернуться.

В 1948-50 г.г. в связи с многочисленными несчастными случаями из-за засоренности города взрывоопасными предметами руководство Керчи продолжило организацию работы по сбору неприбранных или присыпанных боеприпасов. В этот, уже второй, период к разминированию через военкомат привлекались парни 1929 г. рождения. Известны случаи, когда работа во взводе минеров засчитывалась как срочная служба, и такие ребята в армию более не призывались.

Каждому минеру полагалась плата – 600 рублей в месяц, за ним сохранялась должность, непрерывный стаж и все льготы по основному месту работы. Последние десятилетия 20 века разминирование Керчи осуществлялось саперами и водолазами из войсковой части, подчиненной МЧС Украины.

Все было в новейшей истории Керчи: и безумные рейсы под огнем врага через пролив в деревянных суденышках керченских рыбаков с войсками на борту; и броски на прибрежные кручи братишек-матросов под свинцовым ливнем с неуемной жаждой добраться

до горла врага; и священная борьба до последнего человека из остатков фронтовых войск лета и осени 1942 г. с ненавистными оккупантами; и безоговорочное стремление взять приступом укрепленную оборону противника под Эльтигеном почти голыми руками и на последнем издыхании; и принятие решения властями послать на верную игру со смертью (повезет - не повезет!) молодых и еще желторотых ребят и девчат, чтобы их руками вернуть разбитый город в пригодное для жизни состояние. И вот все это легло в основу того исторического решения – присвоить Керчи звание Город-Герой, чем было воздано должное его защитникам и освободителям.

Почему датой, которая стала звездным часов Керчи, было выбрано именно 14 сентября 1973 г.? Казалось бы тридцатилетней давности события эпохи освобождения относятся больше к ноябрьским дням 1943 года или к апрельской победной дате 1944 г. Так ведь?

История боевых действий на Северо-Кавказском фронте отмечена знаменательной датой - 15 сентября 1943 г. Эта дата – день освобождения Новороссийска и начало разгрома войсками 18 и 56-й армий немецко-румынской группировки на Таманском полуострове, после чего развернулось сражение за Крым, за Керчь. Война соединила эти два города, ставших Героями одновременно – Указ об этом вышел накануне 30-летия освобождения Новороссийска – 14 сентября 1973 г.

Так и получилось: как бы невидимый еще в те годы «Керченский мост» исторически соединил эти два участка Южного фронта – Тамань и Крым с форпостом восточного Крыма – Керчью. Они так и

живут нераздельно поныне и во веки веков. А мост – настоящий, реальный, сам по себе уникальный, соединяет теперь эти две, вдруг сомкнувшиеся, окраины Европы и Азии! Свершилось. «Керченский мост» соединил эти части Света. А теперь, представь, дорогой мой молодой читатель, какой огромный и тернистый путь пришлось пройти твоим ближайшим и ныне живущим предкам, чтобы такое свершилось! Ты свидетель величайшему событию в истории после Дня Победы – 9 мая 1945 г. Гордись!

14 сентября – ежегодный праздник города в Керчи. И не случайно одна из первых правительственных телеграмм в честь города-Героя была подписана маршалом Гречко. Ведь именно он в феврале и по день освобождения Тамани и всего Северного Кавказа - до 9 октября 1943 г. командовал 56-й Армией, перешагнувшей затем через Керченский пролив и с тяжелейшими боями создавшей на восточной оконечности Керченского полуострова Еникальский плацдарм. Может быть именно по этой причине член тогдашнего Политбюро Андрей Антонович Гречко лично прибыл в Керчь осенью 1973 г. для вручения городу-герою Золотую звезду и орден Ленина. Какими делами тогда жила Керчь, чем знаменательны были те дни, ставшие триумфом нескольких поколений керчан и которым суждено было стать спустя 27 лет, общегородским праздником?

Полным ходом шла подготовка к осеннее-зимней путине. Для выполнения плана в местном водоеме предстояло добыть и обработать на пищевые цели 700 тысяч центнеров азовской и 60 тысяч центнеров черноморской хамсы, а также 388 тыс. центнеров

тюльки. В лове бычка принимали участие 10 судов рыбколхозов. На 24 береговых обрабатывающих цехах, расположенных вдоль берегов пролива, тогда действовало 103 механизированные линии бочкового посола рыбы. В океане за один день 13 сентября 1973 г. рыбаки из объединения «Керчьрыбпром» и «Югрыбразведка» взяли на борт 3380 тонн рыбы. За один день 11 сентября 1973 г. смена мастера Головко с аглофабрики железо-рудного комбината выработала 4156 тонн окатышей агломерата, 80 думкаров (цельнометаллических вагонов) было отправлено в порт Камыш-Буруна для отгрузки на «Азовсталь» в Жданов (Мариуполь).

С начала года по 10 сентября 1973 г. было сдано в эксплуатацию 41,7 тыс. кв. метров жилой полезной площади: это 11 домов или 852 квартиры…

Вот уже в 45 раз будут отмечать керчане свой городской праздник. С чем они придут к этой юбилейной дате? Нет уже двадцать лет «Керчьрыбпрома» и «Югрыбразведки», нет давно ЖРК и много того, что создавало славу Керчи, пока киевские «реформаторы» не взялись «за дело». Но жизнь продолжается. И есть уверенность, что «Керченский мост» поможет в короткий срок возродить былую славу Керчи: она выстояла в боях, она выстояла в разруху после военного лихолетья, она выстоит и теперь, соединенная пуповиной с матерью – Россией.

Они были в числе героев на страницах СМИ

Участвуя по мере сил в создании летописи боев за Керчь, мне как научному сотруднику и журналисту

множество раз пришлось встречаться или вести переписку с людьми разного общественного положения, но обязательно соприкоснувшимися с той войной или ее последствиями. Это могли быть и 1-й секретарь Крымского обкома ВКП(б), и заслуженные рыбники, и строители – создатели новой для Керчи отрасли – океанического рыболовства, и, конечно, ветераны боевых действий и ликвидации последствий войны – минеры и «тральцы» - экипажи тральных сил ВМФ.

Записи биографий и воспоминаний многих из них в свое время составили небольшой пласт в истории боев за Керчь, хранимый ныне в фондах и архиве Керченского музея-заповедника. О некоторых из этих персонажей в 90-х - начале 2000 годов мною были написаны очерки, опубликованные с керченских СМИ.

Его имени мы не найдем в Советском Энциклопедическом словаре. Если бы такой словарь был издан в Крыму сейчас, в наше время, мой молодой читатель, и включал бы фамилии исторических личностей и знаменитых деятелей нашей автономной республики, то и тогда фамилия В.С.Булатова могла быть упущена составителями. О партийных вожаках недалекого прошлого как-то стало традицией не упоминать всуе…

И все же мы рискнем напомнить о делах и судьбе Владимира Семеновича Булатова, предвоенного первого секретаря областного комитета Всесоюзной Коммунистической партии большевиков (ВКП(б), в войну ответственного за организацию партизанского движения и подпольной работы в Крыму, в своей время не сумевшего сыграть роль «волнолома» в роковые месяцы разгула местечкового экстремизма 1941-44 г.г.,

а затем - в майские дни 1944 г. - наката безжалостной стихии депортации.

В.С.Булатов. 30-е годы.

9 января 2018 года ему исполнилось бы 108 лет. В.С.Булатов родился в 1910 г. в г. Костроме в татарской семье. Его отец был речником, ходил на пароходе по Волге и ее притокам. Володя окончил 4 класса, мальчишкой успел поплавать масленщиком, кочегаром на судах Волжского речного пароходства. Какое-то время в начале 30-х годов учился в Балаковском речном техникуме на судомеханика. Здесь он втянулся в комсомольскую работу. Вскоре его перевели в Оренбургскую область, где Владимир Булатов проявил себя как хороший организатор молодежи. Житель Керчи Михаил Васильевич Потехин, в те годы работавший в Оренбургском комсомоле, рассказывал мне в 2000 году: «Булатов проявлял задор и инициативу в комсомольской работе, его слова не расходились с делом. У него хватало времени летом и зимой побывать на важнейших стройках, в колхозах и совхозах. Был прост, доступен в среде всех слоев молодежи». Потехин подчеркивает национальную особенность Оренбургской области: здесь проживало много татар, башкир, мордвинов, чувашей. Тот, кто

владел одним или двумя языками этих народностей, пользовался огромным авторитетом у населения. Таким был и В.С.Булатов. Всего за пять лет молодой лидер поднялся в должности от секретаря периферийного райкома комсомола в Куйбышевской области до поста 1-го секретаря обкома ВКП(б) многонациональной Крымской АССР, куда он прибыл в феврале 1939 г. В начале войны ему было только 31 год. Семену Михайловичу Буденному, тогдашнему главкому Юго-Западного направления, а потом – Северо-Кавказского, - весной 1942 г. было почти 60 лет. Именно тогда столкнулись их точки зрения на судьбу партизанского движения в Крыму, на роль в нем военнослужащих. Дело в том, что в соединениях (их было четыре – Северное, Западное, Восточное и Южное) крымских партизанских отрядов значительное число бойцов составляли красноармейцы и командиры Красной Армии и моряки ЧФ из числа попавших в окружение или вырвавшихся из немецкого плена. В составе отрядов действовали разведгруппы штаба фронта и ВМС, обеспеченные средствами связи и документами скрытого радиообмена, чего не имели штабы соединений партизан и поэтому были зависимы от военных. Не говоря уже о том, что те составляли настоящее боевое ядро каждого отряда.

Как повествует сам В.С.Булатов (*переписку с ним я, как научный сотрудник Керченского музея-заповедника, вел с 1997 г. Л.В.*): «Буденный приехал в Керчь, и я оказался здесь, в штабе фронта, вместе с Мехлисом. Они подготовили телеграмму на имя Сталина, где просили разрешения военных из Крыма вывести. В этой телеграмме задействовали и мою подпись. Я,

конечно, отказался подписывать эту телеграмму… Тут Буденный на меня набросился: «Мальчишка! Кто ты такой!?» Я вышел из хаты».

Так партизанское движение на многие месяцы лишилось поддержки и материально-технического обеспечения со стороны военного командования. (*Отмечу от себя: и здесь успел «приложить руку» неугомонный Мехлис! Прим. Л.В.*).

Нет сомнения, что имея твердый характер, Владимир Семенович всегда умел отстаивать свою точку зрения. В нашей с ним переписке об истории присоединения Крыма к Украине в 1954 году В.С.Булатов в июле 1997 г. отметил: «По-прежнему болею за Крым, за его судьбу. Это – замечательный край. Я ему посвятил все лучшие годы. Хотя в 1940-м году Н.С.Хрущев меня уговаривал, чтобы я дал согласие о передаче Крыма Украине, я выдержал его нажим и убедил некоторых членов Политбюро ЦК ВКП(б) – А.А.Андреева, А.А.Жданова. Они меня поддержали…»

В дальнейшей переписке В.С.Булатов более подробно осветил этот вопрос: «В 1940 году, будучи на одном из Пленумов ЦК, я был приглашен в перерыве на обед к Н.С.Хрущеву через секретаря Одесского обкома. Я был несколько удивлен такому приглашению. Крым тогда был в составе РСФСР. Во время обеда Хрущев обратился ко мне: как я смотрю на то, чтобы поднять вопрос о присоединении Крыма к Украине. Он предложил мне подумать и спустя некоторое время позвонить ему в Киев. После Пленума я был на приеме у А.А.Андреева и А.А.Жданова и рассказал им о встрече с Хрущевым. Они возмутились его затее и сказали: «Выкиньте из головы эту авантюру». Я, конечно, в Киев

В.С.Булатов. 1941 г.
Депутат ВС СССР

Хрущеву не позвонил». По поводу своего участия в работе Южного штаба партизанского движения Булатов написал так: «…Ход войны, начало ее, не совсем удачно складывались. Возникла мысль создать истребительные батальоны в каждом районе, в каждом городе. Эти истребительные батальоны стали базой партизанских отрядов. Оружия не было. Я обращался к наркому обороны Тимошенко и по его указанию получил из Одессы 1000 румынских винтовок и по 100 патронов к каждой винтовке. Насчет Южного штаба партизанского движения, его начальника Мансурова ничего сказать не могу, с ним встречался один раз в Краснодаре. Этот штаб так ни в чем себя и не проявил…»

В начале апреля 1999 г. В.С.Булатов в письме рассказал о своей встрече в Керчи в феврале 1942 г. с Л.З. Мехлисом – представителем Ставки ВГК на Южном направлении: «Он вручил мне удостоверение члена Военного Совета Крымского фронта и задал много вопросов. Интересовался частями, укомплектованными бойцами дагестанской национальности, лезгинами… Он привез с собой 25 молодых ребят – политработников, чтобы проверить, как

выполняется обещание Н.М.Кулакова – члена ВС ЧФ, о комплектовании морских бригад, кто ими командует и т. д. Проверялось наличие вооружения в частях, наличие транспорта. Допросил меня с пристрастием о крымских татарах, их поведении». (*Интересно, что вопросы Мехлиса к Булатову не относились к компетенции последнего как члена ВС фронта. Он был ответственен в то время и позднее за обеспечение санитарных морских транспортных операций и размещения ранбольных в кубанских тыловых госпиталях и т.д. Прим. Л.В.*).

Вопрос о крымских татарах и депортации всего народа в 1944 г. для нас, научников Крымского музея-заповедника, тогда - в 1999 г. был весьма актуален. Поэтому я не преминул поинтересоваться в письме об оценке Владимиром Семеновичем правомерности такого акта. Он написал тогда так: «О событиях, связанных с депортацией. Никакой попытки с нашей стороны в том, чтобы убедить политбюро о нецелесообразности выселения татар, не было. Да нас никто из руководства страны и не спрашивал. Практически было так. В начале мая прибыли в Крым два зама Берии – Кабулов и Серов. Явились в Обком, мне сообщили о решении выселить татар из Крыма: «Это для вас сообщаем», и рекомендовали никому ни слова об этом. – «Мы будем работать, вам не будем мешать»… Это мне надо было пережить…»

Война с пространства многострадального Крыма отхлынула на запад, и вместе с обнажившимися на освобожденной территории проблемами упало доверие центральной власти к своему партийному наместнику здесь.

В.С.Булатов. и К.Е.Ворошилов. 1944 г.

Несмотря на то, что В.С.Булатов, судя по историческим обобщениям и отзывам современников, вполне успешно справлялся с обязанностями члена ВС ЧФ, Южного штаба партизанского движения, Крымского и Северо-Кавказского фронтов, будучи ответственным за организацию санитарного и медицинского обеспечения войск, работу портов и транспорта, – ЦК ВКП(б) сразу же после начала депортации крымско-татарского населения отозвал его в Москву. Встал ли Булатов на защиту судеб десятков тысяч женщин, детей, древних стариков этого народа? Нам не известно. Но на партийную работу Булатов В.С. более не выдвигался.

Вся трудовая деятельность бывшего молодого, но перспективного партийного вожака, вплоть до ухода на пенсию, была связана с Волжским речным

пароходством, где он работал зам.начальника конторы «Волготанкер».

В книге «Годы партизанские» Ф.И.Федоренко рассказывает о событиях марта 1942 г., где упоминает В.С.Булатова как «капитана 1-го ранга». В действительности это звание по запасу Булатову было присвоено только в 1951 году (приказ Военно-Морского Министра СССР от 22.10.1951 г.). Взлет В.С.Булатова продолжался всего пять лет, падение с вершины Крымского партийного Олимпа свершилось в пятидневный срок. Умер Владимир Семенович 11 апреля 1999 г. – в 55-ю годовщину освобождения Керчи.

Наш город издавна называли столицей рыбного промысла на стыке двух морей. Но время и обстоятельства привели к тому, что ореол славы рыбацкой Керчи стал тускнеть. Но ни годы, ни политические новации, ни экономические потрясения не смогут стереть из памяти сегодняшних керчан, а значит – их потомков, трудовые и боевые подвиги крымских рыбопромышленников: рыбаков, членов экипажей судов рыбколхозов, обработчиков рыбы предприятий Госрыбтреста и других тружеников «голубой нивы». Именно их труд на протяжении десятилетий 20-го века укрепил эту славу. А зарождалась она тяжким трудом предшествующих поколений. Именно здесь, в ватагах «рыбалок» сложились целые династии рыбников.

Династии. Это слово весьма уместно, когда речь заходит именно о семействах потомственных керченских рыбаков. Многие из фамилий их давно на слуху у жителей Керчи. Попробуем обозреть одно такое родовое древо – Бантышей.

Родоначальником керчь-еникальской династии Бантышей – Бантышевых стал Василий. Он попал сюда из Бессарабии, когда был призван на службу матросом на маяке под Еникале. После царской военно-морской службы осел здесь же. На хуторе Подмаячный построил землянку и стал рыбаком. Нашел жену, пошли дети: сыновья – Сафрон, Дмитрий, Трофим, Архип, Илья, дочери – Евгения, Анисья, Ольга.

Два семейства стали Бантышевыми. Видимо, этим утверждалось их славянское происхождение. Один из потомков Василия вспоминал, что во время срочной службы в Молдавии (до конца 30-х годов прошлого века это была Бессарабия) ему пришлось бывать в селе, где почти все жители имели фамилию Бантыш…

Все мужчины семьи Бантышей в молодые годы рыбачили. В поисках лучшей доли Сафрон и Трофим в 1910 г. перебрались в Семипалатинскую губернию. Трофим еще в 1905 г., будучи на заработках в Донбасе, оказался вовлеченным в забастовочное шахтерское движение, с 1907 г. находился под негласным надзором полиции, был вынужден часто менять место жительства. Его трое старших детей, в том числе сын Николай, появились на свет в разных поселках Донбаса, одна дочь родилась в Керчи, а четверо ребят – в Сибири, где семья прожила 14 лет. Трофим Васильевич тогда был сельским кузнецом. По его стопам пошел Николай. В Керчь семья Трофима возвратилась в 1925 году. Трофим Васильевич умер в 1928 г. Трое его сыновей – Константин, Яков и Леонид – в Керчи потомства не оставили. Николай Трофимович Бантышев до войны работал на заводе им. Войкова кузнецом, потом инструктором производственного

обучения в школе фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), стал ее директором.

Н.Т. Бантышев. 1945 г.

В 1942 г., пройдя краткосрочные офицерские курсы, Николай Трофимович командовал взводом конных разведчиков, был политруком. Затем принял под свое начало отдельную разведроту 46 гв. СД. Прошел фронтовыми дорогами до Курляндии (Прибалтика), пять раз был ранен. Заслужил два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны, медаль «За боевые заслуги». В послевоенные годы опять учил ребят в ФЗУ и ПТУ №1, работал в цехах завода им. Войкова. Умер Николай Трофимович в 1977 г. Три его дочери – Алла, Лидия и Ирина – наши землячки. Старший из детей Николая Трофимовича – Владимир, 1925 г. рождения, до войны окончил 8 классов. Находясь в эвакуации в г. Куйбышеве, поступил на авиационный завод. Здесь у него начались конфликты с законом, поэтому ему удалось под чужой фамилией добровольно вступить в Вооруженные Силы. В составе 48-й гв. СД участвовал в боях под Берлином, дивизия была переброшена под Прагу. Здесь Владимир был ранен и контужен. В 1952 г. его восстановили в родовой фамилии, а в 1989 г. к нему вернулось

В.Н. Бантышев (слева). 1951 г.

звание участника боевых действий. Он имеет медаль «За взятие Берлина». Свою трудовую деятельность он завершил на ЖРК как инженер-металлург, имея диплом техникума и института. Его сын Валерий и дочь Татьяна (она живет в Керчи) подарили деду Владимиру Николаевичу двух внуков и двух внучек.

Сафрон Васильевич и его семья долго мыкались по Сибири, а потом жизнь разбросала их. Сам Сафрон еще молодым умер от тифа.

Дмитрий Васильевич всю жизнь был простым рыбаком. Двое его сыновей, родившихся еще в конце XIX века, пали на фронтах Великой Отечественной войны. Иван, будучи минером 13-й отдельной инженерной бригады спецназначения, пропал без вести 5 сентября 1942г. под Новороссийском. Игнат пропал без вести в 1944 г. Третий сын – Ефим, до конца своих дней жил в Ленинграде. Четвертый сын – Константин Дмитриевич Бантыш был бухгалтером в рыбколхозе им. 1-го Мая,

П.К. Бантыш. 90-е годы.

где потом уже его сын Павел Константинович Бантыш стал председателем. Здесь же рыбачил еще один сын Дмитрия Васильевича – Кирилл.

Самые теплые воспоминания у ныне живущих членов династии Бантышей старшего поколения остались о среднем сыне деда Василия – Архипе. Все любили своего дядю, он также очень хорошо относился к своим племянникам и их семьям. В царское время Архип Васильевич служил на военном флоте, он был среди восставших моряков на крейсере «Екатерина-II», где числился кочегаром. Встречался с лейтенантом П.П.Шмидтом. После увольнения со

А.В. Бантыш (слева). 1923 г.

службы работал в пос. Эльтиген на маяке старшим смотрителем. После женитьбы у него родились дочери. Умер Архип Васильевич в возрасте 82 лет. Младший из сыновей Василия – основателя династии Бантышей – Илья Васильевич родился в 1878 г. Его жена – Наталья Ильинична родила пятерых сыновей – Николая, Павла, Федора, Владимира, Леонида и

Н.И. Бантыш. 1960 г.

Н.И. Бантыш с внуком. 1970 г.

дочь. Сама прожила 97 лет. Илья Васильевич был активистом в Подмаячном. Его сыновья Николай и Федор вспоминали о нем так: «Отец при начале коллективизации в рыбном промысле был членом Еникальского сельсовета, активно выступал за создание рыбколхоза. По инициативе отца была построена начальная школа из камня, привезенного из деревни Катерлез, где был разобран

монастырь. Отец в 1929 году трагически ушел из жизни».

Павел Ильич родился в 1915 г., был рыбаком. В годы Великой Отечественной войны сражался рядовым бойцом, погиб на фронте. До войны он при двух классах образования сумел успешно окончить курсы «культурников», одно время работал председателем рыбколхоза, был инструктором в Крымрыбакколхозсоюзе.

Владимир Ильич после фронта и плена проходил спецпроверку в Сибири и там потом остался жить. Родившийся в 1910 г. старший сын Ильи Васильевича – Николай с малых лет участвовал в рыбацком деле. После службы в армии окончил различные курсы, в рыбной отрасли работал на разных руководящих должностях. Когда в 1941 г. встал вопрос об утверждении состава партизанских отрядов в Аджимушкайских каменоломнях, то начальником штаба был назначен младший политрук запаса Николай Бантыш. Николай Ильич награжден орденом Красного Знамени. За трудовое отличие в годы послевоенных пятилеток он был отмечен орденом «Знак Почета». В 1956 году ему была вручена медаль «За отвагу». Николай Ильич окончил техникум по подготовке специалистов рыбной отрасли, стал авторитетным руководителем и был избран председателем Крымрыбакколхозсоюза. Им написана история становления крымских рыбколхозов и участия рыбаков в Великой Отечественной войне. Умер ветеран колхозного движения рыбников в 1994 г., оставив наследниками дочь Елену и внука Алексея.

Еще более яркой оказалась судьба среднего сына Ильи Васильевича – Федора. С ним мое знакомство

состоялось еще в конце 90-х годов и продолжилось до его кончины в начале 2003 года. На основе его воспоминаний мною был отработан материал по истории развития рыбной отрасли на побережье восточного Крыма, вошедший в монографию «Очерки о Крымской военизированной флотилии» (См. «Керчь военная», изд. КГИКЗ, 2004 г., г. Керчь).

Ф.И. Бантышев. 1940 г.

В своих воспоминаниях Федор Ильич рассказывает: «После семи классов я начал учиться в школе ФЗУ. В октябре 1939 г. ушел в Красную Армию, служил в Конотопском военкомате на Сумщине. Начало войны – 22 июня 1941 г. – застало меня на дежурстве по РВК. По всеобщей мобилизации мы формировали команды на фронт. С одной из них убыл и я. Попал в стрелковый полк под Ворошиловградом, где формировалась 2-я ударная Армия. Прибыли на Волховский фронт. Наши дивизии здесь прорвали немецкую оборону, но образовавшуюся «горловину» протяженностью в 200 км немцы перерезали своими ударами с флангов. Наша армия оказалась в окружении. В мае 1942 г.

будучи раненым в ногу, я уже не мог двигаться. В районе станции Мясной Бор немцы нас пленили».

Ф.И. Бантышев. 80-е годы.

Федор Ильич прошел через немецкие лагеря военнопленных, сумел вырваться из неволи. В апреле 1943 г. попал к белорусским партизанам, до июля 1944 г. воевал в тылу противника, стал командиром роты партизанского отряда имени Комсомола. Под Минском вернулся в строй Действующей армии, дошел до Курляндского перешейка в Прибалтике, где встретил День Победы. Дважды раненый в боях, сержант Бантышев Ф.И. за участие в войне был награжден медалью «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны» и «За мужество».

С 1946 г. Федор Ильич работал в рыбной отрасли, сначала в Крымрыбакколхозсоюзе, а потом 35(!) лет был председателем рыбколхоза им. В.И.Ленина (ныне – «Жемчужина моря»). Он окончил техникум по специальности рыбника. За свой многолетний труд был награжден орденом Ленина, Трудового Красного Знамени, Октябрьской революции, медалями за трудовую доблесть и заслуги. 5 января 2003 г. Федора

Ильича не стало. Хоронили его всем колхозом с участием сотен керчан.

Л.И. Бантыш. 1951 г.

Его старший брат, металлург-формовщик высшего разряда Леонид Ильич Бантыш, вспоминает, что все мужчины старшего поколения рода Бантышей-Бантышевых, не имея необходимого высшего образования (большинство из них успели окончить 2-4 класса начальной школы), благодаря природному трудолюбию и любознательности занимали в обществе достойное место и оставили о себе светлую память.

А.Ф. Бантышев. 1980 г.

Старший сын Федора Ильича – Александр, 1945 г. рождения, в молодые годы был рыбаком в том же колхозе, где трудился его отец. Потом учился, стал кандидатом юридических наук, профессором со званием «полковник» в Академии службы безопасности в Киеве. Имеет двух дочерей.

Младший Бантышев - Леонид Федорович стал капитан-бригадиром промыслового флота рыбколхоза

им. В.И.Ленина, ходил в дальнейшем в загранплавание. Рыбачил в океане на траулере его сын Сергей. Пятеро сыновей Василия Ивановича Бантыша в браке родили 27 детей, а его дочери – 13. А сколько живет на белом свете их внуков и правнуков? И все ли они, младшие, знают родословную своей семьи?

Галина Васильевна Бантышева с сыновьями. Ф.И.Бантышев сидит справа. 50-е годы.

Керчь, как рыбацкая столица, охватывала своим вниманием в довоенные и послевоенные годы 27 рыбацких артелей, объединенных колхозным движением, но, в то же время, не имела своего рыбного порта. Такое положение не могло долго оставаться в неподвижности. И решение пришло. А как это было, - мне поведали люди, имевшие непосредственное отношение к его реализации. Для вас, мои молодые читатели, это будет откровением.

Давайте знакомиться. Среди моих современников жили те, кто, родившись в 1917 году, прошел через многие испытания, уготованные судьбоносным 20-м столетием. Восемьдесят лет прожил на свете ровесник Октября – керчанин Борис Николаевич Степанов. 25 сентября 2017 года ему исполнилось бы 100 лет.

Родился он в Нижнем Новгороде. Отца своего впервые увидел, когда стал уже пятидесятилетним мужчиной. А получилось это так. Прапорщик русской армии Николай Степанов со своей дивизией находился в Болгарии, когда 1-я Мировая война приближалась к концу. Грянула Октябрьская революция, и русское воинство в братской стране оказалось отрезанным от своей Родины. Мать Бориса жила надеждой на встречу с мужем, о котором имела весьма обрывочные сведения, но сын ни о чем не догадывался. И только в конце 60-х годов, в турпоездке по Болгарии, Борису Николаевичу довелось встретиться с отцом, который все эти годы жил в городе Габрове. Узнал Борис, что здесь у него есть брат – Георгий Степанов.

В г. Горьком (ныне Нижний Новгород) в 1940 г. Борис окончил инженерно-строительный институт. А потом – война. Крепкий физически, закаленный в спорте (в студенческие годы он был лыжником, яхтсменом, альпинистом), энергичный и умеющий повести за собой подчиненных, лейтенант-артиллерист Степанов в боях отличался бесстрашием и решительностью. Орден Красной Звезды украсил грудь нашего будущего земляка. В Керчь Борис Николаевич приехал вместе с женой Фаиной Ивановной через четыре года после освобождения нашего города. И ему снова пришлось проявить свои лучшие качества – напористость,

неуемную энергию и веру в свои силы, когда в 1954-55г.г. он стал директором строительства рыбного морского порта в Керчи, и когда судьба этой стройки по воле столичных чиновников, как говориться, повисла на волоске. Вот что рассказал бывший главный инженер этой дирекции Борис Иванович Володин: «В 1952 г. вышло Постановление СМ СССР за подписью И.В.Сталина «О развитии рыболовства в Азово-Черноморском бассейне». В нем предусматривалось создание трех рыбных портов: в пос. Черномороское, в Севастополе (Камышевая бухта) и в Керчи. Местом для закладки рыбпорта в Керчи был выбран район Соленого озера. В 1953 г. уже было осуществлено проектное задание и выполнены рабочие чертежи. Строительство развернулось в 1954 г. В это время возник вопрос о создании в Крыму океанического рыболовства. Было предложено переделать рыбный порт под новые условия. У такой переделки проекта в Крыму и Москве оказалось много противников, которые настаивали на создании глубоководного порта только в Камышевой бухте. Вопрос о строительстве в Керчи современного рыбного порта был однозначно решен только после неоднократных встреч в Москве Б.Н.Степанова с министром рыбной отрасли СССР А.А.Ишковым. Можно сказать, что благодаря Борису Николаевичу порт стал строиться в новом варианте».

Приехав в Керчь в 1948 г., пятьдесят лет душа в душу прожили здесь супруги Степановы. Фаина Ивановна 35 лет проработала госсанинспектором, главным врачом санэпидстанции, заведующей бактериологической лаборатории. На ее плечи легла часть ответственности, когда в августе 1971 г. в

Керчи был объявлен карантин из-за холеры. Тогда в инфекционное отделение горбольницы попал сторож лодочного причала на Соляной с признаками острого кишечного заболевания. Сотрудники лаборатории санэпидстанции обнаружили холерный вибрион.

Фаина Ивановна подняла на ноги эпидемиологическую службу города. Было организовано изучение состояния акватории, всех пляжей и бассейнов. Холерный вибрион был обнаружен во многих местах! В городе и на полуострове комиссия из Киева и Симферополя объявила карантин. Только с наступлением прохлады и после заключения работников городской санэпидстанции режим карантина в Керчи был снят.

Б.Н.Степанов с женой Фаиной. 50-е годы.

Когда бывшие коллеги Ф.И.Степановой собираются у нее в день поминовения Бориса Николаевича, скончавшегося 23 марта 1998 г., они вспоминают и

этот эпизод, не вошедший, правда, в официальную летопись бурного XX века.

Так совпало, что у истоков технического обеспечения океанического рыболовства Керчи, добавившего славу городу как рыбной столицы на много лет вперед, - стояли два Бориса, два творца-инженера с высоким чувством собственного достоинства и ответственности перед людьми.

Когда я близко познакомился с обоими, то при общении с керчанами-старожилами оказалось немало тех, кто при упоминании мною фамилии Володина Бориса Ивановича сразу же задавал вопрос: «Это не строитель ли, а жена у него – учитель?» Наш герой очерка – коренной керчанин, здесь он родился в конце 1925 года, отсюда попал в эвакуацию в Ростовскую область, где ему, семнадцатилетнему пареньку, суждено было стать вторым номером пулеметного расчета 1-й роты 1-го батальона 561-го СП 91-й СД и освобождать Крым. В часть он попал в марте 1943 г. Тех, кто поздоровее, покрупнее – зачисляли в минометчики, артиллеристы. А Борис ростом не вышел, да и весу в нем было маловато. Но таскать пришлось два диска с патронами по 71 в каждом, да еще патронный ящик –

Б.И. Володин. 1944 г.

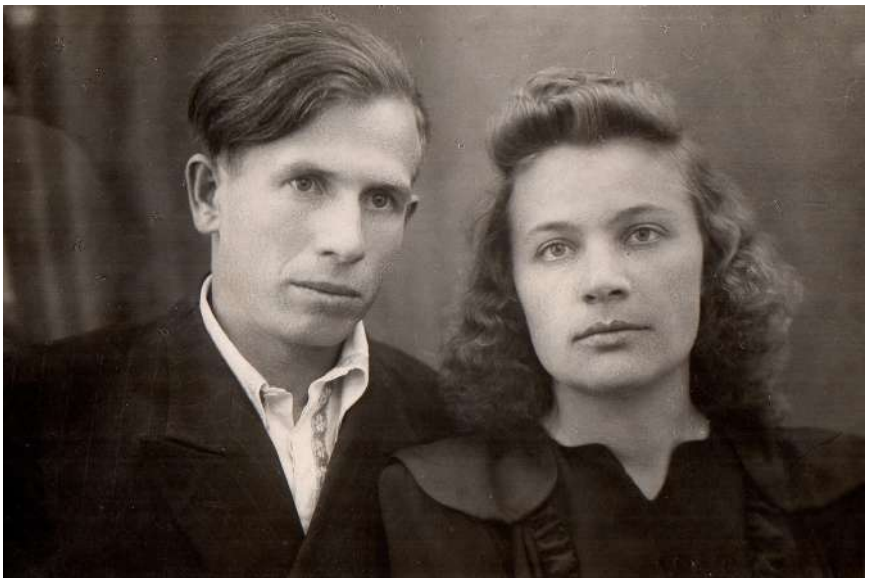
«цинку» с 660 патронами.

Свой первый бой – а это случилось под Батайском, у конезавода, – рядовой Володин запомнил на всю жизнь. В этот раз их рота с тремя РПД («дегтяри») не успела еще окопаться на левом фланге своего полка, как немцы начали артиллерийский и минометный обстрел. А потом они пошли в атаку. Первый номер был ранен в плечо, сомлел. Борису пришлось залечь за свой «ручник», бил во фланг перебегавшим «фрицам». Вот тогда, оставшись один, он по-настоящему почувствовал страх. Рота все же немецкую атаку отбила.

По Донбассу Борис Иванович наступал в составе своей роты уже как первый номер пулемета. Под Мелитополем немцы имели сильные укрепления: доты, окопы и ходы сообщения, оборудованные перекрытиями из подручных материалов. Мины наши их не брали. Выручали «Катюши», но в батальонах после боевых действий осталось по 100-150 человек. Такие были потери. 21 октября 1943 г. дивизия освободила Мелитополь.

В начале ноября пошли по Сивашу, заняли окопы в районе острова Русский. Плацдарм держал 10-й стрелковый корпус, куда входила 91-я СД, ставшая «Мелитопольской». Окопы приходилось долбить в твердой, как асфальт, земле. Кругом вода, сыро, холодно. Пока всю зиму под Армянск переправлялись и накапливались войска, пехотинцам приходилось туго: обогреваться нечем (голая степь), в «лисьих норах» хлябь; пошли фурункулы по телу. Бойцы рвались в бой, только бы не сидеть, двигаться. Наступление отменялось несколько раз. Наконец, 8 апреля 1944 г. – колоссальный артогонь по всему переднему краю

немцев. Армянск взяли сходу. Пошли вперед, порою обгоняя немецкие, отступающие по боковым дорогам, колонны. 5 мая 91-я СД из второго эшелона корпуса была брошена на взятие рубежа на Сапун-горе. Немцы дрались до конца. «Катюши» завершили дело. Борису повезло – рядом падали товарищи, а он оставался невредимым. В Прибалтике, под городом Ялгава, воевал уже во взводе пешей разведки. В это время при вылазке взяли 8 «языков». Борис участвовал в группе прикрытия. За боевые действия Б.И.Володин был награжден медалью «За отвагу».



Б.И. Володин с женой Евгенией Николаевной. 1952 г.

Демобилизовался он в декабре 1946 г. и вернулся в Керчь. Здесь начал трудовой путь – сначала плотником стройгруппы Крымрыбакколхозсоюза, а закончил его начальником отдела капитального строительства (ОКС), многие годы проработав в КУОРе (Керченское управление океанического рыболовства), а последние 14 лет – в «Югразведке» (научно-производственная рыбохозяйственная организация).

Благодаря правильной постановке дела в ОКСе, где руководителем в те годы являлся Борис Иванович, были возведены в срок и с хорошим качеством 120-квартиные дома для рыбников по ул. Королева, Ворошилова, Марат-4; 72-квартирный дом по ул. Буденного. За ввод в эксплуатацию 450-метровой причальной линии морского рыбного порта, холодильника, административного корпуса КУОРа Борис Иванович в 1971 году был награжден орденом «Знак Почета».

Эту радость разделила с ним его жена – Евгения Николаевна. Судьба свела их в 1952 году под Симферополем. Здесь они и поженились 16 марта. Десять лет Евгения Николаевна преподавала биологию и химию в керченской средней школе им. Желябова (теперь ее уже здесь не существует). Перешла в школу им. Короленко. 18 лет, до ухода на пенсию, была в ней классным руководителем в старших и выпускных классах.

Супруги Володины на горе Митридат 9 мая 1988 г.

Когда она вспоминает о своих выпускниках и читает их письма, у нее набегают слезы от гордости за своих питомцев. И есть от чего. Среди ее выпускников – один доктор и четыре кандидата химических(!) наук, - не она ли заложила в них интерес к этому предмету на школьных уроках. Ее выпускники видные люди: Людмила Анатольевна Мысовская (тогда она была Ульянова), заслуженная учительница Автономной республики Крым, награжденная орденом «Трудовая слава» III ст.; Нина Ивановна Карпачева, кандидат юридических наук, уполномоченная по правам человека при Президенте (2003 г.) Украины.

Выпуск 1988 г. средней школы им. Короленко. г. Керчь.

Сюда же она относит деятелей культуры, несущих свет знаний и правды людям: выпускницу 1980 г. Татьяну Георгиевну Цареградскую – редактора

популярных керченских газет «Боспор» и «Моя семья»; выпускниц 1974 года Наталью Николаевну Симонову (Журавскую) – ученого секретаря Керченского государственного историко-культурного заповедника (по 2014 год); Надежду Александровну Макарову (Толстикову) – заведующую научно-просветительским отделом здесь же в те годы.

В год золотой свадьбы Володиных на вечере в их честь высшие слова благодарности родителям говорил их сын – Михаил Борисович Володин, врач-ординатор отделения экстренной хирургии горбольницы №1. Отцу и матери не приходилось краснеть за продолжателя рода Володиных.

Вдумайся, мой молодой читатель, - какие достойные люди создавали боевую и трудовую славу Керчи! Какое это было поколение! Это поколение керчан, пройдя через самую страшную в истории человечества войну, заплатило за возврат к мирной жизни, к созидательному труду самую дорогую цену – потерю родных и близких. Тогда почти каждая керченская семья ощутила, что это такое – ужас от вида доставленной в дом «похоронки». В Книге Памяти республики Крым за 1995 г., в томе 2 среди списка павших на фронте керчан, значатся четверо воинов с фамилией Катанцев. Это не однофамильцы. Это члены одной семьи, в которой перед войной было десять мужчин. На фронт ушли восемь из них, вернулись трое, невредимым оказался лишь один.

В самом начале 1930 г. на воссоздание керченского металлургического завода им. Войкова приехали четыре брата Катанцевых – Андрей, Александр, Константин и Владимир. Поселились все вместе в

пригороде, в пос. Капканы. С ними было четверо сестер. Отец семейства – Семен – умер еще в 1912 году в селе Клушино Орловской губернии, откуда пошел их род.

Когда-то здесь имел свое поместье барин по фамилии Клушин. Полюбил он дворцовую девчонку и женился на ней. Но венчание не состоялось, было к этому непреодолимое препятствие – он дворянин, а она из крепостных. Так у них и пошли дети – «байстрюки» (незаконнорожденные) с фамилией по матери – Катанцевы.

В Керчи старший из братьев Андрей Семенович многие годы проработал машинистом железнодорожного парового крана на заводе. Из его четырех сыновей двое прошли фронт: Вячеслав вернулся на завод «Залив», а раненый в боях Алексей создал семью в Туапсе, имел двух сыновей.

Александр Семенович, довоенный техник в электроцехе завода, погиб под Берлином 19 апреля 1945 г. Было ему 45 лет. Сыновей после себя не оставил.

Владимир Семенович был помоложе на два года, работал в прокатном цехе завода им. Войкова. Он погиб солдатом 3 марта 1945 г. на реке Одер под городом Фюрстенберг. Остались у него два сына и две дочери. Старший из них – Геннадий – воевал, был ранен, награжден. Вернулся в Керчь после армии в 1950 г., а через год война догнала его – бывший сержант умер от болезни легких.

Константин Семенович работал в ОТК на аглофабрике завода им. Войкова. Когда отхлынула волна первой немецкой оккупации, военкомат разбронировал его и повесткой вызвал для призыва на

фронт. Было это 18 января 1942 г. Шел красноармеец Катанцев к своему дому на нынешней улице Провалова (а тогда это был рабочий поселок в Капканах), где его ожидали жена, дети – Фаина, Юрий, Николай и Вера, и не дошел. Напротив ворот консервного завода рванула полутонная бомба, сброшенная немцами при авианалете. От полученных ран Константин Семенович скончался в госпитале.

Девятнадцатилетний Юрий, ушедший вслед за дядьями на фронт, пропал без вести в Сальских степях летом 1942 г.

Подошла очередь идти защищать Родину младшему из Катанцевых – Николаю Константиновичу. Призвали его вскоре после освобождения Керчи. В мае 1944 г. он попал в 779-й сп 227-й Темрюкской СД, освобождавшей Керчь и весь Крым в составе ОПА-2. Было Коле неполных 18 лет, когда он надел солдатские погоны. В составе дивизии с боями прошел Румынию, Венгрию, дошел до Вены. 4 ноября 1944 г., при форсировании реки Тиссы обеспечивал боевые действия своей роты: при захвате плацдарма несколько раз на весельной лодке с личным составом пересекал быструю реку под обстрелом противника. И вот тогда попал под очередную трассу немецкого пулемета, бившего с крутого берега. Пуля впилась в правое плечо. Одной левой выгреб к своему берегу. За смелые действия Николай Катанцев был представлен к ордену Славы III ст. Награду же он получил лишь в 1953 г. Тогда же ему прикрепили на грудь орден Красной Звезды, которого он удостоился за бои под Веной. Тогда сержант Катанцев проявил себя в наступлении как инициативный и решительный воин,

помогал командиру словом и делом в управлении боем, хотя был всего лишь санинструктором. Свинцовая очередь из немецкого танкового пулемета прошлась по цепи бойцов из их 223-го сп 53-й СД. Одна пуля разбила левый локоть сержанта Катанцева. Пока лечился, война закончилась. Из госпиталя выписался негодным к строевой службе. Но демобилизовали его лишь в конце 1950 г.

На «гражданке» Николай Константинович начинал шофером, электриком на паромной переправе. За десять лет после армии закончил вечернюю школу и Ростовский университет как учитель-словесник. Вскоре ему доверили на базе Керченской школы № 8 сформировать вечернюю школу рабочей молодежи. В начале в шести классах училось 120 вечерников. Пробыл он здесь директором школы шесть лет. А потом принял школу № 21 в Подмаячном. Вложил душу и силы в создание здесь спортзала, оборудование пищеблока, замену печного отопления на паровое.

Н.К.Катанцев. 2000 г.

Энергичный фронтовик и орденоносец стал знаменитой фигурой в Керчи. В 1970 г. ветераны 227 Темрюкской Краснознаменной стрелковой дивизии избрали Николая Константиновича ответ-

секретарем своего Совета. В 1980 г. он стал председателем Керченской секции Совета ветеранов Отдельной Приморской армии, освободившей восточный Крым, а в 1990 г. – также председателем Керченской секции Совета ветеранов 51-й Армии.

Когда-то семья Катанцевых, в которой было 17 детей, ютилась в Капканах в хибарках без потолков, с крышей из толи. В домике на две комнаты с кухней многие годы умещалось четырнадцать членов двух семей – Андрея и Константина Катанцевых. Жили дружно, поддерживали друг друга. В тесноте, да не в обиде. Пролетели десятилетия. Теперь, как заслуженный ветеран Николай Константинович стал проживать в отдельной просторной квартире в центре пос. Войкова, на улице Генерала Петрова. Правда, с начала 2000-х годов остался одиноким, сам себе готовил, стирал, прибирал. Одинокая старость? Но не тот это человек, чтобы отступиться и потерять свое лицо. Людские проблемы, на которые он остро реагировал, не давали ему расслабиться и утратить интерес к жизни. Творческая натура позвала его, как историка-фронтовика, к написанию книги накануне 60-летия Великой Победы. И в 2006 году Керченская типография отпечатала брошюру «27 керчан», в которой рассказано о ветеранах ОПА и 51-й Армии. Николай Константинович Катанцев, близкий мне по духу и интересу к истории боевых действий в Крыму, хороший мой старший товарищ, - оставался бойцом до конца и был лучшим представителем рода Катанцевых, которые защищали и возрождали наш отчий дом – Россию.

Давно отгремела война. Уже глубокими стариками стали те, кто в 1944 г., в свои неполные восемнадцать лет, встал в ряды защитников и освободителей нашей земли от захватчиков, как это выпало на долю одного из них – Н.К.Катанцева; те, кто возрождал наш город и ликвидировал последствия боевых действий здесь, как это досталось комсомольцам 40-х годов, осоавиахимовцам из числа бойцов-минеров.

А война все еще многие годы напоминала о себе. Как это было и почему боевые действия (к ним приравниваются работы по разминированию территорий) не прекращались десятки лет после окончания войны? Тебе, мой молодой читатель, об этом просто необходимо знать. Поведаю о фактах, которые связаны с биографией одного из активных участников разминирования Керчи – Будович Гая Владимировича. Он в 80-90-е годы возглавлял группу минеров при горисполкоме Керчи, работавших по городу и его окрестностям. Вот примеры из Книги учета вызовов этой группы.

Г.В. Будович. 1972 г.

Октябрь 1988 г. В поселке Бондаренково группой поднят и уничтожен путем подрыва стокилограммовый снаряд от реактивной установки противника «Ванюша». Тогда же, напротив города был обнаружен и уничтожен

полевой фугас, состоявший из четырех снарядов 105 мм и установленной на них противотанковой мины с двумя взрывателями, каждый из которых (донный и боковой) был установлен на неизвлекаемость.

Г.В. Будович. 1964 г.

Ноябрь 1988 г. Подорваны на месте обнаруженные немецкие артиллерийские снаряды 211 мм калибра, складированные в количестве 23 штук.

Это только маленькая частица той выполненной работы по ликвидации последствий военных действий в черте города, которую взяли на себя еще в 1944-46 г.г. бойцы – минеры и отряда ОсоАвиаХима, в 50-60-х годах – саперы из инженерных войск Одесского военного округа, в том числе – из Керченского гарнизона, а в 90-х годах – участники штатной саперной группы при Керченском горисполкоме.

В ее состав были включены военные специалисты из запаса - Г.Мартынец, В. Шинальский, И.Донченко, Р.Завгородний, В.Беляев, В.Калюля, а позднее эту группу составляли офицеры в отставке В.П.Дегтяренко, Н.В.Ермошин, В.В.Надточий, А.В.Краснослободцев, М.Ю. Яковлев. Одним из руководителей этого подразделения был майор запаса Г.В.Будович.

Разминирование – сложный, многогранный процесс. Он складывается из многих этапов: разведка, поиск, обнаружение, обезвреживание (приведение в безопасное для дальнейшей работы состояние), извлечение, перевозка, уничтожение, осмотр (зачистка) местности. Один человек физически не сможет участвовать во всех этих операциях. Но офицер – руководитель обязан успевать контролировать эту работу на всех этапах. Таким организатором, руководителем и исполнителем операций по очистке городской территории на протяжении многих десятилетий – с начала 60-х и до конца 90-х годов – являлся Гай Владимирович Будович.

Г.В. Будович. 1964 г.

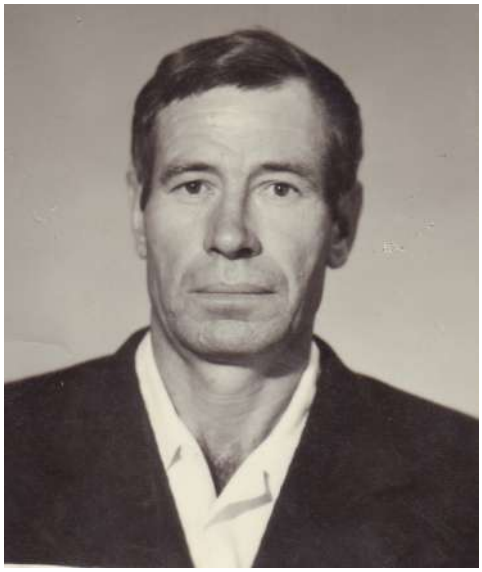
Начинал он с подготовки трассы будущего Северо-Крымского канала в 1960-1962 г.г. Во главе взвода саперов из 9-го инженерно-саперного батальона (подчиненного 45-му армейскому корпусу, г. Симферополь) старший лейтенант Будович разминировал участки местности в Николаевской, Херсонской, Крымской областях. В 1962 г. прибыл в Керчь в 174-й отдельный инженерно-саперный батальон. В Керчи уже ушел в запас.

Одним из объектов, где при ликвидации оставшихся после войны боеприпасов Будовичу пришлось приложить все силы, знания, опыт и выдержку, была Малая крепость (район Цементной слободки). Здесь при его участии группами саперов и механизаторами за несколько лет было ликвидировано свыше 100 тысяч опасных находок. Вот что он вспоминал: «Командиром батальона тогда был подполковник Павел Иванович Липсток. Я же руководил работами сводного отряда из состава своей роты и из полка, всего около 200 человек… Мы вели подготовку под строительство кварталов города. За 1963-64 г.г. убрали тысяч 10-12 противотанковых и противопехотных мин. В декабре 1963 г. органы госбезопасности обнаружили, что мальчишки достали из разбитой Малой крепости несколько танковых пулеметов, патроны к ним и стали стрелять в сторону автотрассы. Парнишек поймали. Выяснилось, что пулеметы (новехонькие, вороненые)

В Аджимушкайских каменоломнях. 1968 г.

были ими взяты через колодец, приваленный камнями. Лаз оказался сводчатый, из кирпичной кладки, штольня в несколько десяткой метров заканчивалась хранилищем. В помещении стояло множество ящиков с пулеметами, винтовками, биноклями и прочим снаряжением советского производства.

Через короткое время в школе им. Горького (Аршинцево) вдруг обнаружились гранаты: ученики 5-6 классов прятали до 4 тысяч гранат в ящиках с комплектом запалов. Все это ребята взяли в Малой крепости. Городское начальство забеспокоилось. Начался раскоп хранилища. Но делать это приходилось вручную. После окончания боевых действий Малая крепость в результате разрушения взрывами находилась в хаотичном состоянии. Взрывали тогда хранилища советские войска. Это были склады Крымфронта.



Н.И. Вислоушкин. 1984 г.

Встал вопрос о применении инженерной техники, ибо лопатами нужно было бы перебрасывать тысячи кубометров грунта. В состав отряда минеров был включен опытный и смелый механизатор – рабочий ЖРК Николай Вислоушкин. За короткий срок территория Малой крепости была очищена от смертоносного металла. Тогда было извлечено 70 тысяч единиц взрывоопасных предметов (ВОП) и 32 миллиона патронов. И даже после этого в 1989-92 г.г. еще было найдено здесь и уничтожено

свыше 16000 боеприпасов». История Малой крепости отмечена и тем, что здесь за последние 30 лет погибло при разных обстоятельствах 52 жителя города.

А еще были десятки мест по всему городу, где обнаруживались бывшие склады боеприпасов, завалы несработавших или деформированных при неудачном уничтожении снарядов, мин. Были десятки авиабомб, притаившихся в земле со времен войны. И везде с риском для жизни прикладывали свои руки, свое умение, свое чувство ответственности за порученное дело саперы во главе с такими руководителями, каким был майор Бодович. Он говорил, когда мы с ним наведывались на места былых операций по обезвреживанию ВОП (то были Малая крепость, завалы в Аджимушкае, в пос. 3-м Самострое, в пос. Бондаренково и др.): «Я никогда не подойду к предмету с готовностью браться за него, если я не знаю, что это такое. Я должен быть уверен в себе, тогда у меня руки не дрожат. А это – главное. К каждому предмету надо подходить «с почтением», то есть видеть все: его расположение, присутствие элемента незвлекаемости, маркировку взрывателя. Риск был, есть и будет. Чувство опасности «подсасывает» всегда. Но оно проходит, когда внимание обостряется, появляется собранность, отточенность движений. Чувство опасности не испытывают только неопытные саперы».

За откровенностью старого сапера и потомственного военного (его отец был кадровым артиллеристом, прошел две войны, сын Гая Владимировича - Александр, тоже военный) кроется желание обезопасить молодых пиротехников, нынешних саперов из подразделений, занимающихся обезвреживанием ВОП,

которые все еще таит крымская земля.

Мэр Керчи О.В.Осадчий и Г.В.Будович на открытии памятного знака в честь минеров и моряков тральных сил. Керчь 2009 г.

Подполковник в отставке (к 70-летию Победы нашему герою очерка было присвоено очередное звание как участнику боевых действий) Гай Владимирович Будович не любил подчеркивать свою роль в очистке нашего полуострова от «сюрпризов» войны. Не склонен он был давать интервью. Родина оценила его боевые заслуги как сапера: он кавалер орденов Красной Звезды, «За мужество», медали «За отвагу».

В августе 2016 г. можно было бы поздравить с 55-летием его участия в разминировании Керченского полуострова и Керчи. Но моего друга Гая не стало в июне 2016 года. Гай Владимирович Будович не дожил

до своего 85-летия всего два месяца. Светлая ему память.

Автор у памятного знака в честь бойцов минеров, военных саперов и моряков тральных сил. Открыт по инициативе Г.В.Будовича. Керчь 2009 г.

Разминированию, как виду боевых действий на суше, признанному еще советским государством таковыми, была посвящена моя монография, включенная в сборник КГИКЗа «Керчь военная», вышедший к 60-й годовщине освобождения нашего города от немецко-фашистской оккупации. В этой книге немало страниц из той монографии посвящено другому виду послевоенных боевых действий – тралению мин в Азовском, Черном морях и акватории Керченского пролива.

Разве мог кто-нибудь тогда, в 1944 году, пришедшему как начало освобождения Керчи и восточного Крыма, – предполагать, что те полные драматизма 320 фронтовых дней нашего города растянутся на целых двадцать лет как эпопея ликвидации морской минной опасности?

Об этой многолетней работе поведал бывший командир 137-го дивизиона тральщиков КВМБ капитан 1-го ранга в отставке Борис Львович Камский. Для очистки от мин Черного и Азовского морей во второй

половине 1944 г. была создана бригада траления. В нее входило несколько десятков различного типа тральщиков, в том числе - канадских, которые имели деревянные корпуса: магнитные мины на такие суда не реагировали.

Б.Л.Камский (в центре). 90-е годы

В акватории, омывающей восточный Крым, находили также мины электромагнитные, акустические, гидродинамические немецкие, ну и - советские. Морские тральщики были вооружены так называемыми контактными и неконтактными тралами. Контактный трал – это трос толщиной 5-6 см и длиной в боевом положении до 100-200 метров. На нем закреплялись резаки для рассечения (подрезки) тросиков, на которых держалась каждая мина.

Неконтактный трал – это кабель в два свободных конца сечением 10 см, вытравливаемый в море на длину 600 м, оконечность кабеля без изоляции. Между оголенными концами под пропускаемым током создается в соленой морской воде магнитное поле, в которое попадает магнитная мина и взрывается.

В 1956 г. Камский командовал отрядом из специальных судов и тральщиков для неконтактного

траления Феодосийского залива и паромной переправы. Траление – это очень однообразная, тяжелая работа. Недаром морских минеров называют «пахарями моря». Если при контактном тралении достаточно пройти по отмеренной по карте полосе один раз, чтобы сказать с уверенностью: «Здесь мин нет», то при неконтактном тралении, чтобы произнести эти три слова, нужно по каждой полосе пройти с тралами до 24-х раз! При этом точность движения корабля по курсу должна быть выдержана до 5 метров.

Бориса Камского как высококлассного специалиста по тралению знали на Балтике, знали при очистке Днепровско-Бугского лимана, всего побережья Одесской бухты и т. д.

Работа в Керченском проливе в 50-е годы осложнялась тем, что по каналу шириной 100 м и глубиной 10 м непрерывно проходили десятки крупнотоннажных гражданских судов, которые из-за большой осадки не могли уступать дорогу тральщикам. А военные моряки не имели права сойти с канала и расходиться с ними, имея ток в трале. Потеря времени из-за этого была очень большая. И все же работа была завершена здесь в срок и с хорошим качеством.

И вдруг в 1962 г., зимой, поступила команда о проведении контрольного траления дивизионом Б.Камского. Операция длилась два года. Не зря была проведена эта работа. Весной 1963 г. земснаряд Керченской группы АСПТР, проходя один из участков Керченского судоходного канала, засосал немецкую акустическую мину. Долгие годы весь канал считался минным полем. Таким он и был представлен на лоцманских и судовых картах пролива.

Б.Камский отмечал в свое время «живучесть» немецкого морского оружия: мина при подрезке минрепа (тросика) всплывала, сверкая чистотой своего черного корпуса, будто ее только что вымыли и почистили.

В 1999-2000 г.г. члены экипажей послевоенного траления получили статус ветерана войны. Всем им присваивалось звание «Участник боевых действий».

Подобно тому, как о талантливых лекарях говорят – «врач от Бога», так и о флотских саперах, кому в далекие прошедшие десятилетия приходилось сотни раз разоружать и уничтожать морские мины, можно сказать – минеры от Бога. Ведь в том, что они невредимыми проходили через испытания, наверное, есть что-то от покровительства свыше…

С.А.Хуциев. 1940 г.

За свою многолетнюю службу дивизионным и флагманским минером в 108 бригаде охраны водного района КВМБ Сурен Александрович Хуциев своими руками разоружил 16 немецких донных электромагнитных, акустических и прочих мин, обнаруженных в водах Керченского пролива, Черного и Азовского морей в 1944-60 г.г. Со времен ВОВ существовало жестокое правило: мины противника неизвестной конструкции нельзя взрывать в море, пока их не изучат специалисты, а из каждых

десяти однотипных мин уже знакомой системы, одну надлежало представить для проверки - не появилась ли какая-нибудь новинка в приборах защиты от вытраливания.

Вот этой работой и занимался капитан 3-го ранга Хуциев до ухода в запас в 1961 г. На счету экипажей, которыми с 1943 г. командовал он, а потом – отрядов траления под его руководством, было ликвидировано более 100 мин. Большинство их взорвано в акватории Керченского полуострова.

У Сурена Александровича как флагманского минера всегда был при себе чемоданчик с инструментами из антимагнитного металла. С ним он прибывал к месту обнаружения очередной мины. Рядом с ним бывали помощники – мичманы Погибенько, позднее – Страхов.

… В пятидесятые годы на фарватере Керченской паромной переправы водолазы обнаружили мину типа магнитно-акустической. Чтобы поднять ее, изучить и обезвредить, а затем – уничтожить, необходимо было прямо на дне заблокировать инерционный взрыватель. А это мог сделать только проинструктированный Хуциевым водолаз. Остропив мину, водолаз доложил – «порядок»! Но когда мину подняли (дело было на косе Тузла), оказалось, что взрыватель не застопорен и, значит, мина может в любую секунду сработать.

Бежать в укрытие Хуциеву и Страхову было уже бесполезно: от начала работы часового механизма до взрыва оставалось только 11 секунд, а заряд ВВ в корпусе такой мины составлял не менее 700 кг… Но по счастливой случайности механизм этой мины отказал и не прошел полный цикл перевода в опасное

состояние еще под водой…

В 1957 г. вместе с мичманом Погибенько они снимали предохранительный колпак на мине с «комуфлетом» (подвохом). На этот раз им был фотоэлемент внутри корпуса. При попадании на него света взрывающий механизм приводился бы в действие. Поэтому, на такой случай, работы проводились под покровом полной темноты. Они начали свою работу на берегу Феодосийской бухты в ночное время. Уже готовились заклеить раскрытый фотоэлемент черной бумагой, и в эти секунды скорее ощутили каким-то шестым чувством, нежели осознали, что к их месту приближается яркий луч прожектора пограничной заставы. Мгновенно, не сговариваясь, оба бросились на корпус мины, чтобы закрыть лючок внутреннего механизма. Все обошлось, но по нервам этот случай, как рассказывал мне Сурен Александрович, - крепко ударил.

Однажды в Феодосийской бухте подняли мину с фотоэлементом. Хуциев добрался до флянца, под которым находился включатель прибора, раскрутил болты и вдруг через образовавшуюся щель с шипением вырвался дым с резким запахом. Это было неожиданно и страшно. Но оказалось, что мина за день нагрелась на солнце, внутри создалось избыточное давление, и в щель вырвался влажный воздух с запахом перегнившего ила. Подобное пережить не так просто…

На боевом тралении в составе дивизиона тральщиков КВМБ командир корабля Сурен Хуциев находился: в 1944 г. – 60 суток, в 1945 г. – 302 дня, в 1946 г. – 246 дней, в 1947 г. – 211 суток. В 1956 –

командующий ЧФ поощрил капитана 3-го ранга Хуциева именными часами. Наградами его, прямо скажем, не баловали…

С.А.Хуциев. 1986 г.

Выпускник Ленинградского ВВМУ им. Фрунзе 1943 года, начавший военную службу еще до нападения фашистской Германии на СССР и чудом оставшийся в живых при зимнем переходе Ладоги в 1942 г. в составе группы курсантов училища, эвакуированного в Баку, - Сурен Александрович 20 лет после увольнения в запас был капитаном судна в 823-й группе аварийно-спасательной службы ВМФ в Керчи.

В 1988 г. он записал в своих воспоминаниях, хранимых ныне в архивах Керченского музея-заповедника: «Я горжусь, что мой народ способен пожертвовать всем во имя свободы и независимости».

Последние годы жизни он провел в городе Гатчина Ленинградской области, откуда прислал мне сделанную им в Военно-Морском архиве копию карты минной обстановки в Керченском проливе и примыкающих участках акватории Черного и Азовского морей, с нанесенными остаточными минными полями. Этот документ ныне хранится в фондах Керченского музея-заповедника и является последним вкладом

знаменитого минера в историю боевых действий на подступах к Керчи.

Отгремели взрывы морских мин, до поры до времени притаившихся после окончания боевых действий в водах у берегов Керченского полуострова и попавшихся черноморским «тральцам». Казалось бы, вот-вот прошедшая война на море отпустит, наконец-то, с миром владения царя Нептуна. Ан, нет. Оказалось, что подводной опасности несть числа. На морском дне и до нынешних времен покоятся останки того, что в войну было транспортными средствами по доставке на «передок» личного состава и боеприпасов – мотоботы и тендера, баржи и сейнеры, шхуны и катерные тральщики. И все это – с боекомплектами снарядов, мин, патронов и гранат.

Засоренность ими дна прибрежной зоны Керченского пролива и подходов со стороны Черного и Азовского морей потребовало огромных сил и средств по ликвидации этого наследия войны. В 1956 г. аварийно-спасательная служба (АСС) ВМФ на Черном море (бывший ЭПРОН) отделила от себя службу аварийно спасательных и подводно-технических работ (АСПТР), подчиненную Министерству морского флота, с выполнением задачи по подъему судов времен ВОВ. АСС ЧФ занималась ликвидацией обнаруженного боезапаса. В Керчи с 1944 г. действовала небольшая аварийно-спасательная партия, к 1961 году ставшая 823 группой АСС ЧФ. В ее задачу, кроме оказания помощи кораблям и судам ВМФ, входила очистка от ВОП акваторий. В группу были включены два водолазных катера с экипажами и гражданскими специалистами подводных работ. В водолазных

журналах этих катеров отмечена ликвидация с 1965 по 1975 г.г. 23 морских мин, 6 торпед, 80 авиабомб, 13523 снаряда, 522 гранаты. За один только 1976 год водолазы группы обследовали 2 млн. 800 тыс. кв. метров и изъяли 428 единиц ВОП. Наиболее напряженным был подъем боезапаса в 1974-76 г.г. вблизи Широкого мола МТП, в районе переправы и у косы Чушки. При температуре морской воды 13-16 градусов ежедневно в течение трех часов (такова была рабочая смена) водолазы Песчанский Федор Данилович и Котляров Александр Михайлович, каждый с напарником, успевали протраливать по 800-2000 кв. м, поднять, уложить в ящик и остропить для подъема наверх до 30 артснарядов, разбросанных по дну.

Ф.Д.Песчанский. 1982 г.

А.М.Котляров. 1957 г.

Песчанский Ф.Д. тогда, в 2001 году, когда мы с ним встречались, имел водолазный стаж 30 лет

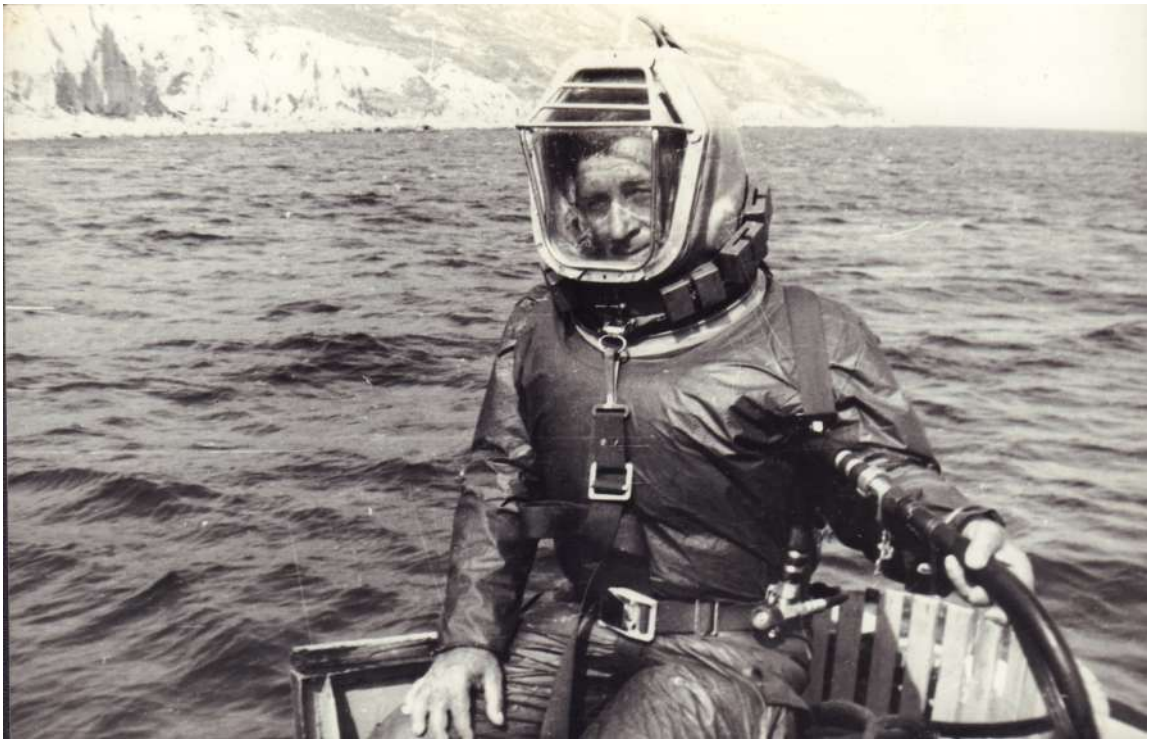
(10 тысяч подводных часов). Котляров А.М. точно такое же время проработал по разминированию пролива. Он вспоминал: «Мы, 7 матросов, в январе 1958 г. прибыли в Керчь из Балаклавского учебного отряда ЧФ. Учились 8 месяцев. Назначили нас на ВРД-272. Экипаж: 7 водолазов, два моториста, рулевой радист. Мы входили в 410-й дивизион АСС ЧФ, вскоре он стал полугражданским».

В.В.Глуздань. 1963 г.

С 1981 г. работал водолазом на другом водолазном катере ВМ-5 Василий Владимирович Глуздань. В свое время он принял участие в ликвидации последствий гибели в Новороссийской бухте теплохода «Адмирал Нахимов» (1986 г.). В 1992 г. его привлекли к испытаниям нового водолазного вентилируемого снаряжения, а еще ранее – глубоководного аппарата «ТИНРО-2». Неоднократно участвовал в подъеме боезапаса с погибшей в войну баржи «Ленинградская». С глубины 19 метров с другими водолазами из их экипажа они в 1984 г. подняли 500 артснарядов, а в 1987 г. – более 550 ВОП, свыше 120 тыс. патронов и 10 гранат. Работа была очень опасной. Он вспоминал с 2001 году: «Часто боеголовка отделялась от гильзы, могла удариться

взрывателем в дно… В 1998 г. участвовал в ликвидации в районе причала рыбколхоза им. Нахимова 398 мин и снарядов».

Специалистами подмечено, что общая масса ВОП на дне акватории в районе бывших боевых действий практически не уменьшается: море ежегодно «отдает» то, что десятилетиями было скрыто под толщей песка и ила.



В.В.Глуздань. 80-е годы.

О работе морских санитаров, которые с хирургической точностью многие десятилетия удаляли «рубцы» и опасные напластования времен Второй мировой войны, незаслуженно мало рассказывалось керчанам. Мне по роду своей работы как научного сотрудника КИКЗ, в начале 2000 годов довелось расширить представление земляков об этом. Большой материал лег в архивы музея-заповедника, как и на страницы СМИ, повествующие о той работе по ликвидации

подводных препятствий в проливе, которую проводили водолазы керченской группы АСПТР по очистке дна от ВОП.

Моряки тех лет послевоенной истории утверждали, что Керченский пролив для плавания до недавнего времени был самым опасным водоемом на юге страны.

Мели, затонувшие в войну корабли, суда и баржи – вот враг неопытных капитанов. А Керченский пролив до сих пор полон «сюрпризов» такого рода. В 1958-1978 г.г. ежегодно терпели бедствие в Азове и проливе от 5 до 8 советских и иностранных судов. Мешали подводные препятствия. В 1958 г. костяком вновь созданной Керченской группы АСПТР морского пароходства стали бывшие кадровые военные моряки. Многие члены экипажей морских ботов и технических судов были участниками боевых действий в Великой Отечественной войне. В 60-е годы группа достигла полного развития: в штате было 50 и даже 55 водолазов – бывших воспитанников ВМФ; для судоподъема были здесь мощные краны в 100-800 тонн.

Водолаз выходит на пенсию в 50 лет. За 25-30 лет работы, при соблюдении строгих норм поведения под водой в течение рабочего дня (2,5 часа), каждый ветеран АСПТР провел один на один с водной стихией более 10 тысяч часов. Большинство водолазов Керченской группы получили знания, опыт и закалку в учебном отряде КЧФ в Балаклаве и Севастополе. Водолаз – это чисто мужская профессия. Женщинам она не подходит по физиологии.

В первые годы работы группы водолазы даже привлекались к очистке дна - в основном – в портах,

гаванях, на рекомендованных курсах в Керченском проливе, - от россыпей, набросок боеприпасов с затонувших в войну судов. Потом эта опасная работа была запрещена решением профсоюзных инстанций. Но любой судоподъем не мог быть выполнен без такой предварительной очистки от ВОП. И водолазы шли на это во имя экономии рабочего времени…

В 1967 г. в Малой бухте морского торгового порта в Керчи водолазами группы АСПТР были обнаружены и извлечены 3 авиабомбы, а в 1968 г. при ликвидации остатков опор моста на Керчь-Еникальском канале водолазы обнаружили и подготовили к взрыву две немецкие донные мины. Еще ранее, в 1962 г. при подъеме баржи были извлечены десятки взрывателей к авиабомбам и множество артснарядов. В 1964 г. в районе Широкого мола Керченского морского торгового порта водолазы поднимали со дна и грузили в лотки для подачи наверх с затонувшей в войну баржи «Туапсе» разнокалиберные снаряды. Через год водолазы извлекли за лето из неизвестного судна на дне бухты 1400 снарядов, минометных мин, 20 тыс. детонаторов и 7400 тротиловых шашек.

В августе 1977 г. наши водолазы занимались подъемом обнаруженного в проливе самолета ИЛ-2 с боезапасом на борту. При подъеме самолета водолазы собрали более 1000 ВОП, обследовали при этом свыше 17000 кв. метров площади дна. При подготовке к подъему другого препятствия - мотобота тогда же было обследовано около 40000 кв. метров с очисткой дна от россыпей боеприпасов.

Расскажем хотя бы о некоторых из этой плеяды подводных «чернорабочих», а по сути – бойцов труднодоступного морского фронта.

Самолет ИЛ-2, поднятый в Керченском проливе. 1977 год.

Поднятый в Керченском проливе мотобот. 1977 год.

Вот Александр Михайлович Постников. Если перевести в километры все часы, что он проходил под водой за 30 лет работы водолазом, то получится расстояние от Керчи до Калифорнии. Водолаз 1-го класса Постников очищал Керченский пролив от замытых в песке немецких быстроходных десантных барж с боеприпасами и глубинными бомбами на борту, поднимал погибшие в войну суда. Когда водолаз 1-го класса Николай Григорьевич Пилиненко в 1962 г. начал работать в Керченской группе АСПТР, то обезвреживание обнаруженных в проливе снарядов от «Катюши», взрывателей от авиабомб, боезапаса на отмытом из песка бронекатере уже не было ему в диковинку. На Балтике в 1961 г. вместе с другими

А.М.Постников (слева), А.Г.Козырев. 1975-76 гг.

Н.Г.Пилипенко. 1958 г.

военными моряками он ликвидировал минные «банки» (растянувшиеся полосой на 10 км, секциями по 5 шт. донных мин, соединенных электрокабелем) под Клайпедой. Он говорил: «Если действовать хладнокровно, не торопясь, соблюдая меры безопасности, то ничего особенного в такой работе нет».

Б.П.Колесников (справа). 1961 г.

Вместе с другими 140 парнями из водолазной школы КЧФ учился на глубоководника Борис Прокопьевич Колесников. Ходил на глубину 160 метров. В 1963 году он уже работал водолазом Керченской группы АСПТР, извлекая при нулевой видимости, на ощупь боезапас с утонувшей в войну баржи. На пенсию ушел в 1989 году, имея за плечами 11000 часов работы под водой. Ему приходилось заниматься разделкой взрывом либо электрокислородной резкой различных препятствий на грунте, подъемом затонувших судов, извлечением жертв катастрофы под Новороссийском.

Глубоководник Владимир Владимирович Ткачев, мичман ВМФ в отставке, в Керчь попал 55 лет назад, из них – 30 лет отдал водолазному делу. За работу в опасных точках с разбором боеприпасов тогда, до 1977 года им всем полагалась надбавка в 15% (ребята называли эту надбавку «гробовыми»).

Мастерство и хладнокровие – все это приходит с годами. Но наверное, водолазу нужно и немного

везения. Так говорил мне Анатолий Григорьевич Козырев – водолаз с 1959 года, – когда рассказывал о своей работе в группе АСПТР: «В 1964 г. в Камыш-Буруне работали по разделке затонувшего в войну плашкоута от 40-тонного крана. Разминировал я днище. Вдруг вижу – буек. Попросил подать «конец», чтобы поднять его. В несколько попыток все же вытянули этот «буек». Оказалась бомба без стабилизатора! Вот тогда саперы с великими предосторожностями(!) вынесли и подорвали ее». Но ведь это могло случиться самопроизвольно и на грунте, когда дергали бомбу стропом! Далее Козырев

В.В.Ткачев в барокамере. 1961 г.

Слева направо: А.Г.Козырев, С.В.Дружинин, В.Суворов. 1968 г.

рассказывает: «В Таманском заливе разделывали ледорез «Снег» (он в войну затонул). А в котле оказалась бомба килограммов на 100. Видимо, экипаж ее туда засунул, чтобы подорвать судно и не дать захватить его врагом». Ну, а если бы водолазы не догадались заглянуть внутрь котла?! Опять повезло?

В.И.Пантелеймонюк. 1965 г.

Выдержка и самообладание стали неотъемлемыми качествами водолаза АСПТР Валентина Илларионовича Пантелеймонюка. Еще в пору службы на флоте ему пришлось в спасательном колоколе выводить экипаж подводной лодки с глубины 150 (!) метров. Но самое большое эмоциональное напряжение испытал он, когда в сентябре 1986 года помогал в работах по извлечению на поверхность тел погибших на «Адмирале Нахимове». Ветеран АСПТР уверен, что водолаз обязан побороть себя, какие бы ощущения он ни испытывал.

Особо трудоемкой была работа по подготовке к подъему затонувших и погрузившихся в донные отложения судов времен ВОВ и послевоенных катастроф.

В.Н.Ковалёв (слева). 1967 г.

Ветеран Керченской группы АСПТР Владимир Антонович Ковалев в 2000 году вспоминал: «Работать приходилось со стропом (*стальной трос, примеч. Л.В.*) диаметром в 6 дюймов. Наиболее эффективное приспособление для отмывки судна от грунта и прокладки тоннеля под килем для заводки стропа – это грунтосос. Он имеет диаметр 20-25 см. С ним приходится протискиваться в такой тоннель. Иногда применяется струйный инструмент – так называемая «пипка». Струя бьет вперед под давлением 12-18 атмосфер. Чтобы удержать «пипку», иногда приходилось навешивать балласт в 25-50 кг». Силушка нужна была изрядная…

Всякое бывало в многолетней практике ветеранов АСПТР. Случались и неприятности. Об одном случае мне рассказал водолаз 1-го класса Владимир Иннокентьевич Хмелевцев. Именно ему пришлось размывать и стропить при подъеме мотобот, который ныне установлен на площадке вооружения вблизи музея Эльтигенского десанта в пос. Героевка. Он

В.И.Хмелевцев. 1958 г.

вспоминал: «Поднимали рудовоз «Запорожец». Надо было отбивать взрывом емкость. С напарником подготовили заряд, и он ушел наверх. При выходе я зацепился чем-то: ни назад, ни вперед. Мыкался минут 10, пока не спустили аварийно третьего водолаза. Жутковато было здесь одному, на глубине 12 метров…»

Борт водолазного бота ВМ-10. Водолаз А.М.Постников. 1967 г.

Водолаз идет под воду. Осталось задраить лицевой иллюминатор. Затем водолазный старшина станции шлепнет ладонью по медному шлему – «Счастиво!» Так провожают всех водолазов.

Хочется пожелать всем им полной видимости под водой, чистого воздуха в системе и каждый раз – попутного течения.

Керченский мост

В Керчи самым обширным объектом водолазных работ была акватория района Героевки (Эльтиген), где интенсивные работы по подъему останков судов и уборке боезапаса проводились в 1963-64 г.г. и позднее. За те годы здесь было поднято 97 разбитых судов, катеров фелюг и сейнеров. За смену водолаз из АСС ЧФ – войсковая часть 49299 поднимал до 25-50 единиц боезапаса. Как была организована эта работа? Об этом мне поведал в начале 2000-х годов Валентин Николаевич Климов, награжденный в 1970 г. медалью «За боевые заслуги» (им лично ликвидировано было в общей сложности 12 тысяч единиц боеприпасов): «При тралении два водолаза двигаются

В.Н.Климов. 1952 г.

параллельно по намеченному курсу, держа в руках протянутый между собой пеньковый канат толщиной в два пальца. Через каждые пять метров к такому тралу привязаны «груза» (обычно кирпичи), которые бороздят дно. При зацепе одного из «крыльев» трала водолаз на ощупь перемещается к этому месту. В воде пролива обычно видимость ограничена: мешают поднятый со дна ил, муть, накат. Поэтому вся работа – на ощупь. Бывало, что при прощупывании «вслепую» обнаруживались в иле «рога» гальваноударной мины. Она особенно опасна: если в войну мина была расстреляна из пулемета моряками и затонула, приняв в корпус воду, то трогать ее с места уже нельзя. Тогда подкладывали заряд ВВ и подрывали такой объект на дне. В 1971 г. наша часть была реорганизована в 823 группу АСС ЧФ. С 1996 г. деятельность этой группы

В.Н.Климов (слева) и А.М.Котляров. 1977 г.

прекращена». Вот представь себе, мой молодой читатель: ликвидация последствий войны в Керченском проливе потребовала 50(!) лет самоотверженной и опасной работы военных и гражданских специалистов и водолазов.

Трудно переоценить роль личного состава другой – гидрографической службы ЧФ в обеспечении поиска и обвехования (установления координат и нанесения на судоводительские карты) затонувших судов времен ВОВ. В Керченском проливе ни одна работа по подъему погибших судов не могла планироваться и подготавливаться без участия специалистов – гидрографов из войсковой части 70082. Особенно активным взаимодействие ПСС ЧФ и группы АСПТР с гидрографами Керчи было в период 1963-69 г.г., когда начались работы на Эльтигене, где оставались десятки остовов погибших судов.

Бывший техник, а с 1963 г. – старший производитель работ гидрографической службы ЧФ Валентина Дмитриевна Козлович рассказывала: «Обо всех изменениях в обстановке в проливе мы ставим в известность судоводителей и лоцманскую службу. Особенно это относится к наличию на дне крупных останков судов, координаты которых обязательно переносятся нами на действующие навигационные

В.Д.Козлович. 70-е годы.

карты. Устранение таких препятствий продолжалось многие годы, и сейчас продолжается. Если в 1988 году в море было 150 подобных объектов, то теперь их осталось 108. Без глубин над препятствием в 1988 г. было учтено 90 затонувших в те прошедшие годы судов, а в 2000 году осталось 53».

Службе гидрографии на Черном море в минувшем – 2017 году – исполнилось 95 лет.

Валентина Дмитриевна Козлович в 2001 году по моей просьбе как музейщика создала исторический документ – «Обзор мест гибели в годы войны 1941-44 г.г. кораблей и судов в Керченском проливе». Это – карта южной части Азовского моря и Керченского пролива в масштабе 1:50000, на которой условными значками в виде ромбиков красного цвета обозначены точки нахождения судов, до сих пор лежащих на дне, а синим цветом – поднятых по состоянию на 1 января 2001 года (их отмечено 16).

К карте приложена таблица с координатами по широте и долготе в градусах, минутах и секундах расположения тех судов числом в 100 и еще самолета, что на мелководье или продолжают оставаться подводными препятствиями, или покоятся после вывода их останков сюда во время войны и в последующие годы. Это – транспортные суда, БДБ, сухогрузы, мотоботы, баржи, торпедные катера, морские охотники, тральщики и катера. Среди них значатся: транспорты «Ейск», «Таганрог», «Дунай», «Березань», «Делегат», «Анапа», сейнер «Кубань», мотобот «Герой труда», «Сигнал», «Диана», «Чехов», «Карп», «Ангара», «Пенай», а также броненосец «Ростислав», сухогруз (сейнер) «Труд», баржа «Горняк», рыбацкое судно

«Буревестник», катер СК-0114, катера ТК № 25 и «Бот № 10», и, наконец, шхуна «Красная Армия», о которой было рассказано выше (см. Главу V - с подзаголовком «И не военные, и не гражданские»).

Наиболее густо уставленным значками красного цвета выглядит морское кладбище погибших или затопленных судов на косе Тузла. (Средняя коса) в её восточной прибрежной полосе. Здесь их обозначено 13 на глубинах, не превышающих 0,9-2,8 м, а юго-западнее, ближе к кубанскому берегу с глубинами 0,4-1,3 м, - еще 9 (среди последних – рыболовецкие суда бывшей Крымской военизированной флотилии «Буревестник» и «Анапа»). Из летописи потерь в ходе Керченско-Эльтигенской десантной операции 1943 г. (обобщенные данные А.Н.Бодякина, г. Керчь, 2004 г.) известно, что у косы Тузла погибло два торпедных катера, 4 катера ПВО, 3 сторожевых катера, все с известными бортовыми номерами. Не их ли останки покоятся вдоль Средней косы?

Коса Тузла представляет собой полоску суши, поднимающуюся над морской поверхностью на 60-70 см, протяженностью в 7,7 км и максимальной шириной в 500 м. Она приняла в свои объятия 12 - безымянных к сегодняшнему дню из числа павших в боях с врагом, - маломерных судов и присоединившуюся к ним в 1961 году легендарную шхуну «Красная Армия». Если промерить линейкой расстояние от Кубанского побережья, где на карту нанесена коса с «Комсомольским» рыбцехом, и до гидрографической точки – «Ш» - 46º16'90" и «Д» - 36º32'92" (именно здесь лежит «Красная Армия»), а затем – от этой точки проложить линию к побережью Крыма, оставив

левее мыс Ак-Бурун со Старой крепостью на нем, то мы увидим и убедимся вдруг, что бывшая героическая шхуна «Красная Армия» окажется точно посередине этого участка пролива, как бы соединяя собой два берега – Кубань и Крым, повенчанные войной в единое целое.

Может быть, такому совпадению в исторических проявлениях не стоило бы придавать особого значения, если бы не известные эпохальные события, развернувшиеся после марта 2014 года. А теперь, внимание, мой молодой читатель! Задумайся и проникнись!

Весной 2014 г. Крымская Автономная республика только что возвращается в состав Российской Федерации, а уже в конце того же года все мы узнаем о решении нашего Президента и Правительства объединить Крым с матушкой Россией - через Таманский полуостров мостовым переходом.

И вот тут-то я на себе прочувствовал, что означает расхожее выражение – «перст судьбы».

Дело в том, что когда пятнадцать лет назад, в конце 2000-го года, мне была вручена в Керченской гидрографии та самая карта пролива, - я почему-то не стал сдавать ее в архив или фонды нашего музея-заповедника (как это принято было у научников – пополнять коллекцию документов). А при расставании с ним – музеем - моим очередным «жизненным университетом» в 2008 г. я интуитивно тоже не сделал этого: пусть останется на память, авось пригодится когда-нибудь для добрых дел, ведь на этой карте столько полезной информации! Так тогда подсказывала мне моя интуиция… И не ошибся я. Ибо дальше пошла

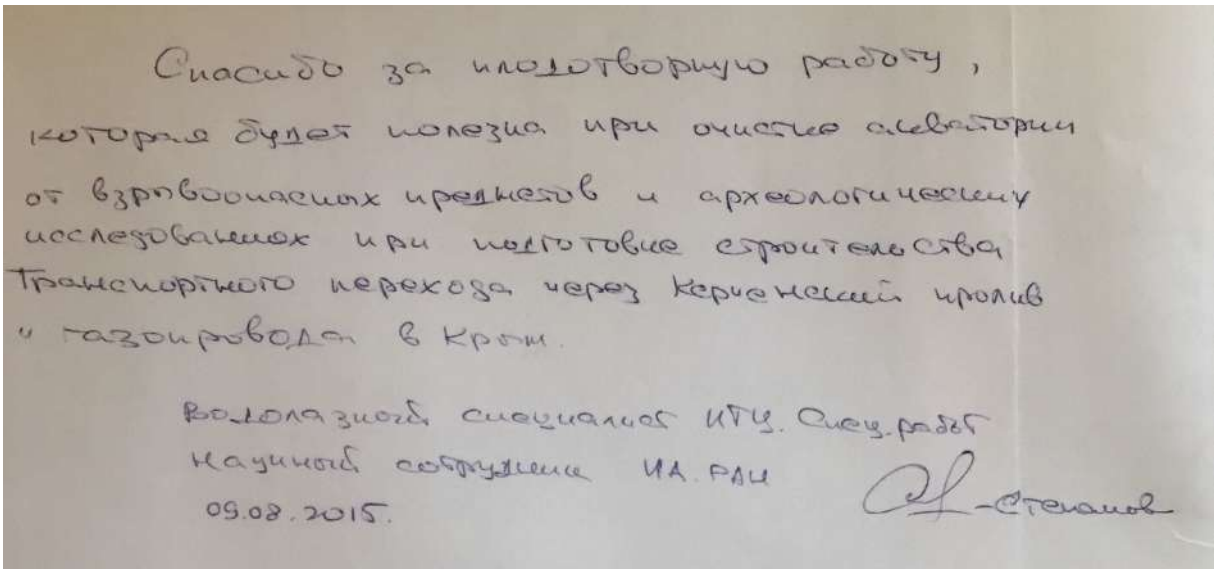
череда неких событий, которых предвидеть, ну, никак нельзя было, и тем не менее они последовали, как некое предопределение свыше! Должен здесь об этом поведать подробнее.

В июле-августе 2015 года ваш покорный слуга с семьей проводил время в Керчи. Какие-то пустяшные проблемы привели меня в городской архив. И здесь я вдруг встретил своего бывшего коллегу по работе в Керченском музее – Алексея Куликова, археолога и фанатика в своем деле. Оказалось, что он в архиве только временно работает, поскольку в нашем музее прошло сокращение штатов. Но своей археологии, сказал он, не изменяет и ее не оставляет: сейчас, мол, приватно сотрудничает с группой специалистов – подводников из Ленинградского института археологии Российской академии наук. И хотя встреча наша с Алексеем Владиславовичем была чисто случайная,

А.В.Степанов и автор. 2015 год.

на коротке, но я все же просто из вежливости поинтересовался: идет ли к ним «фарт» (так поисковики иногда величают конечный результат). И вот тут-то я узнал впервые, что с осени 2014 года уже проводятся исследования акватории пролива по трассе будущего транспортного перехода и газопровода: попутно очищается дно от взрывоопасных предметов и поднимаются артефакты (всевозможные объекты, как результат человеческой деятельности), это как раз и интересует моего собеседника. А руководит этой работой и приданными экипажами четырех водолазных ботов (катеров) сотрудник института – водолазный специалист подводно-технического центра Айвар Владимирович Степанов. Вот тогда и возникла у меня мысль ознакомить именно этого человека с моей картой: она могла бы заинтересовать его и помочь в определении местоположения подводных препятствий на дне будущей трассы транспортного перехода. Так и получилось: 5 августа 2015 г. состоялось мое знакомство со Степановым А.В., которого моя карта сразу же заинтересовала, и, причем, по-настоящему. Он попросил разрешения сделать с нее копию для его группы. 9 августа Айвар Владимирович возвратил мне карту со сделанной его рукой карандашной пометкой линии директрисы будущего моста, начинающейся от Комсомольского рыбцеха на побережье Таманского полуострова и проходящей вдоль косы Тузла к точке на крымском берегу, где ныне расположена межколхозная нефтебаза на окраине поселка «Цементная слободка» (это в юго-западной части Керченской бухты). По моей просьбе Айвар Степанов расписался на оборотней стороне листа карты, и вот какая фраза

осталась нам с Валентиной Дмитриевной Козлович на память: «Спасибо за плодотворную работу, которая будет полезна при очистке акватории от взрывоопасных предметов и археологических исследованиях при подготовке строительства транспортного перехода через Керченский пролив и газопровода в Крым. Водолазный специалист ИТЦ спецработ, научный сотрудник ИА РАН Степанов, 09.08.2015 г.».


Спасибо за плодотворную работу,
которая будет полезна при очистке акватории
от взрывоопасных предметов и археологических
исследованиях при подготовке строительства
транспортного перехода через Керченский пролив
и газопровода в Крым.

Водолазный специалист ИТЦ. Спец.работ
научный сотрудник ИА РАН
09.08.2015. Степанов

Оборот карты с автографом А.В.Степанова.

И вот теперь, глядя на эту карту, на косу Тузлу с обозначенной на ней улегшейся здесь десятилетия назад дюжиной бывших военизированных рыбацких судов во главе с легендарной шхуной «Красная Армия», - я подумал: именно они, эти полудеревянные скорлупки, выполнив когда-то свой гражданский и воинский долг, ныне приняли на свою грудь почетную тяжесть стального и бетонного основания строящегося Керченского моста. Разве это не символично: путь Крыма через Кубань к своей матушке – России в прямом и переносном смысле пролег через героический плацдарм посредине пролива – Тузлу, который создан

был еще в годы морских баталий здесь беззаветными усилиями братишек-моряков, военизированных рыбаков Крыма и Кубани, храбрецов из штурмовых отрядов Эльтигенского десанта?! Воистину, так!

Я горд, что именно мне – военному историку, 13 лет занимавшемуся эпопеей боевых действий в Керченском проливе и на Керченском полуострове в 1941-44 г.г., - суждено было «приложить руку» к этой символической тончайшей ниточке, вплетенной в ткань военной истории, и которая смогла привести специалистов – подводников и археологов к обеспечению подготовительных работ в ходе творящейся ныне великой стройки – возведению Керченского моста. Как ни убедиться: пути Господни неисповедимы!

Глава XII

Тернистый путь Керченской Книги Памяти

Прошло почти три четверти века со дня завершения разгрома фашистской Германии и ее союзников. Это немало не только для одной человеческой жизни, но и в масштабе истории. Особенно, если задуматься над тем, какая судьба ожидала бы мир, не будь того майского дня – дня Победы. Но к нему пролегали долгие 1418 дней и ночей… Народ назвал Великую Отечественную войну священной. Священна кровь защитников Отечества, пролитая на этой войне. Священны традиции пламенного патриотизма, героической самоотверженности, приобретшие в

годину военных испытаний поистине всенародный характер. Так не растеряем же их!

До сих пор военные ведомства ищут героев, чтобы вручить им награды. До сих пор звучит эхо войны: саперы взрывают бомбы, мины, снаряды и торпеды, не успевшие тогда, более семидесяти лет назад, пожать свою кровавую жатву. Юные следопыты находят останки воинов, канувших в бессмертие. До сих пор пишется о войне. Все это – тоже фронт. И боль.

Ведь и сегодня в Керчи, на Кубани, в Крыму живут надеждой что-то узнать о своем павшем отце, муже, деде, старшем брате десятки сотен стариков, потерявших след близкого человека в дни и годы военных испытаний. Больно и тяжело сознавать, что, например, о пяти тысячах керчан, не вернувшихся с полей сражений, остались памятью лишь поблекшие и износившиеся от времени листочки «похоронок» со словами-приговорами: «пропал без вести». А всего в скорбные списки павших на фронте керчан внесено более 8 тысяч фамилий. Как написал в реквиеме по не вернувшимся с войны землякам керченский писатель – фронтовик Наум Славин: «Это наши сограждане, наше родство: мужчины в зрелых летах, отцы семейств, чьей неизбывной посмертной скорбью осталась сиротская, вдовья доля их близких, и вчерашние школьники, юнцы с ломкими голосами, не успевшие открыться своей первой любви, женщины, хрупкие девушки в гимнастерках, в тяжелых сапогах, партизаны из каменоломен, подпольщики, ополченцы – люди сугубо штатского склада».

Чем дальше отдаляют нас годы от тех суровых дней, тем больший интерес проявляют к ним простые люди,

особенно – молодое поколение. Ведь стали открытыми для исследования новые пласты истории войны, ранее недоступные для освещения. Юные граждане хотят узнать, как воевали их деды и прадеды. И это неправда, что интерес к теме войны угасает. Он только теряется к проявлениям шаблона, штампа, ложной патетики и неприкрытой фальши в повествовании о войне. Грех берут на душу те публицисты, которые очерняют военные будни, извлекают на свет новоявленных «героев», жаждавших победы над Советами.

Нужно сделать все для того, чтобы каждый мальчик и каждая девочка в нашей стране относились к событиям Великой Отечественной войны не как к школьному уроку, а только как к уроку беззаветного мужества, непоколебимой преданности своему Отечеству. Возвращению памяти о великой схватке добра со злом служит ежегодный реквием у вечного огня 22 июня и празднование 9 мая завоеванной победы, ставшее всенародным торжеством.

И еще – созданная в каждом районе, в каждом городе, в каждой республике бывшего Советского Союза Книга Памяти. Это была Всесоюзная акция. Решение о создании в нашей стране такой книги было принято в январе 1989 г. В Крыму эту акцию развернули к лету того же года. В сентябре 1989 г. городские власти по решению Горкома партии сформировали рабочую группу по обработке материалов, содержащих сведения о тех воинах, кто в 1941-45 годах ушел на фронт по призыву трех военкоматов Керчи (Кировского, Ленинского и Орджоникидзевского) и не вернулся с войны.

Местами размещения рабочей группы, в конечном

итоге, стал Керченский горвоенкомат (райвоенкоматы были слиты в один орган местного военного управления уже после войны). Принять эту группу под свое крыло для военкомата было делом нравственным, добровольным, и решение об этом принял тогдашний военком, подполковник (в дальнейшем – полковник) Кальгов Владимир Петрович. Материальную сторону деятельности рабочей группы, которую финансировал горисполком, обеспечивала Ольга Николаевна Семенова – начальник финансово-хозяйственного отделения военкомата. Делала она эту работу безвозмездно и безупречно.

Редакторы “Книги Памяти” Л.А.Венедиктов и Вероника Бурова

Рабочая группа – это всего два сотрудника: руководитель и его помощник. В первые несколько месяцев на этой технической должности была

Людмила Пчелинцева, ее сменила Вероника Бурова, а последний год создания Книги Памяти – Зинаида Штельмухова.

Руководителем группы все четыре года оставался автор этих строк. Основная работа была связана с архивными документами горвоенкомата: похоронными извещениями, справками о розыске, именными списками павших воинов, поступавшими когда-то из воинских частей. В «офисе» рабочей группы (выделенный кабинетик на первом этаже здания военкомата) велся прием граждан, приходивших с заявлениями о включении в списки павших воинов своих близких, по их просьбам оформлялись запросы, разбирались сотни писем, осуществлялась сверка и корректировка всех поступавших материалов.

Постепенно была сформирована картотека из фамилий и кратких биографических данных на тех наших земляков, о ком имелись достоверные сведения как о павшем воине, и тех – о ком сведения надо было перепроверять и дополнять. Учетная карточка была утверждена единой формы по всей стране: в ней было 14 позиций, разработанных в Центральной редколлегии по созданию Книги Памяти (г. Москва, ул. Фрунзе, здание бывшего Генштаба С.А.), называлась она «Статистическая карточка». Вот эти позиции: «Фамилия», «Имя», «Отчество», «Год рождения», «Место рождения», «Национальность», «Партийность», «Призван на фронт (название военкомата)», «Адрес места жительства до призыва», «Воинское звание», «Число, месяц, год и место гибели», «Место захоронения», «Дата составления карты», «Основание», «Составил (ФИО, подпись)».

Сразу отмечу: разработчики карты и методики поиска и принятия решения по внесению кандидатуры воина в Список павших не удосужились изучить и дать рекомендации по такому вопросу, весьма щекотливому, - как увековечить персоналии тех, кто значится «пропавшим без вести».

Как показала дальнейшая практика работы на местах, единого мнения так и не было выработано до самого конца Акции, до 1995 г. Мною по личной инициативе была предпринята попытка встретиться в Москве на ул. Фрунзе, в кабинете с Председателем Центральной Комиссии в звании генерал-лейтенанта в отставке (фамилия вылетела из памяти), чтобы обсудить этот вопрос и внести свои предложения по упорядочению и единообразности к подходу в решении такого болезненного для родственников момента, как отказ в увековечении фамилии лиц, замаранных компрометирующим прошлым. Однако толку от этой, состоявшейся летом 1990 года, встречи не получилось: генерал твердил: «Решайте на месте сами». Вот так, на ощупь мы вынуждены были работать все три года, до начала подготовки списков к публикации их в рукописном виде и передаче в региональную редакционную комиссию в г. Симферополе.

Однако, летом 1993 года пришел конец моим сомнениям и ожиданиям централизованного решения (Симферополь тоже отмалчивался насчет «пропавших без вести»): факты требовали конкретных действий с моей стороны как руководителя городской Книги Памяти. Все фамилии и другие персональные данные на «пропавших без вести» в строгом алфавитном порядке каждого из них были вывешены на

специальном стенде в помещениях трех отделений Горсобеса (списки для обзора и отклика приходивших сюда керчан блокировались по 2-3, последовательно, на каждую начальную букву фамилии, и оставались для обзора в течение одной-двух недель). Из восьми тысяч фамилий, собранных в нашей картотеке, персоналии «пропавших без вести» составили больше половины. Поэтому работа с райсобесами растянулась на полгода. Для ускорения процесса выверки мои обращения к населению в течение всего этого времени публиковались в местных СМИ вместе с теми же списками. И результат не заставил себя ждать. Люди приходили в рабочую группу, звонили или делали пометки на самих списках в тех случаях, когда о бойце у заявителя была другая информация – «был жив» или «погиб в плену» и т.д. В итоге у рабочей группы появились основания поставить под сомнение точность сведений о безвестной военной судьбе конкретных людей, а то и – принять решение об их изъятии из подготовленных списков. Таких персоналий набралось больше 150-ти. Но главное было еще впереди. Я понимал с самого начала, что вся Акция, инициированная Инстанциями (ЦК и СМ СССР) будет чревата на местах бюрократическими проволочками и формализмом (достаточно вспомнить, что руководители рабочих групп были поставлены в положение «подчиненного аппарата» с ежемесячным отчетом «по вертикали», с нервными разговорами по телефону «сверху вниз», я уж не говорю о дубликатах каждой карточки, которые надлежало регулярно высылать почтой в Симферополь в региональную группу и т.д.), - а поэтому я стал действовать самостоятельно,

не дожидаясь, как говорится, «милости от природы», от чиновников Республиканской Книги Памяти. Я обратился к соответствующим сотрудникам Крымского республиканского Комитета госбезопасности и получил их согласие на проработку через архивы КГБ и МВД тех «пропавших без вести», которые вызывали наибольшие сомнения в точности сведений об их судьбе в годы ВОВ: не имеется ли среди учтенных в этих органах таких всевозможных преступников и предателей, расстрелянных вместе с дезертирами и уголовниками, которые каким-то образом оказались в списках «пропавших без вести» среди персональных потерь Красной Армии и ВМФ в годы ВОВ. Вот тогда-то вышестоящая редколлегия одобрила мою инициативу (кажется, выдала ее за свою). В дальнейшем все наши списки на «пропавших без вести» были согласованы с чекистами. В итоге 130 человек были нами изъяты из общих списков воинов, реально отдавших свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины.

Если до этого не дошли сами в других редколлегиях страны, то считайте, мои дорогие читатели, что я, образно говоря, «изобрел велосипед» на этом тернистом пути к созданию Книги Памяти…

Газета «Керченский рабочий», городское радиовещание, руководители крупных предприятий, организаций, колхозов-рыбников, школ, жеков с готовностью создавали условия для контактов членов рабочей группы и ее нештатного актива с трудящимися города и, тем самым способствуя активизации темпов сбора сведений о павших на фронте наших земляков. Ведь времени на всю подготовку к изданию Книги Памяти оставалось немного – 3 года. Помощниками

нашей группы стали керчане Ф.Г.Гранковская, А.А.Соколовский, Н.К. Катанцев, Г.Б.Третьякова. Историко-литературный очерк подготовил писатель Н.А.Славин. Способствовали сбору и проверке сведений о павших воинах руководители таких организаций, куда мы обращались за помощью, как горсобес (В.И.Чайка), узел связи (С.И.Олейник), гороно (В.В.Идт). В филиалах собеса сотрудники пересмотрели около 4,5 тыс. военных архивных пенсионных дел. Почтальоны всех отделений связи в старых кварталах Керчи поработали с картотекой на пропавших без вести (учитывалась та кампания по переименованию названий улиц, которая прошла после войны).

Все эти методы поиска и выверки полученных сведений о персональных потерях мы в рабочей группе «изобретали» сами. И это давало интересный результат. Ведь работа над Книгой Памяти позволяла решить главный вопрос – вернуть из забытья имя бойца и устранить сомнения у его близких. Вот несколько примеров. Наша публикация в «Керченском рабочем» за 9 мая 1991 г. о рядовом Романовском Петре Ивановиче, ушедшим на фронт в 1941 г. и не вернувшимся, дала надежду его дочери, керчанке В.Меняевой найти его могилу под Новороссийском, где он пал в бою. Семья керчан узнала из наших сообщений, что их родственник, матрос Бажанов Григорий Иванович, моторист тральщика «Геленджик», не пропал без вести, а в бою 10 февраля 1943 г. погиб на борту и похоронен в море. Родные старшего лейтенанта Симоненко Константина Антоновича получили от нас информацию, что он похоронен в

Севастополе, скончавшись от ран 30.05.42 г. После прочтения нашей публикации близкие солдата Емельянченко Александра Антоновича узнали, что он не пропал без вести, а погиб в бою и похоронен в Салдусском районе Латвии. Сестра сержанта Мутасара Владимира Григорьевича имела сведения, что он пропал без вести. Теперь же ей стало известно, что место его захоронения – в Запорожской области. Дочь бойца Коснеева Александра Ивановича узнала из нашего сообщения в прессе, что отец не пропал без вести, а умер от ран и похоронен в Казани.

Иногда сведения о гибели солдата, осевшие в архивах страны, оказывались ложными и подлежали исправлению после нашей проверки. Так получилось со старшиной 2-й статьи Берберовым Константином Андреевичем, считавшимся погибшим в десанте под Новороссийском: фронтовик умер в 1958 г. Так вышло с сержантом Сущенко Дмитрием Матвеевичем, причисленным 11 октября 1943 г. к убитым после его невозвращения из разведки под Смоленском, а на самом деле вернувшимся к семье в 1944 г. и даже принимавшим в 1989 г. орден Отечественной войны в военкомате, где он продолжал значиться погибшим на фронте. Боец Кладковый Александр Владимирович до 1992 г. числился погибшим 19.08.44 г. в районе Сандомира, Польша. А оказалось, что он был ранен, попал к партизанам, воевал вместе с ними и вернулся на фронт.

И так несколько десятков керченских семей узнали правду о судьбе своих родственников. И все это благодаря составлению списков для Книги Памяти. Рабочая группа составила более 1800 статкарточек

на воинов, призванных другими военкоматами Крыма, и особенно большое число таких карточек было передано в рабочую группу Таманского полуострова – в Темрюк и другие города Кубани. И не мудрено: война связала эти регионы неразрывно.

Наряду с работой по сверке наших списков с другими разными источниками, в том числе – с материалами музеев и комнат Боевой Славы предприятий и учебных заведений, нами велась выборка и обработка учетов в Центральном архиве. МО СССР (г. Подольск) и Центральном военно-морском архиве (г. Гатчина Ленинградской обл.).

Местные журналисты освещали работу нашей группы в городских СМИ. Одним из активных наших помощников была член редколлегии Книги Памяти, собственный корреспондент «Керченского рабочего» Валентина Терентьевна Солина. Вот одна из ее многочисленных публикаций о работе по подготовке Книги Памяти города Керчь: «Л.А.Венедиктов, ответсекретарь редколлегии и руководитель рабочей группы обстоятельно доложил, что к началу прошлого года были подготовлены данные на четыре тысячи керчан, погибших и пропавших без вести; к началу нынешнего – семь тысяч; установлены имена 140 партизан и 21 подпольщика. Такой скачок во многом из-за того, что в Центральном архиве внедрены ЭВМ. Продуктивно потрудился и сам Лев Александрович в Гатчине, в военно-морском архиве: из донесений флотов и флотилий добыл материал почти на тысячу крымчан; наших земляков оказалось в этом списке почти 300, притом более 75 моряков – совершенно новые имена. Несколько десятков фамилий внесли за год школьники». (30.01.1992 г.).

Спустя почти три года с начала Всесоюзной акции начал функционировать в Подмосковье Центр по обработке архивных дел с донесениями о персональных потерях времен ВОВ. В Республиканскую редколлегию с начала 1992 г. стали поступать распечатки с электронно-вычислительных машин (ЭВМ) с полными данными на воинов, павших в боях ВОВ. Такие материалы рассылались из Симферополя в местные рабочие группы. Теперь было полегче принимать решение о внесении имени бойца в общий список для городской Книги Памяти, хотя, в целом, сведения из распечатков ЭВМ к тому времени отражали те же данные, что мы скрупулезно, с огромным напряжением собирали в предыдущие 2,5 года. Вот если бы с самого начала была разработана такая автоматизация!

Но это было несущественным, можно сказать - сущей недоработкой организаторов Акции по сравнению с тем, что ожидало создателей Книги Памяти: распался Союз, ушла в «подполье» партия, впереди был полный туман, хотя все списки в строгом алфавитном порядке нами в Керчи были отработаны, отпечатаны и к декабрю 1993 года высланы в республиканскую редколлегию Крыма. В начале января 1994 г. горисполком неожиданно прекратил финансирование деятельности рабочей группы. В Симферополе остались невыверенными подготовленные нами вместе с Керченским военкоматом списки воинов армии и флота, погибших в боях за Керченский полуостров и похороненных в Керчи. Оказались невостребованными переданные в Симферополь фотоматериалы по воинским захоронениям и памятным местам времен ВОВ. Не была осуществлена

окончательная редакция подготовленной Керченским музеем-заповедником вводной статьи как историко-героической части Керченской городской Книги Памяти. По отношению к павшим землякам, защитникам и освободителям Керчи было предательством со стороны тех чиновников, кто в этот переломный момент поспешил свести многолетние старания энтузиастов из Керченской редколлегии к созданию упрощенного издания – «Тома-2 республиканской Книги Памяти», включившего в себя списки, составленными рабочими группами Керчи, Ленинского района республики Крым и Феодосии…

Что можно сказать по этому поводу? Стыдно. Одно успокаивает: семьи, близкие, наследники Славы старшего поколения керчан все же получили в свое распоряжение Поминальную Книгу с фамилиями тех, кто сделал все от них зависящее, чтобы никогда не ступала на нашу землю вражеская нога.

В ноябрьский погожий день 1995 года в Керченском музее-заповеднике состоялось действо по передаче тома Керченской городской Книги Памяти тем, кто ее больше всего ждал – родным и близким наших земляков. Вот как откликнулась на это событие журналист и член редколлегии по созданию этой Книги Валентина Терентьевна Солина: «Называлось это по теперешней моде нерусским словом «презентация» (по-латыни – представление, предъявление), однако было все совсем не по-заграничному, а очень по-нашему: взамен вечерних «почти от Кардена» платьев, хрустального и бриллиантового блеска среди брызг шампанского и на фоне дежурных улыбок – платочки из сундуков чуть ли не на самые глаза, негнущиеся

пальцы с распухшими суставами и бесконечные – одна догоняет другую – слезинки по щекам, густо исчерченным морщинками… И эти глаза, давно как-будто уже отгоревшие, поблекшие и выцветшие, - заполнил удивительный волшебный свет. И что в сравнении с ним все драгоценности мира, когда это – отражение любви, не гаснущей в душе больше, чем полвека?..

Все в этом зальчике историко-культурного заповедника так не походило на каждодневные теле-маскарады, а проходило так по-настоящему и с такой пронзительной искренностью, что не могли сдерживать чувства ни одни «маяцкие да из Глейков» солдатские вдовы – Вера Ивановна Бузина, Марфа Никифоровна Петренко, Ирина Васильевна Колесник, Марья Ивановна Годына, Нина Кирилловна Ерохина, которая так вот коротко публике отрекомендовалась: «…рыбачили, болтались в море, детей воспитывали. И все».

Наверное, у каждого, кто выходил к трибуне, кто говорил с места или просто молча, сопереживал - комок подступал к горлу. Могу и по себе судить… Такое это было событие – представление (предъявление) уникального издания, Керченского тома Книги Памяти. Повод вспомнить одну, общую для всех печаль, и – свою, личную… Вот Ангелина Владимировна Дякина. Один ее двоюродный брат – пропавший без вести рядовой Величко Вячеслав Федорович, записан в этом втором томе, а другой – партизан Арсланян Георгий Павлович будет занесен в том № 6, посвященный погибшим Крымским партизанам, подпольщикам и мирным жителям… Петренки занимают почти

страницу… Многие одинаковы по отцу или имя одного в отчестве другого… Один из них – Иван Демьянович, муж Марфы Никифоровны, с которой пришел на встречу по случаю выхода Книги Памяти их сын – Константин Иванович: «Бабушка потеряла из пяти сыновей четверо, в том числе и мой отец. Он в Латвии лежит. Один его брат под Москвой, другой в Сталинграде, сестра в Керчи… И вот, это одна земля была, одна Родина, которую все вместе защищали. А теперь даже само слово «патриотизм» вычеркивают из нашей жизни. И Великая Отечественная для некоторых – уже «русско-немецкая война…». В конце статьи Валентина Солина подытожила: «С Ивановыми, наверное, никто не сравнится – их в Книге – 50. Но часто повторяются другие фамилии – Синяговские, Дубинины, Беспрозванные, Гафаровы, Бакши, Пейсах, Аблямитовы, Алиевы… Многие и ныне на слуху. Это жены, дети, внуки, братья, племянники. Всем им для вечной памяти о погибших родных людях издана эта книга, которую руководитель рабочей группы старший научный сотрудник Л.А.Венедиктов так и назвал – поминальной. Он сказал, что рождалась она долго и порой мучительно. В 1994 г. вопрос о выходе Книги вообще повис в воздухе… Финансовые трудности заставили объединиться с соседями. А из-за этого не удалось поместить данные на 4,5 тысячи воинов, погибших в Керчи… Остается надеяться, что будет еще новый том, в который войдут эти материалы. Уже сейчас, сказал Л.А.Венедиктов, есть неопубликованные данные о более 400 не вернувшихся с войны керчан. Они поступили уже после того, как издательство «Таврида» приступила к выпуску нашего тома. В

нем опубликовано7895 фамилий павших воинов – наших керчан, 3541 – из Ленинского района, 2440 – феодосийцев». Вот такая получилась арифметика, мой дорогой молодой читатель…

Мы, ныне живущие поколения, всегда будем оставаться в долгу перед теми, кто не вернулся с полей и высот сражений той Великой Отечественной. Помни об этом.

Заключение

Мой дорогой читатель, представь себе: город Керчь растянулся вдоль побережья пролива аж на 34 километра! И на всем этом протяжении неугасимо теплится людская память о прошедшей Великой войне в виде памятников, мемориальных комплексов, памятных знаков, мемориальных досок, обелисков. Всего их 46. Именами Героев Советского Союза, воевавших за Керчь, и тех земляков, кто отличился в боях за годы ВОВ, - названы 53 улицы и переулка. И еще 38 имен защитников и освободителей Керчи увековечены в названиях других городских кварталов.

А в центре города, на площади им. В.И.Ленина есть ставшее святым одно место, к которому всегда устремляются гости нашей Керчи и куда обязательно ведут группы отдыхающих – курортников штатные и внештатные экскурсоводы, - это Мемориал в честь 146 Героев Советского Союза, получивших это звание за подвиги при защите и освобождении города-крепости в 1941-44 г.г. Их имена высечены на полированных крапового цвета стелах, расположенных полукругом внутри смотровой площадки.

г. Керчь. Вечный огонь, северная сторона

г. Керчь. Вечный огонь, южная сторона

А противоположный сектор занимают такие же стелы с 20-ю наименованиями воинских, авиационных и военно-морских частей и подразделений, удостоенных за победные бои на этой земле почетного имени «Керченские». Все эти воинские формирования, от соединений 56-й Армии (с 28 ноября 1943 г. ставшей отдельной Приморской Армией) до 9-й отдельной моторизованной разведроты при разведотделе штаба этой армии, - все прошли через бои под Новороссийском и на Таманском полуострове, в схватках с врагом преодолели пролив и вместе с другими войсками ОПА принесли освобождение Керчи и далее – всему Крыму.

г. Керчь. Обелиск в честь городов-героев

И этим соединили накрепко и навек два берега, две русские суши, объединенные с исторических времен в географический символ – Таврия, Таврида…

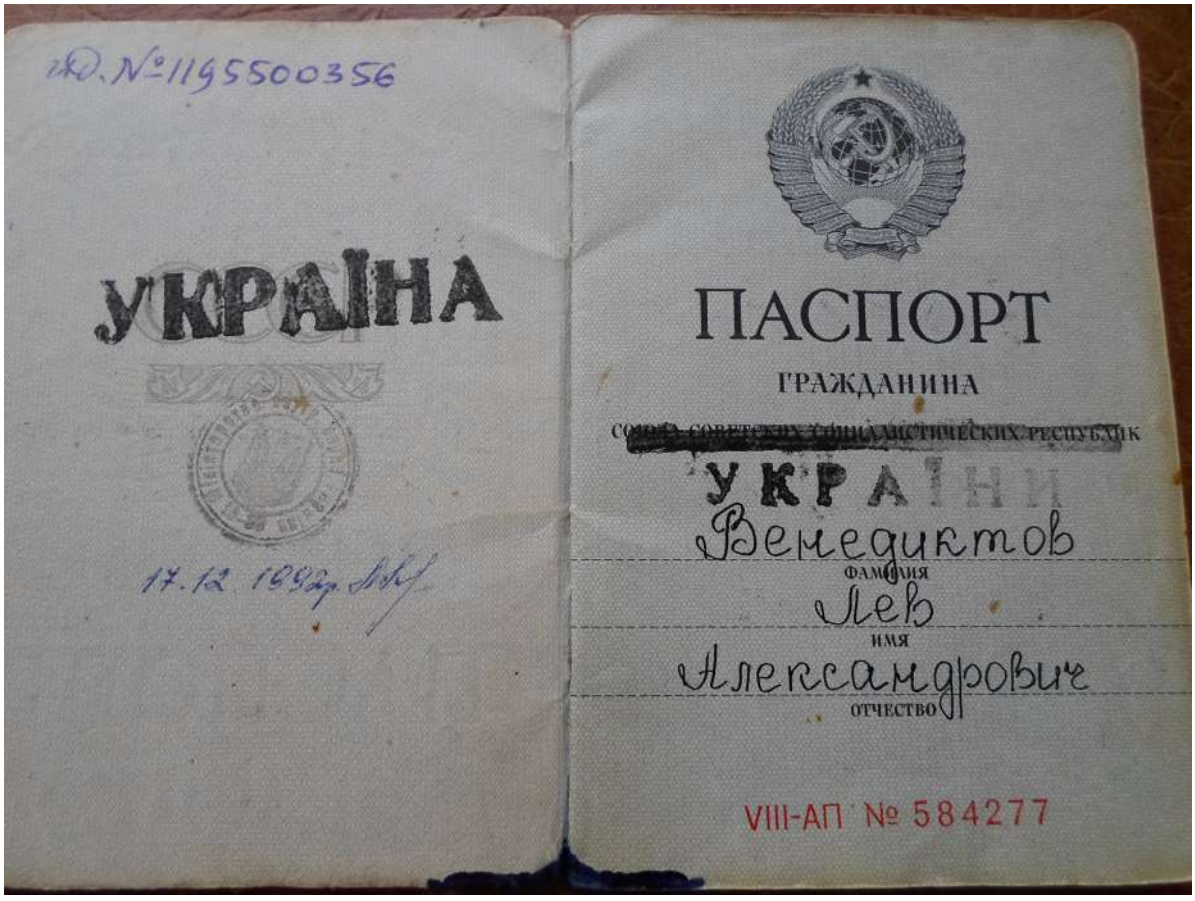
…На одной из высот, возвышающихся на 165,5 метров над уровнем моря и именно так обозначенной на военной карте в ходе наступления наших войск при подходе с северо-восточного направления к окраинам Керчи, 11 января 1944 г. на своем КП от прямого попадания авиабомбы погиб легендарный комдив генерал-майор Аршинцев Борис Николаевич. Его именем назван в 1961 г. микрорайон города Керчи, а фамилия этого командира 55-й гвардейской Иркутской трижды Краснознаменной имени Верховного Совета РСФСР стрелковой дивизии Аршинцева Б.Н. ныне возглавляет упомянутый выше почетный список Героев на площади им. В.И.Ленина. Похоронен же он был на городском кладбище в воинском секторе, а на предполагаемом месте его гибели, на высоте 165,5 (по уточненным впоследствии сведениям поисковиков генерал погиб на соседней высоте 115,5) энтузиастами была установлена бетонная стела с памятным текстом.

Генерал-майор Б.Н.Аршинцев

И вот наступили новые времена: в конце 90-х годов кто-то из современных варваров разорил это и другие

такие же святые места, напоминающие о войне. Кто-то из молокососов, а может быть – не только, но и «насосавшихся» насаждаемого киевской верхушкой яда националистической идеологии, - пошел в поход против памяти о войне. После 1992 г. началась не просто «украинизация» Керчи, жители которой на 78% состояли и состоят из этнических русских, а более 95% говорили и говорят только по-русски, - но была заложена мина под мировоззрение подрастающего поколения.

Все началось с простой «бюрократизации». Посудите сами, дорогие читатели. В декабре 1992 г. всем жителям Керчи в паспортном столе на титульном листе нашего, еще двуязычного «серпастого и молоткастого» было пришлепано грязно-жирное



Паспорт с клеймом Украины. 1992 год.

клеймо – «Украина». С таким, хоть и замаранным документом, но можно еще было некоторое время пересекать границу Украины, переезжая паромом в Россию через Керченский пролив. Пошла замена паспортов на «жевто-блакитные». Ретивые украинские чиновники придумали переиначивать имена русских людей на свой лад. Мое отчество «Александрович» по-украински зазвучало «Олександривыч». По истечении 180 суток пребывания в Керчи с русским паспортом, я обязан был пересечь фарватер – границу с Россией, и только тогда, но не в этот же день – вернуться обратно.

В жизни Керчи, как русского города, тоже начался па-ралич. Не говорю уже об украинизации всех бланков документов (счетов, квитанций, справок и т.д.), которые стали печататься на «мове» - украинском языке, непонятном без переводчика или словаря. Как и передачи местного радио и телевидения. Порой, керчанин чувствовал себя как «рыба, выброшенная на лед». Но это люди. А город!?

Керчь в середине 90-х годов потеряла полностью рыбную отрасль: в «Керчьрыбпроме» раньше в океан ходило до десятка траулеров, супертраулеров, плавбаза по переработке морепродуктов – все было порезано, что называется, - «на иголки», остались не у дел 5000 моряков и рыбаков. Такая же судьба постигла другое Объединение – «Югрыбпромразведку».

В городе были постепенно развалены такие гиганты промышленности, как Камыш-Бурунский горный комбинат, Керченский металлургический комбинат, остался невостребованным судостроительный завод «Залив», не стало мясокомбината, стекольного комбината – новостройки стратегического значения,

полдюжины заводов и фабрик.

Подошел черед отметить те изменения в работе и нас, тогдашних сотрудников музея-заповедника, - изменения, которые оказались продиктованными новым курсом руководства Украины в политике, культуре и народном образовании. В работе по патриотическому воспитанию молодого поколения появились новые «рамки». В школах города, при выступлении наших научников о подвигах советского народа в Великой Отечественной войне, по требованию дирекции школы они должны были придерживаться того объема и направленности информации, которые заданы были в новых учебниках по истории Украины. А там от подлинной истории остался «пшик». В ходу появились учебники, в которых личности, например, Г.К.Жукова отведено было десять строк, а Колчаку – пятнадцать. А результат не заставил себя ждать. Расскажу об этом на примере собственного опыта.

Памятник Вере Белик - Герою Советского Союза.

Накануне 60-й годовщины Керченско-Эльтигенского десанта в октябре 2003 года, мне в числе других сотрудников музея-заповедника довелось проводить «Уроки мужества» в подшефной керченской школе, носящей имя Героя Советского Союза,

выпускницы этой школы довоенных лет, летчицы лейтенанта Веры Белик. У входа в школу стоит ее бюст в бронзе. Я выбрал 10 класс, в нем было 9 мальчиков и 11 девочек. Для «разминки» мною было предложено им письменно ответить в течение 20 минут на три вопроса:

1. Кого следует называть героями своего Отечества;

2. Кого из числа таких людей ребята считают наиболее заметной личностью в современной истории;

3. Какие привлекательные человеческие черты и деяния этих людей следует отметить в первую очередь?

Вот результат теста. 18 человек на первый вопрос ответили (цитирую) – «защитников Отечества», «солдат, которые мужественно сражались», «были готовы пожертвовать жизнью за свою Отчизну и свой народ».

Особняком стоит ответ мальчика, считающего героем «человека, поднявшего международный авторитет Украины и уровень жизни людей». Вроде бы все верно.

Обращало на себя внимание многократное употребление ребятами словосочетание «вторая Мировая Война», подменяющего привычное – «Великая Отечественная».

Ответы на второй вопрос еще более настораживали. Ученики склонны считать героями, наряду с Дашей Севастопольской, матросом Кошкой, хирургом Пироговым, адмиралом Нахимовым (видимы недавние уроки по истории обороны Севастополя в войну 1853-56 г.г.), также боксеров братьев Кличко, футболиста Шевченко, Петлюру, Гитлера, Распутина. Встречались фамилии М.И.Кутузова, А.В.Суворова, Г.А.Потемкина.

Упомянуты были М.С.Грушевский, Богдан Хмельницкий,П.К.Сагайдачный,Д.И.Менделеев,М.В.Ломоносов, В.И.Ленин, Т.Г.Шевченко, М.В.Фрунзе, Леся Украинка. К героям причислен Л.Кравчук.

Ни разу не упомянута фамилия Веры Белик, того героя, чьим именем названа их собственная школа. Из истории боев за город Керчь назван одним мальчиком и девочкой Володя Дубинин – юный партизан 1941 года. Из 146 героев, увековеченных на керченской земле за ее освобождение, не упомянут ни один. Напомню, отвечали на вопросы дети, пришедшие впервые в школу в 1993 г. и за десять лет, к 2003 году, уже ориентировавшиеся в исторических категориях. Это подтверждали ответы на третий вопрос. Мальчик, который считает Гитлера героем современной истории, пояснил в своем листке: «Он достиг всего в своей жизни сам. Один человек покорил огромное количество людей». Тот, кто вспомнил братьев Кличко, С.Бубку и других спортсменов как героев, отметил «стремление к победе, к прославлению Украины, к достижению своей мечты».

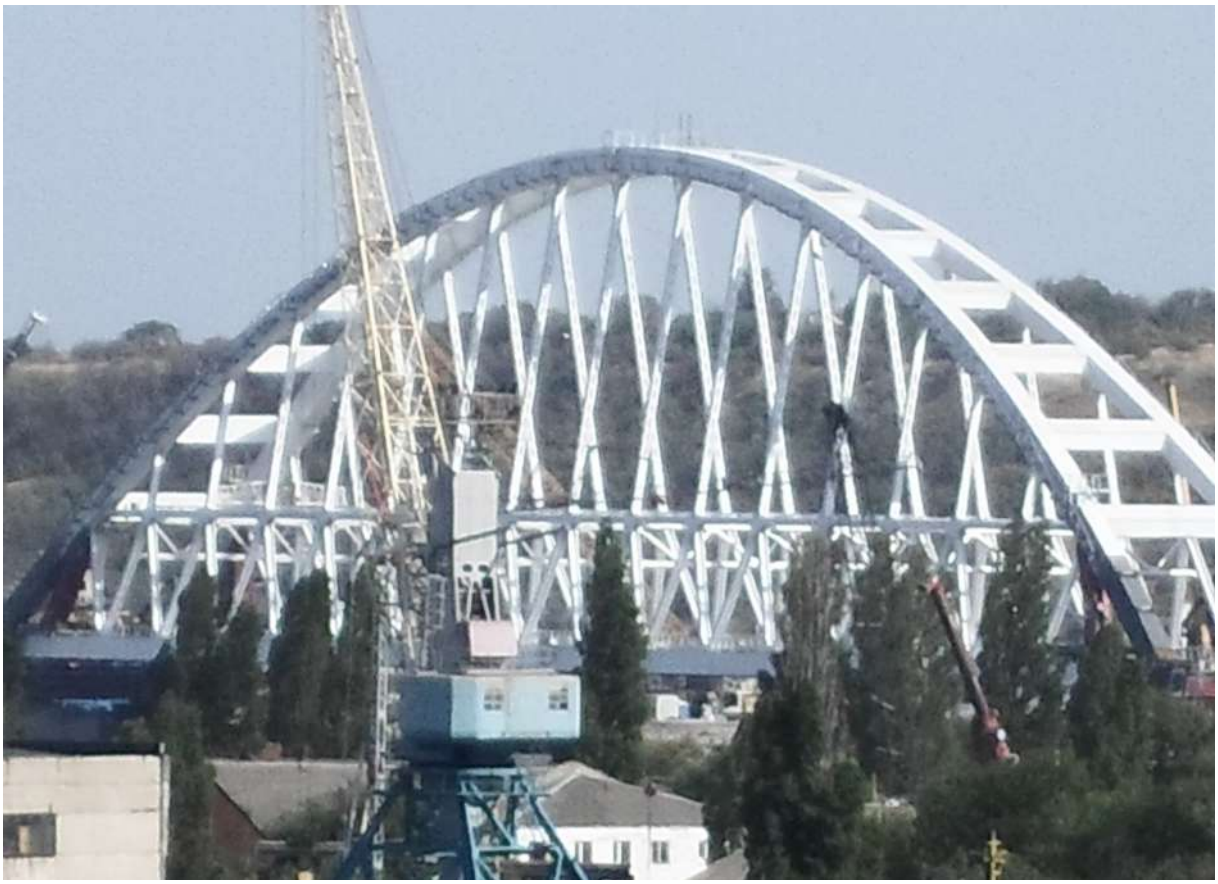
Один из участников опроса возвращается к пояснению – почему он считает героями Отечества тех, кто беззаветно готов защищать Родину: «Мне нравится в этих людях мужество, храбрость, логика мышления, верность, готовность отдать жизнь за Родину. Без них мы не выжили бы в войне». Внимание, дорогой читатель! Эти мысли изложила девочка(!).

Лишь на трех листках были запечатлены такие установки как главные черты героя – «смелость, мужество, героизм, способность выстоять до конца, пожертвовать собственной жизнью ради других, ради

своей Родины». Авторы исходят из того, что герои – это воины, те, кто мужественно сражался за нашу страну и в опасной схватке выстоял. Как ни странно, все эти мысли принадлежали девочкам! Подчеркиваю.

Будущие же защитники Отечества в своих ответах обошли стороной эти вполне конкретные определения. Я тогда подумал: что-то за десять лет изменилось во взгляде наших школьников на недавнюю историю. Или места подвигу в душе мальчика не осталось? Или замутнено понимание истинных человеческих ценностей? Но пришло ощущение, что явно наметилось отклонение от морально-этических и политических установок современного общества, присущих многим нашим прежним поколениям. Налицо была явная девиация детской души (этот медицинский термин – «отклонение в нормальном развитии какого-либо органа на средней стадии формирования, приводящее к изменению его строения у взрослого организма по сравнению с его предками», - как раз подходит к определению того, что мы наблюдали как результат курса киевской власти по украинизации Керчи и всего Крыма). Разве могли люди старшего поколения мириться с такой перспективой в развитии подрастающей смены? Безразлично взирать, как их, жителей Крыма, постепенно превращают в людей второго сорта?! Здесь моего письменного ответа не требуется. Крым вернулся в русский мир и уже ничего, никогда не изменить. Порукой тому является Керченский мост, который как радуга после пасмурного ненастья и затяжного дождя, в ясный весенний день озаряет небосвод, знаменуя наступление долгой хорошей погоды… Ведь радугу не отменить?!

Площадка на горе Митридат. Фото автора.



Арка железно-дорожного Крымского моста. Фото автора.

Послесловие

Итак, закончен мой скромный труд над обобщением некоторых героических страниц из истории сражения за Керчь и Керченский полуостров в годы фашистского нашествия, в том числе – страниц из летописи «боевых действий», развернувшихся здесь уже в послевоенные годы как драматические схватки молоденьких керчан – осоавиахимовцев, военных экипажей тральщиков, водолазов с доставшимся на их долю смертоносным металлом, что оставался многие годы коварным наследием войны.

Все эти страницы зарождались как личные воспоминания участников той эпопеи, записанные мною тогда же и обязательно отредактированные каждым из них, прежде чем такой документ стал частью архива Восточно-Крымского (Керчь) историко-культурного музея-заповедника.

А таких живых свидетельств уже канувших в Лету драматических событий шестидесяти-семидесяти-летней давности отложилось в архиве ВКИКМЗ многие и многие десятки. Часть из них нашла свое место в книге, которую ты, мой дорогой читатель, сейчас держишь в руках, и она стала твоим достоянием и может быть (надеюсь) достоянием родных и близких из числа потомков героев нашей летописи.

Но еще ждут встречи с нынешним поколением читателей и другие хранящиеся здесь письменные откровения о пережитом, оставленные нам многими

иными участниками легендарного разминирования Керчи и ее окрестностей: осоавиахимовцами, членами городских команд саперов, экипажей тральных сил ЧФ, водолазов Азово-Черноморского бассейна. Сотни страниц, включающих в себя их воспоминания, могли бы составить новую книгу с таким вот, например, названием – «К выполнению задания приступить!» (С этой уставной команды руководителя положено было начинать каждый раз работу на местности по ликвидации взрывоопасных предметов).

С надеждой на то, что когда-нибудь эта, еще невостребованная, часть архива станет объектом внимания военного историка-архивиста и будет воплощена в новое издание, – я завершаю свою книгу.

Содержание

Слово об авторе 4
Дорогой читатель! 7
От автора 10
Вместо предисловия 23
Глава I.
И был суд народов 27
Триста двадцать фронтовых дней Керчи . . . 30
Глава II.
Керчь в военной гимнастерке 35
Призванные досрочно 36
Не всем было даже восемнадцать 44
Глава III.
Служили Родине керченские девчата 57
Глава IV.
Женщина и война 76
Глава V.
Керчь военных лет: начало борьбы 89
И не военные, и не гражданские 101
На борьбу поднялся и стар, и млад 120
Чтобы помнили… 132
Глава VI.
Вторжение в Крым 143
Керчь не сдается 150
Глава VII.
Керченско-Феодосийская десантная операция . . 153
Страницы минувшего 163
Крымская «дорога жизни» 172

Глава VIII.
Трагедия Крымфронта 178
«Злой гений» Крымфронта 180
Снова отступление 186
Глава IX.
Керчь продолжает бороться 217
Разные судьбы 219
На острие «меча» 244
Глава X.
Керченско-Эльтигенский десант 268
В списках героев не значатся 211
«Даешь Керчь!» 279
Кровавая зима 1943 года 291
Мера нанесенного врагу ущерба 299
Залог нашей победы 303
Перед заключительным броском 310
Глава XI.
Керчь не забудет ни кого и ни что 320
Свет далеких звезд 323
Они были в числе героев на страницах СМИ . . 334
Керченский мост 393
Глава XII.
Тернистый путь Книги Памяти 402
Заключение 417
Послесловие 427
Содержание 429

Автор благодарен начальнику архивного отдела администрации МО Крымский район Светлане Владимировне Клименко за техническое обеспечение всего проекта, в т.ч. – работу по созданию макета книги.

От всей души благодарим Заместителя директора по научно-фондовой работе Восточно-Крымского музея-заповедника заслуженного работника культуры республики Крым Наталью Владимировну Быковскую и ее коллег за оперативное и качественное предоставление иллюстрированных материалов для нашей книги.

Выражаю благодарность Председателю Крымского горрайсовета ветеранов Мирошниченко Николаю Сергеевичу за отзывчивость при решении вопроса о подготовке рукописи будущей книги.

Особая благодарность депутатам Законодательного Собрания Краснодарского края Горьбань Андрею Евгеньевичу и Кравченко Николаю Петровичу, а также членам Совета молодых депутатов МО Крымский район за всемерную поддержку и обеспечение выхода в свет нашей книги.

Выражаем благодарность и признательность Янину Александру Сергеевичу за оперативность и высокий профессионализм при издании нашей книги в типографии ООО «АЛЕВ».

Лев Венедиктов

Керченский мост

Отпечатано в ООО фирма “АЛЕВ”
Зак. 15. Тир 150 экз.
Формат 60х84/16 Объем 27,0 усл. печ. листов
Бумага офсетная Печать трафаретная
Гарнитура Arial